Э. Н. Голованова

ПТИЦЫ ВОЗЛЕ ДОМА

Э. Н. Голованова

ПТИЦЫ ВОЗЛЕ ДОМА

Ленинград
Гидрометеоиздат 1990

28.68
Г61

Рецензент д-р биол. наук Т. С. Гладкина

Г 61 Голованова Э. Н. Птицы возле дома. Л.: Гидрометеоиздат, 1990, 184 с., с ил.

Третья книга Э. Н. Головановой, составляющая с двумя предыдущими, выпущенными Гидрометеоиздатом (1985, 1987 гг.), трилогию «Мир птиц», посвящена птицам, которые живут возле дома, в саду. В ней показана связь разных видов пернатых с человеком и с окружающей природой, с возделываемыми растениями и с живущими возле людей домашними животными. Особое внимание обращено на поведение птиц, их приспособление к жизни бок о бок с людьми. Цель книги — познакомить читателя с миром его пернатых соседей и привить доброе и заботливое отношение к ним.
Для широкого круга читателей.

Г $\frac{1502010500\text{-}008}{069(02)\text{-}90}$ 53-90 28.68

ISBN 5-286-00102-5

© Гидрометеоиздат, 1990

В СТРАНЕ БЕЛОГО АИСТА

Огромное аистиное гнездо с аистятами где-нибудь на водонапорной башне, крыше или вершине высокого дерева придает деревне особую прелесть. По народному поверью, в тех деревнях, возле которых обосновались аисты, жизнь людей складывается счастливо. По всей видимости, это далеко не пустые слова. Как должны быть дружны и добры жители, чтобы никому из них, включая и мальчишек-сорванцов, не пришло в голову потревожить птиц, разорить их гнездо!

Похоже, что аисты неплохо разбираются в человеческой психологии. К хуторянину-одиночке они относятся с недоверием и сторонятся его: мало ли что такому может взбрести на ум. Заброшенных деревень птицы тоже избегают. Правда, и особенно большие поселки им не по вкусу. В таких местах слишком много машин, линий проводов, часто оказываются вытоптаны скотом и высушены луга, на которых птицы кормятся.

Наша деревня — Заболотье — спряталась от больших дорог за рекой Псковой и за сырыми, поросшими мелким лесом болотинами — омшарами. Даже в те времена, когда в Псковской области были деревни по полсотни и более дворов, в нашей было всего десять изб. Неподалеку от нее стоял большой бревенчатый дом — школа. Семьи были многодетные, избы многолюдные.

Но Псковскую область едва ли не больше, чем другие, коснулась волна миграции. Дети подрастали и начинали уходить из деревни в город, к новой жизни с универмагами, кино, заводами и многоэтажными домами. Те, кто остался в совхозе, переселялись поближе к асфальтированным дорогам, на центральные усадьбы, в большие поселки. А деревни пустели. В соседней с нами Борисовщине, где прежде было

шестьдесят дворов, остался жилым один домик, из которого полуслепая старушка Настенька не хотела уезжать ни при каких условиях. Оставили жители Лесково — красивую деревню, стоящую на краю соснового леса. Брошенные дома за несколько лет почернели, покривились и стали выглядеть более печальными и унылыми, чем соседствующий с ними погост. Кресты на могилах не так быстро ветшают, как дома, в которых никто не живет.

Покинула часть жителей и Заболотье. Одна семья уехала в Псков, другая — в Петрозаводск, третья в Сланцы. Двое стариков умерли, и остались жилыми только три дома. Но опустевшим избам повезло — не успели они прийти в запустение, как у них появились новые хозяева. Возник встречный поток миграции — из города в деревню. Появились новые люди, которых местные жители называют всеобъемлющим словом «дачники», включая в эту категорию практически всех, кто не живет в деревне постоянно. Домики, которые не годятся для того, чтобы их разобрать и перевезти в большой поселок, за недорогую плату арендуют горожане, поселяя в них на лето своих стариков и детей. И в нашей деревне вновь зазвенели детские голоса, а опустевшие скамейки под окнами заняли степенные бабушки.

За всеми этими изменениями с большим интересом наблюдали аисты, частенько пролетавшие над крышами домов. На краю Заболотья на спиленной макушке высокой ели когда-то давно было укреплено старое колесо от телеги. Пока наша так называемая неперспективная деревня год от году уменьшалась, огороды зарастали крапивой и снытью, а на избищах вырастал малинник, старое колесо на ели не привлекало внимания птиц. Сквозь его деревянные оси стали пробиваться молодые побеги веток, а в одном месте сбоку даже пошла в рост новая маковка.

Но вот в 1979 году в конце лета на колесо опустилась пара аистов. Это как раз совпало с тем временем, когда деревня начала вновь оживать. Птицы были молодые. Отношения у них были очень нежные. Они постоянно следовали одна за другой, то и дело приветствуя друг друга щелканьем клюва. Было видно, что каждая из них находится в центре внимания своего партнера. Это не была еще супружеская пара, но они были уже помолвлены. Молодые птицы подолгу стояли

рядом на колесе. Отлучившись на несколько часов, а иногда и дней, они неизменно возвращались обратно. Похоже было, что аистам наша деревня явно приглянулась и они собрались здесь поселиться. Временами новоселы принимались укладывать на колесо ветки. Но длинные прутья топорщились в разные стороны, как иглы у рассерженного дикобраза, а чаще всего просто падали вниз. Кстати сказать, для аистов найти себе подходящий прутик или веточку дело непростое. Добывать материал прямо на деревьях, ломая сучья, как это делают вороны или грачи, аистам трудно. Гнилые сучья, упавшие с деревьев,— плохой строительный материал. Поэтому птицы подбирают обычно то, что обронили или бросили люди, вырубая кустарники возле поля или во время каких-то других работ. Именно по этой причине, когда мы с ребятишками занимались расчисткой берега у старого мочила — глубокой ямы с водой, в которой раньше вымачивали лен,— аист подошел к нам почти вплотную. Его внимание привлекли обрубленные ветки ивы и вытащенные со дна палочки и мусор. В некоторых местностях считают, что аисты, принося палки с кострищ, могут поджечь поселок, возле которого строят гнездо. В Псковской области, к счастью для птиц, такого поверья нет.

При строительстве гнезда на колесе нашим аистам оказалось не так-то просто укрепить фундамент. То ветер, то дождь вырывали строительный материал у птиц прямо «из рук». Однако молодых эти неудачи мало огорчали. Они подпрыгивали, хватали веточки на лету, отправлялись за новыми. Все это было похоже не на тяжелую работу, а на веселую забаву. Так аисты прожили до осени. С первыми холодами они, как и все их родичи, откочевали к югу.

Но деревню нашу птицы не забыли. Следующим летом они появились здесь вновь. Постепенно набравшись опыта, аисты построили солидное жилище. Однако птицам мешала одна деталь — отрастающая макушка ели. Она, как кол, проходила через дно гнезда и, по всей вероятности, мешала на нем сидеть. Правда, об откладке яиц и выводе птенцов еще не было речи. Молодая пара жила дружно, но не была пока привязана к дому прочными узами. Аисты часто улетали куда-то. Иногда их не было видно по нескольку дней.

И только в следующий сезон наши аисты начали серьезно заниматься гнездом с самой весны. Они натаскали и уложили

довольно толстый слой сучьев, дерна и мякины. Получилось настоящее солидное жилище. Но птиц ожидала новая неудача. Тяжелая постройка постепенно накренилась набок, так что яйцам, если бы их отложили, суждено было бы выкатиться.

Ученые разных стран Европы, кольцуя птенцов в гнездах, а затем наблюдая за мечеными птицами в течение многих лет, установили, что самый ранний возраст начала гнездования у белого аиста — три года. Основная же масса этих птиц выращивает детей, достигнув солидного для пернатых срока жизни — четырех лет. Отдельные пары гнездятся только на пятом году после рождения, а бывает, что даже на седьмом и восьмом годах. По данным, полученным в ГДР, окольцованные аисты оказались способны к размножению до 24 лет, а максимальный возраст птиц составлял 27 лет.

Наша пара жила в деревне уже третье лето. Появились они у нас, конечно, не птенцами-слетками, а уже опытными птицами, которые прожили, по крайней мере, одну зиму в жарких африканских странах и немало успели повидать. Известно, что многие молодые аисты, родившиеся в Европе, проводят в Африке, например в долине Нила, не только зиму, но и первое, а иногда и второе лето своей самостоятельной жизни.

Нужный опыт в строительстве гнезда у наших аистов уже был накоплен, но им мешала непреодолимая для птиц техническая трудность — отрастающая макушка ели, которую мог отпилить или отвести в сторону только человек. В следующем сезоне это и сделал сын наших соседей, который жил в городе, но по выходным дням часто приезжал проведать родителей и помочь им по хозяйству. Он влез на ель и срубил макушку. И у аистов все пошло на лад.

Весна 1982 года запоздала. В середине мая похолодало настолько, что выпал снег. Но птиц это не испугало. Они усердно занимались ремонтом прошлогодней постройки, подсовывая в стенки своего жилища все новые и новые палочки. Накренившийся в прошлом году край птицы аккуратно заложили ветками. Гнездо оказалось прочным и надежным, теперь его не могли повредить ни ветер, ни дождь. После того как поверх прутьев были уложены пучки сухой травы, аисты отложили яйцо и приступили к насиживанию кладки. 25 июня над краем гнезда появилась головка аистенка, она была еда

Наверное, в честь прилета аистов опушки леса украсились коврами из ветрениц дубравных.

видна. А 21 августа птенец совершил свой первый полет. Итак, молодым птицам удалось наконец вырастить своего первенца.

Со следующей весны я получила возможность прожить в деревне рядом с птицами несколько сезонов подряд. Их ель стояла в ста метрах от нашего крыльца. Наблюдать за птицами можно было целыми сутками, особенно во время белых ночей. Было в жизни аистов много своих радостей и забот, много обычного или типичного для этого вида птиц, но были и свои особенности. Красота этих больших птиц, грация их движений постоянно радовали глаз и согревали сердце.

Наступил второй сезон их гнездования. В теплые весенние дни аистиха усердно таскала в гнездо пучки сухой травы и другой мягкий материал на подстилку. Часто она норовила раздобыть его поблизости от домов, когда вокруг не было людей. Наша собака Чара гонялась за аистом, расхаживающим по улице, с громким лаем. Чаре не приходило в голову обидеть кого бы то ни было из домашних животных или птиц, но аистов она явно невзлюбила. Возможно, одна из птиц сделала однажды попытку стащить что-нибудь с нашего крыльца, а может быть, даже пыталась выдрать клок шерсти у старой собаки, подкравшись к ней в то время, когда та крепко спала,

пригревшись на весеннем солнышке. Конечно, даже если бы Чара и умела говорить, о таком позорном для себя случае она бы никогда не поведала, сама же я этого не видела. Очевидно было только то, что аистиха не питала должного почтения к нашей заслуженной лайке. Когда собака мчалась за ней во весь опор, птица взлетала не сразу, а только после того, как пробегала несколько метров перед носом у собаки. На других мелких домашних животных в деревне аисты мало обращали внимание. Но когда у двух котов, несколько дней выяснявших отношения, произошла драка и более слабый к притом откуда-то приблудившийся молодой кот был загнан старым хозяином территории на высокий тополь, один из аистов прилетел на место происшествия. Звери, лазающие по деревьям, могли представлять опасность для его будущих птенцов, поэтому птицы проявляли к ним особый интерес. Аист сел на телеграфный столб и стал внимательно следить за событиями, никак не вмешиваясь в них. Птица не покидала свой наблюдательный пост до тех пор, пока незваный гость, воспользо-

Весной на гнездо из дальних странствий вернулись аисты.

вавшись тем, что его противника отвлекли какие-то другие важные дела, не удрал с дерева.

Самец и самка у аистов внешне не различаются. Оба они ослепительно белые, с черными маховыми перьями на крыльях, у обоих красные ноги и клювы. Даже голоса у них одинаковые, вернее не голоса, а издаваемые звуки. Все свои эмоции они выражают щелканьем клюва. Щелчки бывают более редкие и более частые, они следуют один за другим каскадом или с перерывами и звучат почти целый день.

С каким звуком в природе можно сравнить стук аиста? Его дробь совершенно непохожа на стук дятла по дереву. Иногда она напоминает рассыпаемый на пол во все убыстряющемся темпе сухой горох. Издалека же могло показаться, будто в нашей захолустной деревне работает опытный телеграфист. Чаще всего во время «треска» аисты запрокидывают голову на спину так, что подклювье оказывается сверху, а шея изогнута назад и голова касается спины.

Громкий треск клюва оповестил о появлении столь желанных гостей всю округу.

Поза тока у самца и самки тоже одинаковая. Птицы слегка приседают, полураскрытые крылья опущены вниз, а голова то наклоняется вперед, то резко запрокидывается, почти кладется на спину. При этом оба супруга одновременно самозабвенно стучат красными клювами или один начинает свою «песню», а другой подхватывает.

Все лето эти ритуальные «танцы с кастаньетами» вспыхивали по разным поводам. Прежде всего они выражали любовь. Весной аисты очень нежно относились друг к другу. Когда одна птица садилась на гнездо, вторая стояла рядом и клювом осторожно перебирала перышки на ее шее. Постепенно аистиха стала все чаще засиживаться на гнезде, и перья на ее груди и брюшке приобрели желтовато-бурый оттенок. Теперь уже можно было, внимательно разглядывая птиц, отличить самца от самки. В середине мая аист, который раньше лишь стоял

Аисты — очень красивые птицы. Красные клюв и ноги делают их особенно нарядными. Белизну пера подчеркивают черные маховые перья. Таким щеголям не спрятаться от постороннего взгляда. Да этого им и не нужно. Вот они, все на виду, во всем великолепии.

Супруж
приводи

возле су
наступи

Труд
аистам
лоде и д
им прост
всегда п
просит с
В особен
вентилир

В нач
холодных
что лета б
и все ока
него, тяже
венной кр
вать долго

Супружеской чете аистов в период насиживания времени терять нельзя, надо быстрее приводить в порядок свое

возле супруги в почетном карауле, стал сменять ее на гнезде — наступило время усердного насиживания кладки

Трудно сказать, какие крайности погоды легче переносить аистам на гнезде, открытом со всех сторон. При ветре, холоде и дожде птицы как бы вдавливаются в лоток. А в жару им просто некуда деться. В это время аисты бывают на гнезде всегда поодиночке, причем сидящая на кладке птица часто просит сменить ее поскорее, призывая партнера стуком клюва. В особенно жаркие часы аист иногда по нескольку секунд вентилирует кладку, обмахивая ее крыльями.

В начале июня всегда бывает несколько ненастных темных холодных дней. Сразу становится безрадостно и зябко. Кажется, что лета больше не будет... Но вдруг наконец с утра проясняется, и все оказывается залитым ярким слепящим светом. Из осеннего, тяжелого небо становится легким, прозрачным, с необыкновенной красоты облаками. Каждое из них можно рассматривать долго, как картину. Вот одно напоминает мне вершины

снежных гор в Таджикистане. Другое уносит воспоминания
на Кавказ... Какая у человека большая и в то же время кр
шечная жизнь! Все в ней ждешь чего-то, а все движется
само по себе, независимо от тебя и твоей воли, как облако.
Тревожит воображение и память это летнее небо после ненастья
В такие красивые дни охватывает тоска по странам, в которых
никогда не был, и по тем местам, в которых удалось побывать
и которые запали в душу. А если бы не было предшествующих
хмурых дней, может быть, не заметил бы красоты и радости
солнечной погоды?

А что же аисты, довольны ли они жизнью на Псковщине?
Ведь за долгие четыре зимы они повидали полсвета, и ж
есть что сравнивать. Но сейчас им было не до размышлений.
Птицы с каким-то трогательным интересом стали заглядывать

Время брачных танцев и откладки яиц миновалось. Самка превратилась в примерную наседку. Чтобы лучше согреть кладку, она прижимается к самому дну лотка, так что снаружи видна лишь голова. Самец не оставляет ее в эти трудные дни и всегда готов сменить на гнезде супругу, если та выразит желание слетать позавтракать или пообедать.

на дно
жизни.
колько
знать.
На
удовол
питающ
щается
Но, по
как жи
подает
подает
День
но в сер
Родител
кормя м

Чистята
ые не ос
находятся

на дно гнезда. Наверное, в яйцах начали появляться признаки жизни. У многих видов птенцы подают голос в яйце за несколько часов и даже дней до вылупления, как бы давая о себе знать.

На мой взгляд, птицы должны получать гораздо больше удовольствия при появлении на свет потомства, нежели млекопитающие. На их глазах неживой гладкий предмет превращается в мокрый подвижный комочек, полный жизни и энергии. Но, по всей вероятности, птицы уже само яйцо воспринимают как живое существо даже тогда, когда птенец внутри еще не подает признаков жизни — не «стучит», начав дышать, и не подает голос.

День появления птенцов на свет установить не удалось, но в середине июня [illegible] было очевидно, что у аистов есть дети. Родители периодически [illegible] срыгивали комки пищи на гнездо, кормя малышей, головы которых еще не поднимались со дна.

Листята подросли настолько, что их стало видно издалека. Но взрослые не оставляют [illegible] без присмотра и постоянно мать или отец находятся с ними рядом.

Нельзя сказать, что птицы полностью лишены эмоций и могут чувствовать только голод, холод, сырость и тому подобное. Грустить и радоваться на свой лад они определенно способны. На второй день после того, как аисты начали регулярно кормить птенцов, самец, подлетая к гнезду, вдруг принялся выделывать странные, но красивые воздушные пируэты — падать с высоты то на одно, то на другое крыло, опускаясь все ниже и ниже. Этот солидный глава семьи «прыгал», как мальчишка.

После того как появились птенцы, на гнезде постоянно находилась только одна из взрослых птиц. Отдыхать вдвоем им уже было некогда. Дежуря возле птенцов днем, родители преимущественно стояли, а не сидели – детям ведь нужен свет. Ночью и в холодные дни самка усаживалась на гнездо, прикрыв аистят перьями груди и живота, как одеялом. В жару отец или мать стояли на краю [illegible] таким расчетом, чтобы от них на аистят падала тень. [illegible] когда птенцы подросли.

Заботясь о чистоте своего жилища, [illegible] наловчились отправлять струйку белого помета за край гнезда

У подрос[illegible] на перо.

взрослые
чтобы те
вигались
таким об
В укл
солнце, з
всегда «л
как ветер
поворачив
дома в ок
бы малейш
восходящи
приближая
двигались
ними. Если
роны, аист
шасси у сам
набран высо

У подросших аистят покрыва... ...их почти весь сменился на перо

взрослые загораживали их от солнца, развесив над ними крылья, чтобы тень была побольше. При этом они постепенно передвигались по краю гнезда по мере движения солнца, выполняя таким образом роль живого тента.

В укладе жизни взрослых птиц еще большее место, чем солнце, занимал ветер, его сила и направление. Аисты стояли всегда «лицом» навстречу воздушному потоку. По мере того как ветер менял направление, стоящая на гнезде птица тоже поворачивалась. Это был наш четкий флюгер. Выглянув из дома в окно, всегда можно было узнать, откуда тянет хотя бы малейший ветерок. Мудро и расчетливо пользовались аисты восходящими токами воздуха при полете. Оставляя гнездо или приближаясь к нему, птицы обычно несколько десятков метров двигались с распростертыми крыльями, ни разу не взмахнув ими. Если приходилось подлетать к гнезду с подветренной стороны, аист проносился мимо, а затем, выставив ноги, как шасси у самолета, резко снижался, грациозно разворачивался и, набрав высоту перед самым гнездом, приземлялся против ветра.

Утром 22 июня над краем гнезда показалась головка птенца на тонкой шее, вернее, показался светлый пушистый и гибкий стебелек, который мерно раскачивался. К вечеру поднялись уже три таких живых цветка. Наши аисты, набравшись опыта и сил, растили в этом сезоне трех детей. Но лето для них выдалось неблагоприятное — очень сухое. Высохли ручейки и лужи, где в прошлые годы кишели головастики. Не стало видно и лягушек. Я начала волноваться: удастся ли аистам прокормить такую большую семью.

Надо отдать должное родителям: аистята не выглядели замарышами. Видимо, и в такой сезон в благоприятных для жизни местах с чистыми, не перегруженными ядохимикатами землей и водой лягушки не очень страдают, и резвые лягушата благополучно вырастают в отдельных сохранившихся ямах и мочилах. Через три дня птенцов уже можно было хорошо рассмотреть. Тельца их покрывал довольно плотный белый пух. Черным пятном выделялся толстый и короткий клюв. Выпрашивая корм, птенцы громко пищали, а также издавали низкий утробный звук, отдаленно напоминающий голос домашнего гуся. Кроме того, аистята могли уже громко щелкать клювиками. Таким образом, они могли выражать свои желания и эмоции с помощью большего набора звуков, чем взрослые.

Первое время птенцы еще не могли ходить по гнезду и оправлялись там, где сидели. Родителям приходилось часто добавлять в подстилку новую траву, а старую выбрасывать, как бы меняя «пеленки». Особенно усердно этим они занимались после дождливой погоды. В конце июня аистята научились уже вставать на ноги, выходить на край гнезда и пускать белую жидкую струю помета вниз, привыкая быть чистоплотными в доме. В крыльях у птенцов показались черные пеньки маховых перьев. Голос их постепенно менялся. Писк стал каким-то заунывным, а крик превратился в утробный, как будто идущий откуда-то из живота. Он напоминал кваканье лягушек в далеком пруду. Стук клювиков у аистят был заметно более глухим и слабым по сравнению со стуком взрослых.

Родители все еще не оставляли детей одних ни на минуту. Чаще всего на гнезде дежурила самка. Временами ее сменял самец. В хорошую погоду, стоя рядом с птенцами, взрослые старательно чистились. Птицы часами могли перебирать и расправлять свои перышки. За долгий срок насиживания кладки

и обогрева маленьких аистят у родителей не хватало на это времени. И вот 1 июля нам довелось быть свидетелями, как самка впервые оставила детей, не дождавшись, когда появится самец. Мы с внучкой подошли поближе к ели, чтобы рассмотреть аистят. Самка дружелюбно посмотрела в нашу сторону и улетела. Нас она нисколько не испугалась. Иначе бы она не опустилась почти рядом, в огороде у наших соседей. Походив несколько минут по рядам картофеля, перешагивая через высокие уже кусты, птица взлетела на изгородь, постояла там секунду, спрыгнула на дорогу, подошла к куче старой соломы и, взяв оттуда большой пучок полуистлевших стеблей, полетела с ним к гнезду.

С середины июля у родителей отпала необходимость постоянно находиться при птенцах. Случалось, что взрослые теперь улетали на охоту вместе, но чаще всего все-таки один из них наблюдал за детьми, отдыхая на крыше конюшни, стоящей в двухстах метрах от ели с гнездом.

Примечательно, что, когда аисты отправлялись куда-нибудь за пределы нашей деревни — на берег реки Псковы или на выпасы, в своем полете они придерживались наших извилистых дорог, хотя добраться до места напрямик над лесом им можно было гораздо быстрее. Но сельские грунтовые дороги с большими лужами в тех местах, где они пересекают низины, прекрасное место для охоты. На подсохшей грязи полотна дороги даже в сухое лето скачет множество лягушек. В глубоких рвах, идущих по обочинам, кишат головастики. В особо кормных местах на дорогах постоянно встречались отпечатки длинных аистиных пальцев.

Если дети не донимали криками и попрошайничеством, родители проводили досуг на гнезде — чистились или спали, положив голову на грудь. Птенцы по размеру уже начали догонять взрослых. Только шея у них была еще не такая длинная и клювы короче. Вместо пуха на спине у аистят появилось перо. Пушинки, которые оставались на брюшке, то и дело падали, подолгу кружась в теплом воздухе. Голоса аистята пока не потеряли и, когда просили есть, пищали, но хрипло и как-то с натугой, как будто бы ветер завывал в трубе. Изредка они «гоготали» грубыми низкими голосами. Не хуже взрослых аистята трещали клювами, запрокинув голову на спину. Птенцы стали очень часто махать крыльями, которые достигли почти

такой же длины, как у родителей, но были еще узкими. Черные маховые перья на них развернулись лишь наполовину. Аистята вступали в возраст неуклюжих подростков. Только теперь я решилась попытаться их сфотографировать.

В двадцати метрах от гнезда мы построили трехметровую колченогую вышку. Пока я, забравшись наверх, устанавливала штатив и привинчивала объектив, аистиха, которая в то время была «дежурной» по гнезду, изредка щелкала клювом «тук... тук... тук...», как бы говоря детям: «Внимание! Осторожно!» Птенцы при любом стуке родителей — хоть с длинными интервалами, хоть с короткими — смирно укладывались на дно гнезда.

Вскоре стало ясно, что взрослые птицы ко мне давно уже, видимо, пригляделись. Через несколько минут ни на меня, ни на мой фотоаппарат никто больше не обращал внимания, и я могла спокойно начинать съемку, уже не боясь растревожить аистиную семью. Однако переполох в гнезде возникал на день по нескольку раз. Родители почему-то с особой настороженностью относились к своим соплеменникам, если те появлялись поблизости. Увидев в небе чужого аиста, наша пара тотчас спешила вернуться на гнездо. Птицы принимали позы, как во время тока — опускали крылья, приседали, запрокидывали головы на спину и угрожающе трещали клювами. Меня удивило, что так же повели они себя и в тот единственный раз, когда вблизи пролетела сизая чайка. Самка стучала клювом, стоя на гнезде, самец эффектно запрокинул голову, распустил крылья и изящно изогнулся, стоя на вершине телеграфного столба. Сопровождаемая таким почетным приветствием, чайка спокойно пролетела мимо и скрылась. Канюку, который часто парил невдалеке, аисты не уделяли большого внимания. Стоящая на гнезде птица только стучала клювом ему вдогонку и продолжала заниматься своим делом.

Однажды во второй половине июля, когда взрослых не было «дома», с высоты на гнездо начали спускаться четыре аиста. Я уж испугалась, не обидели бы они аистят, но тут поспешил прилетел один из родителей. Он затрещал с большой тревогой. Вскоре появился и второй аист. Накрыв птенцов крыльями, он начал хрипеть и стучать, запрокинув голову на спину. Чужаки нехотя улетели. Похоже, что родители видели наибольшую опасность для птенцов в своих сородичах.

Почему всех аистов так интересует гнездо именно в деревне, зачем им так нужны люди?

Конечно, человек своим присутствием защищает птиц от крупных хищников. Но не это главное. Основное заключается в том, что люди своим трудом обеспечивают птицам наличие хороших угодий для охоты. Даже к нашей крошечной деревне со всех сторон примыкают поля, покосы, выпасы. Особенно становится ясно, что значит для влажных земель Северо-Запада присутствие тружеников-земледельцев, если познакомиться с местами ими покинутыми. Уже через несколько лет участки посуше зарастают кустами и лесом, а низины заболачиваются, покрываются жесткими кочками осоки, пушицей, геранью. Все это разнотравье образует непроходимые для длинноногих птиц заросли.

Живописно выглядят заброшенные хутора — памятники ушедшей отсюда человеческой жизни. Их много раскидано на Псковщине, и каждый из них имеет свое лицо, хотя время до неузнаваемости изменило б... ландшафт. Взять хотя бы Иванов хутор, расположенный в двух километрах от нашей деревни. Его совсем поглотил лес. Бывшие покосы и поля заросли осинами и березами. Несколько лет тому назад, собирая там грибы, я повстречала старика с корзинкой и большим ножом в руках. Ему было уже восемьдесят лет, он жил в Ленинграде и работал банщиком. Мальчиком же он с отцом, братьями, сестрами и мачехой жил здесь. Как же шла их жизнь? Уж нет сомнения, что главным в ней была работа. Одна семья посреди леса! Надо поддерживать покос, оберегая его от наступающих кустов, сеять хлеб, сажать картошку, обеспечивать едой и себя, и скотину и еще производить кое-что на продажу, чтобы иметь деньги на покупку нужных вещей. В лесу до сих пор видны канавы и большая яма — мочило для льна, похожая на маленькое озерцо. Все это было вырыто вручную.

Дорога на хутор заросла мелкими кустами и тонкими деревцами, но не исчезла. Ее поддерживают кабаны и лоси, и теперь она превратилась в звериную тропу, которой ее хозяева пользуются и летом, и зимой. Эти дороги, проложенные людьми между хуторами, проходят по удобным сухим гривам, потому они и привлекают диких животных.

Тропка вывела нас на маленькую полянку. На ней красовалась старая могучая раскидистая береза. Она так много

видела на своем веку! В одном углу полянки можно было заметить яму, поросшую высокой травой,— избище. Это все, что осталось от дома. Гораздо больше сохранилось от сада. На поляне стояло несколько толстых шершавых яблонь со спутанными ветками. Много сучьев засохло, но немало было и живых, приносящих кисло-горькие плоды, которые приходятся по вкусу кабанам. Дикие свиньи каждую осень лакомятся здесь падалицей. В дупле одной из яблонь устроила гнездо большая синица. Посреди поляны образовали густые заросли кусты шиповника. Летом они покрываются крупными ярко-красными цветами.

Сейчас, кроме встреченного мною старика, никого из хозяев хутора нет в живых. И хотя посаженные ими деревья и кусты еще растут, поляны, огороды и пастбища исчезли бесследно. А аистов привлекают именно они. Это сразу станет ясно, если посмотреть, как охотятся птицы. Возле нашей деревни они ходили большими шагами по скошенному лугу тимофеевки. Периодически то один, то другой резко [illegible] что-то клювом — вероятно, лягушку, невидимую для меня в траве,— и тут же глотал. Птицы каким-то образом умудрялись одним движением клюва и убить и отправить добычу в рот. Казалось бы, в пищеводе их жертва должна еще быть живой. Однако, когда аисты отрыгивали корм на гнезде, никогда не случалось, чтобы лягушки или мелкие грызуны, которых птицы тоже охотно ловили, пробовали убежать или двигались.

Летом на посевах многолетних трав расплодилось множество обыкновенных полевок. Наша Чара, скучая во внеохотничий сезон, развлекалась отыскиванием и ловлей грызунов неподалеку от дома. Однажды, когда мы отправились с ней на прогулку по скошенному полю тимофеевки, нам встретился аист. Увидев нашу компанию, он не только не улетел, но пошел прямо к собаке. Лайке это не понравилось, и она погналась за любопытной птицей. Однако аиста это ничуть не испугало. Медленно, держась очень низко над землей, отлетел он немного в сторонку и опустился на землю. В конце концов Чара перестала обращать на него внимание и занялась своим делом. Посреди поля она что-то причуяла и начала с азартом копать землю, вырывая зубами мешающую ей траву с корнями. Было видно, как она кого-то хватает. Через какое-то время собаке надоело это занятие, и она отправилась в другой конец

Когда у аиста любимым разв

поля, а аист
тала» и нача
мому, собака
лышей, задав
мышей и лови
случайно аист
вероятно, еще

Когда у аистят начали крепнуть крылья подскоки вверх стали их любимым развлечением

ля, а аист торопливо пошел к тому месту, где она «рабо-гала» и начал что-то подбирать с земли и глотать. По-види-мому, собака разрыла гнездо полевок, вытащила оттуда ма-лышей, задавила их и бросила. Дело в том, что Тара не ела мышей и ловила их только ради «спортивного интереса». Не случайно аист так обрадовался ее появлению на поле. Птицы, вероятно, еще раньше обратили внимание на черную остроухую

собаку, которая для развлечения ловила и давила грызунов вблизи от деревни.

В глубоких мочилах, наполненных водой даже в засушливое лето, водится множество головастиков. Мы с ребятишками расчистили один из таких крошечных прудиков неподалеку от дома и обнаружили в нем обилие самых разных живых существ. Несколько больших лягушек упорно держалось на берегу, несмотря на то, что мы работали рядом с ними. В воде плавали личинки стрекоз, ручейников. У берега жили два красивых водяных паука. Обычными обитателями мочила оказались конские пиявки — в поле зрения постоянно было не менее десятка этих страшилищ. А от бойких головастиков рябило в глазах. Когда же со дна мы вытащили затонувшее большое бревно, из глубины выплыл даже тритон. Потом мы расчистили заросли кустов и убрали древесный хлам с берегов. Как только все работы были завершены, аисты тут же стали завсегдатаями нашего прудика. То один, то другой из них прилетал сюда, чтобы поохотиться за лягушками или просто постоять – отдохнуть возле воды.

Птенцы с каждым днем росли, развивались и готовы были есть в любое время суток. В конце июля птенцы уже научились сохранять равновесие, стоя на одной ноге. Теперь они могли спокойно расчесывать и чистить перо на щеках и шее, стоя на одной ноге, а второй пользуясь как гребенкой или щеткой. Когда приближался чужой аист, подростки внушительно щелкали клювами и часто выпроваживали непрошеных гостей самостоятельно, без помощи родителей. Если вокруг все было спокойно и погода стояла хорошая, аистята почти все свободное от еды и сна время тренировали свои крылья. Маховые перья у них развернулись еще не до конца, и крыло просвечивало, как побитая молью шаль. Но крылья уже начинали набирать силу и поднимать птиц в воздух. С их помощью аистята высоко подпрыгивали на гнезде и опускались на то же место. Такими упражнениями они занимались по очереди, поскольку размахнуться всем одновременно на гнезде не хватало места. Во время таких подлетов слышался свист от проходящего в дырочки между основаниями маховых перьев воздуха. С каждым днем крылья у аистят становились все шире и сильнее. Они научились плавно взмахивать ими и все легче и ловчее подпрыгивать-подлетывать на гнезде. Птенцы уже по-

Когда оди… дится приг…

…рестали го… …дителей, о… …гибали го…

Теперь … …себе. Если … …следила за… Когда хищ… …чать клюва… …сивее они…

Когда один аистенок подпрыгивает над гнездом, остальным приходится пригибаться.

рестали гоготать. Когда на гнездо прилетал кто-нибудь из родителей, они, окружив его, приседали, распускали крылья, пригибали головы и хрипло, как будто простуженные, пищали.

Теперь птенцы были целыми днями предоставлены сами себе. Если поблизости парил канюк, то вся гронца пристально следила за его полетом, поворачивая головы ему навстречу. Когда хищник направлялся в их сторону, они начинали стучать клювами. Чем ближе он оказывался от гнезда, тем интенсивнее они стучали. Канюк на птенцов не обращал внимания,

следуя по своим делам, но они всякий раз обругивали его на своем языке. Аистята каким-то образом прекрасно умели отличать представляющих для них опасность птиц от птиц безобидных, хотя те и другие были примерно одинакового размера. Скажем, на ворон они не реагировали совсем, не обращали внимания и на пролетавшую крякву. Однажды над гнездом долго кружила серая цапля. Время от времени она опускалась совсем низко, но птенцов это не беспокоило. Только тогда, когда посетительница оказалась чересчур близко от гнезда, один из аистят затрещал на нее клювом. В другой раз серая цапля опустилась на соседнюю с гнездом ветку ели, но птенцы ее даже не прогоняли, а, напротив, с любопытством разглядывали гостью. Я так и не поняла, с какими намерениями цапля изредка наведывалась к гнезду. Возможно, что ее привлекало общество длинноногих родичей. Ведь цапель на Северо-Западе очень мало: здесь проходит граница их гнездового ареала. А аисты хоть и дальняя, но все-таки родня. Зато когда, преследуемый шумной стайкой ласточек, мимо гнезда пролетал небольшой ястребок-перепелятник, аистята дружно стучали клювами. Этот звук у птенцов все-таки отличался от того, какой он получался у взрослых,— был он более глухим и не достигал такой частоты.

Когда в совхозной бригаде начали заготавливать сено, у взрослых аистов тоже наступила горячая пора. Поля, на которых уже была скошена, но еще не убрана трава, оказались для птиц самыми привлекательными. Они отыскивали их с утра, отправляясь из деревни вслед за конными граблями. Стогование сена — праздник для сельских жителей. На поле съезжаются принарядившиеся люди из разных деревень. В нашей бригаде их собиралось человек пятнадцать. Кругом солнечно, жарко, весело. И среди этой оживленной толпы безбоязненно расхаживал красноногий аист. Он ловко хватал лягушек, спрятавшихся под валками, и казался таким же деловитым и жизнерадостным, как окружающие его люди. Здесь еще раз можно было убедиться, что аисты больше доверяют людям, когда те живут и работают не в одиночку, а сообща. «На миру» птицы чувствуют себя в безопасности. Они знают — может быть, из опыта многих поколений,— что, если среди массы людей и окажется один плохой человек, он постыдится обидеть их при всех. К нам с внучкой аист никогда так близко не подходил

Правда, одну трехлетнюю девочку птицы подпускали метров на пятнадцать, и пока та, спотыкаясь о кочки и оступаясь, медленно приближалась к ним, они не улетали, а уходили.

В августе у аистов произошло чрезвычайное событие. В полдень над гнездом появился и стал делать большие круги орел. Это был малый подорлик. В размахе крыльев хищник мало уступал аисту. Птенцы затрещали все разом. На гнездо прилетела самка и тоже принялась стучать клювом, направив его острие в сторону хищника. Мы с Аленой переполошились и помчались к гнезду на помощь аистятам. И тут появился их отец. Он полетел к подорлику и начал делать над ним круги. Хищник на распростертых крыльях, чуть меняя их положение, взмывал все выше и выше, паря [illegible] и перемещаясь в сторону леса. Аист держался над ним. Минут через десять они поднялись так высоко, что [illegible] разобрать, где кружит орел, а где аист. Обе [illegible] медленно удалились за лес. Через некоторое время, [illegible] самец вернулся, самка покинула гнездо, и обе [illegible] обыденным делом — ловлей лягушек. Позднее [illegible] уже вдвоем не раз появлялись вблизи нашей деревни. [illegible] замечали их издалека и поднимали тревогу. К [illegible] на помощь спешили родители. Надо сказать, что у старика, [illegible] которая жила своим домом в двух километрах от нашей деревни, какие-то крупные пернатые хищники периодически нападали на кур и за сезон уносили или калечили двух-трех птиц. Может быть, аисты несут в деревне охранную службу. Защищая свое гнездо, они прогоняют крупных пернатых хищников, например орлов и ястребов-тетеревятников.

За все время насиживания кладки и выкармливания птенцов аисты не переставали с большой любовью и вниманием следить за своим жилищем. Они регулярно его подновляли, ремонтировали и благоустраивали. Наловив лягушек и упрятав их в пищеводе, как в сумке, аист почти всякий раз подбирал на пожне пучок сена, клок соломы или веточку и, зажав их в клюве, летел домой. Такое заботливое отношение к гнезду передалось и детям. Я не встречалась с другими видами птиц, у которых птенцы принимали бы столь деятельное участие в ремонте своего жилища. С начала августа аистята сами начали укладывать веточки, принесенные родителями. Они подолгу трудились над каждой палочкой, засовывая ее в сплетение старых

сучьев, часто перекладывали с места на место тонкие хворостинки. Иногда с какой-нибудь из них птенцы начинали играть. Один брал палочку в клюв, второй отнимал, иногда она оказывалась нужной сразу всем троим. Усилиями взрослых птиц и детей гнездо ежедневно благоустраивалось. Скоро птенцы научились довольно ловко вставлять палочки в наружный край, так что диаметр гнезда понемногу увеличивался. У аистят появилась дополнительная площадь, чтобы побегать.

Иногда родители приносили птенцам большие куски перепревшего навоза. Аистята разрывали их на части. Маленькие частички, в которых, видимо, были личинки насекомых, они глотали, а остальные бросали с гнезда, с интересом следя за их падением, как мальчишки, пускающие бумажные самолетики с балкона.

В самом начале августа маховые перья у птенцов почти развернулись. Крылья стали большими и упругими. Аистята часто резвились, по очереди бегая вдоль края гнезда, медленно взмахивая крыльями и подпрыгивая: сделают один-два шага, прыгнут, щелкнут клювом и схватят что-нибудь со дна. Было видно, что у них это не просто скучная зарядка, как подтягивание на турнике, а веселая игра, своеобразные танцы, в такт которым они прищелкивают клювами, как кастаньетами. Во время этой игры аистята делались похожими на танцующих журавлей. Только голос у них совсем осип — немеющие журавли! Ножки у птенцов начали розоветь, а клювы, оставаясь еще черными, стали краснеть с кончика. У одного из них наметилась узкая розовая полоска вдоль надклювья и грязно-розовым стало основание клюва. Теперь птенцов можно было легко различать по окраске клювов.

В один из теплых дней в деревне опять появился одинокий аист. Он смело полетел к гнезду и, сделав небольшой круг, вдруг опустился на край. Аистята подняли тревогу и общими усилиями прогнали гостя. Они толкали его клювами и грудью. Взрослые на этот раз в дело не вмешивались. Тот из них, который нес дежурство в деревне и отдыхал на крыше конюшни, лишь постучал для порядка клювом со своего наблюдательного пункта. Одинокий аист пытался забраться в гнездо несколько раз, но аистята его сразу же выталкивали. Покружив еще немного над домами, он улетел. Очень было похоже, что на родное гнездо пожаловал прошлогодний птенец.

Молодым аистам не положено впоследствии возвращаться в свое гнездо, занимаемое из года в год их родителями. Правда, есть наблюдения за мечеными птицами, показывающие, что одна треть их гнездится в радиусе пяти километров от места рождения, а некоторые даже всего в сотнях метров от «отчего» дома. Это бывает, конечно, там, где природные условия для жизни птиц очень благоприятны, а люди проявляют о своих любимцах большую заботу и оборудуют им удобные опоры для строительства гнезд. Так, один пожилой человек ветеран войны, возле небольшой деревеньки в Лужском районе Ленинградской области несколько лет подряд строит для аистов все новые и новые гнезда, укрепляя их на верхушках подсохших деревьев. В результате усилий одного энтузиаста образовалась целая колония из пятнадцати гнезд этих [illegible] птиц.

К концу первой декады августа [illegible] вид стали совсем взрослые. Они подлетали [illegible] своего роста, играли, щелкая друг на друга клювами [illegible] трещали зубами. Гнездо их разрослось примерно на [illegible] надстроенного края. В подлетах у птенцов появилась маневренность. Они уже не просто подскакивали и опускались [illegible] место, а поворачивались в воздухе, иногда перелетая через голову друг друга. По-прежнему воздушную зарядку они делали по очереди. Всем птенцам сразу для размаха крыльев не хватало места.

Чувствовалось, что вот-вот аистята начнут летать по-настоящему. Особенно усиленно они упражнялись вечерами. Широкие крылья то раскрывались во всю длину, то сгибались. Через несколько дней птенцы уже не подпрыгивали, а взлетали примерно на метр, делали в воздухе стремительные повороты влево, вправо, пролетали то немного вперед, то как бы пятились назад. Совсем развеселясь, они бегали по гнезду, хватали куски из подстилки, бросали вниз и, вытянув шеи, смотрели, как они падают.

На другой день один аистенок, попрыгав и покружившись, вдруг оторвался от гнезда и полетел. Пронесясь по воздуху метров двести, он опустился на конек длинной шиферной крыши конюшни, где стояла, наблюдая за гнездом, аистиха. К этому времени ее уже можно было совсем легко отличить от самца, так как спереди ее ноги окрасились белым налетом помета. Почему-то запачканной оказалась только самка, самец остался чистым. Аистенок, балансируя крыльями, прошелся по

коньку, как циркач по канату, и остановился. «Белоножка» спокойно чистилась, не обращая на него внимания. Порезвившись на свободе, путешественник через некоторое время захотел есть. Скользя и оступаясь по шиферу, направился он к матери. Она приветливо повернулась ему навстречу. Но когда он стал кланяться и выпрашивать себе еду, предназначенную всему семейству, аистиха раздраженно взлетела и пересела на другой конец крыши. Птенец долго пищал, расхаживая по коньку, но белоножка не обращала больше на него внимания. Через некоторое время она перелетела на стог, взяла там пучок сена и, изящно неся его в кончике клюва, направилась к гнезду. Теперь «пеленки» уже не были нужны, но свежее сено выполняло другую роль — скатерти, которая постилалась на дно, куда отрыгивался корм. Положив сено и отрыгнув на него лягушек, она вернулась опять на конюшню. Птенец не зря выпрашивал корм — он у [illegible] действительно был запасен

Случалось, что взрослый аист [illegible] ожидаемого птенцами корма приносил пучок прутиков для ремонта гнезда

Только получить его раньше своих нерасторопных братьев аистенку не удалось. Более того, он остался без завтрака.

Побродив немного по крыше, птенец вернулся на гнездо. Туда покормить выводок прилетел и отец. Он внимательно наблюдал за событиями в жизни птенцов, расхаживая по лугу, и, видимо, ждал, когда вернется домой беглец. Опустившись на гнездо, глава семьи долго поправлял свисающие палочки. Тяжелые птенцы, прыгая и бегая, сильно растоптали и накрепили «пол». Каждую минуту можно было ждать, что отвалится какой-нибудь кусок с края гнезда. Теперь, когда настало время вылетать, аистята совсем перестали [illegible] свое жилище. Они уже теряли к нему интерес. Но [illegible], несмотря на то, что дети должны были со дня на день покинуть дом, заботились о нем постоянно. Возвращаясь [illegible] покормить птенцов, они по-прежнему прихватывали [illegible] палочку, либо что-нибудь для выстилки.

13 августа я проходила [illegible] с гнездом аистов. Все птенцы были на месте. Один из них, свесив голову вниз, настороженно за мной [illegible]. При этом казалось, будто он высунулся из окошка. Когда [illegible] к ели почти вплотную, он взлетел. За ним поднялись в воздух и другие. Вся троица уже владела искусством лазета. Птенцы перекочевали на крышу конюшни. Гнездо опустело, но самец как ни в чем не бывало прилетел туда с традиционным материалом — комочком дерна. Птенцы, стоя на крыше, долго выпрашивали корм, но усилия их были тщетны. И действительно, как взрослые могли выплюнуть на шифер покатой крыши комок лягушат так, чтобы он не скатился вниз? Один из догадливых аистят вернулся на гнездо, и вскоре его покормили. К вечеру на гнезде опять была уже вся троица. Оказалось, что один птенец, тот, который первым совершил экскурсию на крышу, хромает. Видимо, он поранил или занозил пальцы, пока неумело расхаживал по коньку. Нога у него болела еще несколько дней. Теперь птенцы перестали танцевать и прыгать на гнезде. Если им хотелось поразмять крылья, они летели на конюшню. Поднимались они с гнезда всегда свечкой, в отличие от «стариков», которые, экономя силы, как бы падали в воздух, редко взмахивая крыльями.

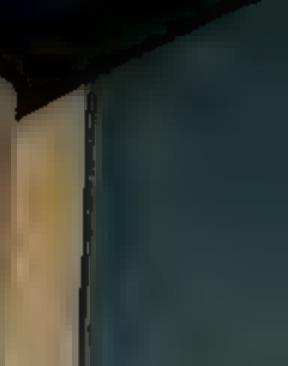
В середине августа подул северный ветер и похолодало. После недолгого частого дождика над лесом, как декорация,

повисли пушистые голубовато-белые облака. Почувствовалось приближение осени. Среди густой темной зелени листвы берез кое-где появились легкие рыжеватые пряди.

Аистята с утра смирно стояли на гнезде. Взрослые, прилетев, сделали над ними круг и опустились неподалеку. Сколько ни просили птенцы, родители не торопились кормить их завтраком. Отец, походив, собрал пучок сухой травы, принес его в гнездо и улетел. Похоже, что наступило время, когда аистята должны были понемногу учиться сами добывать себе пищу, следуя за родителями. Но птенцы дисциплинированно оставались на гнезде, усвоив из предыдущего опыта, что кормить их будут только здесь. Время шло. Поскучав немного, один из аистят вдруг взлетел и уверенно опустился на дороге возле деревни. Немного погодя поднялся с гнезда и «хромоножка». Он описал круг над дорогой, сделал несколько красивейших воздушных пируэтов, а затем сложив крылья, уверенно опустился возле брата Печальки. Посмотрев на них, слетел с гнезда и третий, самый маленький аистенок. Они принялись дружно прогуливаться взад-вперед по дороге, что-то склевывая с земли. Птенцы интересовались каждой дырочкой, засовывали туда клюв, доставали пучки травы, какие-то мусоринки. Как только один что-нибудь находил, остальные бежали к нему посмотреть на находку. Вскоре оказалось, что молодые птицы сами могут успешно ловить лягушат. С этих пор родители стали улетать надолго. Правда, подкармливать детей они продолжали. Вернувшись на гнездо, отец, независимо от того, были там птенцы или нет, отрыгивал принесенную порцию корма и улетал. Мать же частенько приглашала аистят к очередной трапезе. Не застав их на месте, она летела в их сторону, делала над ними круг и возвращалась к гнезду. Это повторялось до тех пор, пока до птенцов не доходило, что настала пора завтрака или обеда.

Бывало, что утром аистиха, оказавшись на гнезде одна, начинала заботливо укреплять прутики, поправлять выстилку, а затем садилась как будто на кладку. Всякий раз в такие случаях я думала, что аистята улетели совсем, но вдруг пустое гнездо оглашалось голодная троица и бросалась к матери с настойчивой просьбой поскорее их покормить. Голос их напоминал тихое вывание и скрип одновременно.

С каждым днем обнаруживались все новые приметы осени. Некошеные поляны еще голубели круглыми головками буд



Настало время,

ника, а трава
проступили ора
чная лунная но
тались на земл
Дружной стай
дороге, забегая
стало совсем те
ловину большие
друга, как моло
ней вперед, а, т

Настало время, когда первый аистенок решился покинуть гнездо

ника, а трава уже приобрела желтоватый оттенок. В лесу проступили оранжевые пятна рябины. Наконец выдалась холодная лунная ночь. Утром выпала обильная роса. Аистята спустились на землю, только когда хорошенько пригрело солнышко. Дружной стайкой прохаживались они по сухой проселочной дороге, забегая на обочину, ловя и глотая лягушек. Когда стало совсем тепло, они затеяли веселую игру. Раскрыв напоказ большие широкие крылья, аистята наступали друг на друга, как молодые петушки, только не вытягивали, как те, шеи вперед, а, танцуя, выпячивали грудь. Они были так заняты

своим развлечением, что не заметили даже отца и мать, принес-
ших корм на гнездо.

А туда в это время опять пожаловал чужак. Он пытался опуститься на гнездо, но аистята поспешно вернулись домой и, встав плечом к плечу рядом с родителями, дружно прогнали пришельца.

Гнездо, даже после того как птенцы научились летать, это не только то место, где их кормят и где они спят. Это большая ценность, целое состояние, которое оберегают и родители, и дети. Оно охраняется от других аистов как зеница ока. Аистиные гнезда могут служить птицам подолгу. В ГДР известны постройки, которые занимаются девятнадцать лет подряд. В Псковской области орнитологи обнаружили гнезда, которые используются аистами более пятидесяти лет

Тихими августовскими вечерами перед нашим окном открывалась фантастическая картина. Полнеба становилось темно-розовым. На этом фоне четко выступала черная ель с черным гнездом на вершине и тремя тонкими силуэтами аистят. А внизу опоясывал луг белый мягкий туман.

25 августа на траве появился иней. Ночью был легкий заморозок. День выдался солнечный. Но аистята на гнезде стояли замерзшие, невеселые. Днем они исчезли. Самка, слегка позанимавшись ремонтом гнезда, уселась на нем, а самец ночевал рядом на столбе. Аистят родители куда-то отвели. Молодые птицы улетают на зимовку раньше. Старые же никак не могли расстаться со своим домом. На другой день ночевать на гнезде явился лишь один аист, а затем исчез и он. Гнездо опустело до следующей весны.

Зимой до нас, дачников, дошли тревожные слухи. Постоянные жители Заболотья собрались переселяться в другие, более перспективные поселки. Это ставило под угрозу существование всей нашей деревушки. Но к весне страсти улеглись, и все три семьи остались пока на своих родных местах. Спокойна я ждала встречи с аистами в 1984 году. Теперь я не сомневалась, что жизнь у них пойдет по сложившемуся благополучному руслу, ведь они так по-хозяйски заботились о своем гнезде!

Весна в этом году все тепло израсходовала раньше времени, а в начале мая вдруг опомнилась и выстудила воздух до такой степени, что накрепко замерзли ясные талые лужи. Дыб

За первенцем по

ралась мы до
черемуха. В пт
Заболотье расп
уже более дес
на вершине с
каждый год
года тому наза
свалил гнездо и
и укрепив колесо

За первенцем последовал и второй

рались мы до нашей деревеньки 10 мая. Всюду буйно цвела черемуха. В птичьем хоре солировала кукушка. По пути в наше Заболотье расположена небольшая деревенька Засеки. В ней уже более десяти лет подряд в большом гнезде, устроенном на вершине спиленной до высоты пяти метров ели аисты каждый год благополучно выращивали птенцов. Четыре года тому назад сильный ураган в разгар гнездового сезона свалил гнездо на землю. Жители приняли срочные меры. Подняв и укрепив колесо, они уложили на него всю аистиную постройку

1 -2701

и выпавших птенцов. Благодаря такой заботе аистята выросли благополучно.

Но в этом году на гнездо в Засеках обрушились новые напасти. Зимой выпало много снега. Под ним скрылись верхушки заборов, так что зайцы получили возможность свободно разгуливать по садам и лакомиться тонкими верхними ветками яблонь. Тяжелый слой снега улегся и на гнездо. Как-то в одну из морозных ночей ель не выдержала и разломилась. Сейчас жилище аистов лежало на земле беспорядочной грудой черных сучьев. Где же его владельцы? На высокой сосне, растущей через дорогу от сломанной ели, заботливые жители деревушки укрепили новое колесо, но птицы гнезда там пока не построили. На колесе стоял одинокий аист и рассеянно приспосабливал отдельные палочки на совсем еще ажурный пол.

Имеют ли какое-нибудь отношение события в Засеках к жизни аистов в нашей деревне, стоящей в шести километрах и отгороженной массивом заболоченного леса? Не исключено что имеют, и немаловажное.

Соседи рассказали, что в этом сезоне на наше гнездо прилетел один аист. Он не жил в деревне постоянно, а только наведывался сюда по нескольку раз в день. И вдруг третьего мая появилась пара птиц, и, видимо, почти сразу же самка приступила к откладке яиц. Во всяком случае, десятого мая она уже насиживала кладку и периодически ее сменял самец. Казалось бы, все шло как надо. Но сразу бросалось в глаза иное, чем у прошлогодних, поведение птиц. Держались они как-то слишком скучно. Даже в самые кульминационные моменты ухаживания не было красивого тока и треска на всю округу. Смена супругов на гнезде проходила совсем буднично. Но больше всего меня удивило то, что аисты очень редко приносили строительный материал и как-то вяло, без интереса занимались благоустройством гнезда. Объединялись они только в тот момент, когда прилетал их сородич. Хозяева встречали его рассыпчатым треском. А тот появлялся каждый день. Кто был этот посторонний, который с поразительным упорством претендовал на гнездо? Жилищем, занятым птицами, интересовались многие аисты и в прошлом году, но ни один из них не был так постоянен и настойчив. Этот же аист был необычайно упорен. Где-то около полудня он начинал свои смелые атаки. 19 мая ему удалось опуститься на край гнезда. Но

супруги его столкнули. После этого пришелец долго кружил в небе на распростертых крыльях. Хозяева трещали и свистели на него, встав в позы, как во время токования.

Наконец произошло событие, доселе не виданное мною ни разу. Правда, в литературе иногда описываются случаи, когда аисты выбрасывают из гнезда своих птенцов или даже убивают их. Бывает это в те годы, когда оказывается мало корма.

Как всегда, около часа дня прилетел чужак. Он несколько раз решительно направлялся к гнезду, но хозяева его сталкивали. И вдруг ему удалось выгнать хозяев и завладеть жилищем. Тотчас захватчик принялся за расправу с кладкой. Одно за другим он взял три яйца со дна лотка и положил их на самый борт. Затем, поочередно беря в клюв одно яйцо за другим, он приподнимал их и давал упасть, хладнокровно наблюдая за их падением с двухметровой высоты. Уничтожив таким образом кладку, хозяин начал спокойно укладывать прутики и прихорашиваться.

Я стояла возле дома и с ужасом наблюдала за этой сценой. Не раз мне казалось, что пришельцу удалось прорваться на гнездо благодаря легкому попустительству со стороны самки. Захватчик был самцом, и случались такие моменты, когда он пробовал спариваться с возвратившейся на гнездо хозяйкой. И она один раз отнеслась к нему благосклонно, но затем, как бы спохватившись, начала прогонять. Владельцы гнезда по очереди опускались на гнездо и вступали в поединок со злодеем. Птицы упирались друг в друга грудью, скрещивали шеи и молча толкали один другого к краю гнезда. Атаки хозяев все учащались, и наконец супругам удалось вновь занять свое жилище.

Изгнанник после этого долго прорывался обратно. Он налетал на гнездо несчетное число раз. Владельцы сталкивали его, и один из них падал вместе с ним в воздух. С гнезда летели сучья, подстилка. Казалось, вот-вот птицы развалят его окончательно. Бой длился более двух часов. Наконец чужак опустился отдохнуть на крышу конюшни, но хозяин гнезда прогнал его оттуда. Тогда пришелец занял вершину телеграфного столба, но и оттуда его согнали. Пока самец выгонял претендента из ближайших окрестностей, самка уселась на гнездо так, как если бы там была кладка.

В прошлом году не было случая, чтобы посторонняя птица

прорвалась на занятое гнездо. Похоже, что нынешняя пара не являлась его исконными хозяевами — их поведение говорило о том, что это не наши прежние аисты. Возможно, это были переселенцы из Засек. Строить новое гнездо взамен упавшего у них уже не оставалось времени, и потому им пришлось занять чужое. К тому же с весны здесь была только одна птица. Вероятно, с белоножкой случилась беда, ведь на долгом пути между Заболотьем и Африкой она могла и погибнуть.

Результаты массового кольцевания аистов, проводимого во многих странах, помогают выявить, с какими именно бедами птицы сталкиваются в своей жизни наиболее часто. В Польше с 1931 года в течение пятидесяти лет было окольцовано более 22 тысяч птенцов и 78 взрослых белых аистов. Судя по тем случаям, когда удавалось установить причину гибели найденных мертвых птиц, 40 % из них было убито человеком; 7 % разбилось о провода или высотные конструкции; по 0,5 % запуталось в антеннах и погибло от хищных зверей; 1 % погиб от столкновения с поездами, 1,3 % убиты градом; по 0,7 % погибло при драках из-за гнезд и вне их с другими белыми аистами. В ГДР половина возврата колец, снятых с белых аистов, связана с гибелью птиц от ударов о провода. Здесь отмечается также, что значительное число аистов добывается при охоте на Ближнем Востоке, в Африке и Юго-Западной Европе.

Вероятнее всего, что претендующий на гнездо аист был одним из уцелевших прошлогодних хозяев. Этим можно объяснить столь настойчивое его желание завладеть жилищем и склонить на свою сторону аистиху. Ведь, в общем-то, мест, пригодных для жизни аистов, в нашем районе предостаточно. Колесо для этих птиц установлено в каждой деревне. Правда, ценность уже обитаемого и к тому же хорошо построенного жилища гораздо выше, чем простой опоры — колеса. Да и благополучие располагающейся на гнезде семьи аистов наглядно демонстрирует другим птицам доброжелательное отношение к ним жителей данного населенного пункта. Однако наш третий аист претендовал не только на гнездо. Ему нужна была и супруга. В этом, видимо, и была причина столь жестокого боя.

Изгнав налетчика, аисты долго в растерянности стояли на гнезде. Побуждаемая потребностью продолжать насиживание самка время от времени садилась на пустой лоток, но самец

не пытался ее сменить и стоял рядом. Я пошла под ель посмотреть, что же выпало из гнезда во время битвы. На земле валялись несколько больших черных маховых перьев, выдранных из крыла с кровью, одно разбитое яйцо, в котором эмбрион был еще маленьким, и одно целое яйцо, даже без трещин. Оно, перекатываясь, как по ступенькам, с одной густой лапы ели на другую, упало в заросли крапивы и каким-то чудом не раскололось. Неся яйцо в руке, шла я по дорожке к дому, не зная, что делать дальше. Ко мне подошли парни, которые в этот воскресный день гуляли в нашей деревне. Не раздумывая, они вызвались влезть на дерево и положить яйцо обратно в гнездо.

Увидев человека, карабкающегося на ель, аисты поднялись в воздух, сделали несколько кругов и улетели. Было грустно смотреть на пустое гнездо. К тому же нас беспокоило, что чудом спасенное яйцо, о котором его хозяева ничего не знают, расклюет сорока. Но, на радость всей деревни, через два с половиной часа аисты вернулись и самка как ни в чем не бывало села греть яйцо.

И все же третий аист не оставил надежды завладеть гнездом или, по крайней мере, полностью уничтожить потомство своих врагов. Через четыре дня он возобновил атаки. Прилетел он в полночь, затем появился в полдень. Через два дня ночью опять произошла серьезная стычка на гнезде. Как разворачивались события, я не видела, только слышала продолжительный очень беспокойный треск. Утром на гнезде оказался самец с пораненной головой. На лбу, недалеко от правого глаза, у него чернел кружочек запекшейся крови величиной с двухкопеечную монету. Самка трогательно пробовала отчистить пятно. Понаблюдав за птицами, я поняла, что это был не прежний самец — супруг аистихи, а тот, кто все лето пытался завладеть гнездом. Наконец это ему удалось, и он образовал пару с самкой, у которой предварительно уничтожил кладку.

Последнее яйцо, видимо, тоже погибло. Изгнанный супруг прилетел днем, но к гнезду не рвался. Он уселся на крыше конюшни и принялся чистить перья. Новому хозяину это не давало покоя. Он трещал клювом, принимал угрожающие позы и наконец полетел и прогнал гостя с крыши. Тот без сопротивления сиротливо удалился.

Вот так и закончилась попытка пары аистов вырастить птенцов на чужом гнезде. Жители нашей деревни сочувствовали изгнанной птице. Я же так и не решила, на чью сторону склониться. Разобраться в таких случаях, кто прав, а кто виноват, с нашей человеческой точки зрения невозможно.

Новой паре откладывать яйца и выводить птенцов в этом сезоне было уже поздно. Но супруги проводили на гнезде все свободное время. Они здесь отдыхали, спали, чистились и охраняли свой дом от посягательств других соплеменников.

В жаркое время дня, когда аисты могут парить на распростертых крыльях, над гнездом появлялись одна или две птицы. Они подолгу кружили в вышине, а наша пара исступленно стучала на них клювами. В июне почти все дни на гнезде дежурил самец. Иногда, когда его сменяла самка, он улетал покормиться на соседний луг. Белизна на его голове постепенно становилась незаметной. Он подолгу чистил ее лапой. Вечером оба аиста оставляли гнездо, чтобы слетать покормиться к Пскове. При возвращении всегда соблюдалась определенная церемония. Прилетев первым, самец взмахами крыльев и поклонами, сопровождаемыми рассыпчатым треском, приглашал самку в дом. Присоединившись к нему, та тоже приветствовала его стуком клюва. При встрече на гнезде птицы обязательно обменивались «любезностями» даже в тех случаях, когда перед этим они только что расхаживали по полю рядышком.

Аисты узнают друг друга на очень большом расстоянии. Однажды я была свидетелем того, как они увидели своего противника примерно за километр. Он летел со стороны леса, и я разглядела его только после того, как стоящая на гнезде птица подняла стук и ей на подмогу поспешила вторая. Не раз приходилось видеть, как самец, стоящий на гнезде, увидев летящую подругу, начинал призывно стучать клювом — он делал это совсем не так, как при виде чужака. На соперника он имел обыкновение не только стучать, но и сердито свистеть. Интересно, что и эта наполовину обновленная пара гнезда по-прежнему не ремонтировала и не таскала в него строительный материал, как делали птицы в прошлые годы. Только в тех случаях, когда появлялись посторонние аисты, пара, потрещав клювом в их сторону, принималась поправлять веточки на краю гнезда, как бы демонстрируя свою домовитость и согласие в семье.

В середине июня у аистов началась линька. Мелкие белые перья стали падать вниз, как парашютики.

С 10 августа аисты стали вести себя на гнезде как-то неуверенно и спать перебрались на вершины соседних телеграфных столбов. В эту пору, если бы у них были птенцы, им пришлось бы полностью уступить детям место на гнезде. Под столбами, на которых отдыхали птицы, валялись огромные погадки — отрыжки. Это были остатки грубого непереваренного корма, которые многие птицы имеют обыкновение выплевывать. Почему-то в этих комках совсем не оказалось лягушачьих костей. Только в одной погадке из 25 была найдена косточка лягушки, а в одной — шерсть полевых [illegible]. Основную же массу составляли части лапок и грудных сегментов жуков-навозников, а также надкрылья жужелиц. Все это было перемешано с землей такой консистенции, будто бы она [illegible] из кишечника дождевых червей. Так, вероятно, [illegible].

Близилось время отлета аистов. Я [illegible] надеялась увидеть, как это произойдет. В один из последних [illegible] дней птицы занимались приборкой гнезда. Вдруг [illegible] встрепенулись, распустили крылья. Я еле разглядела высоко [illegible] летящего третьего аиста. С земли он казался не более [illegible] ласточки. Вскоре и наша пара взлетела и принялась кружить, поднимаясь все выше и выше, пока не скрылась из глаз. Но оказалось, что это еще не был отлет. К вечеру они вернулись. Затем птицы исчезли на два дня, а появившись, прихорашивали гнездо, токовали. И наконец 21 августа они улетели совсем.

Нам осталось ждать, что же будет с аистами, как сложится их судьба в следующий сезон, сумеют ли они продолжить свой род.

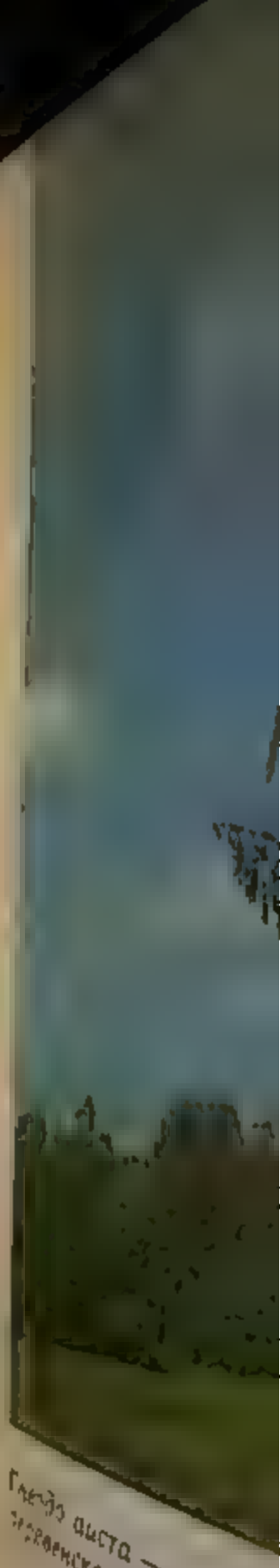
Весной 1985 года по всем признакам на гнезде появилась та же пара аистов, которая с большими приключениями заняла его прошлым летом. Обе птицы отличались необыкновенной доверчивостью. Не дождавшись, когда вылупятся птенцы, я решила залезть на старую съемочную вышку, намереваясь тотчас же уйти, если птицы испугаются. Но аисты, посмотрев на меня, не только не слетели с гнезда, а даже не насторожились, продолжая спокойно чиститься.

Старое поле тимофеевки возле деревни в этом сезоне начали распахивать. Данное обстоятельство заметно сказалось на характере кормежки птиц. Казалось, их мало огорчило

исчезновение травянистых угодий. Они быстро приноровились добывать корм возле работающего трактора. Аисты не ходят следом за плугом, как грачи. Их метод охоты несколько иной. Стоя на краю не обработанной еще части поля, птица поджидает, когда трактор подойдет к ней метров на десять. Тогда она отступает немного в сторонку, пропуская машину, и тут же спешит обратно на только что распаханный кусок. С перевернутых пластов земли аисты хватают дождевых червей, жуков и их личинок, гусениц совок, ловят выгнанных из подземных убежищ грызунов, пока те не успели скрыться.

Пользуясь «услугами» трактора, аисты, видимо, наедались очень быстро и подолгу отдыхали, находясь на гнезде вдвоем. Один из них насиживал кладку, а второй стоял рядышком. Однажды, когда был сильный ветер, обе птицы сидели на дне гнезда плечом к плечу, головами навстречу потоку воздуха. В холодную погоду наседка очень неохотно уступала теплое место на лотке супругу. Первый птенец в этом году начал вылупляться 23 мая.

Лето выдалось очень сырое, лягушкам было раздолье, и во всех лужах и ямах водилось множество головастиков. Корм для птенцов был в изобилии. Взрослые приносили маленьким аистятам гораздо больше пищи, чем те могли съесть. Но это, видно, ничуть не печалило родителей. Отрыгнув добычу птенцам, взрослые, подождав немного, съедали ее сами. Каждого головастика или лягушку они глотали отдельно, высоко вскидывая голову. Количество принесенного корма можно было подсчитать. Головастиков бывало не менее двадцати, а однажды я насчитала, как аист подобрал с гнезда и проглотил один за другим 39 круглых комочков, которые мне не удалось рассмотреть. В другой раз аистиха, прибираясь в гнезде, проглотила 26 головастиков. Она брала их кончиком клюва со дна, чуть подкидывала в воздух и тут же ловила, широко раскрыв клюв, как бы забрасывая корм себе в рот. Птенцы вылупились еще до того, как лягушата вышли на сушу, но головастиков было такое множество и держались они такими плотными группами. У прогреваемых солнцем берегов, что их можно было черпать ложкой, как фрукты в густом компоте. Живые изюминки на ходились в постоянном движении, как бы танцуя под громкое пение взрослых лягушек. Следы аистов были видны у каждой лужи или озерка.



Гнездо аиста — часть ж
сторожского дома.

Гнездо аиста — часть живой природы, которая начинается за порогом деревенского дома.

В дождливые дни аисты лакомились дождевыми червями. Головастики при похолодании прячутся, а черви, наоборот, при дожде выползают из норок на поверхность. Случалась у аистов и довольно крупная добыча. Я видела, как одна из птиц заглатывала не съеденную птенцами полевку

В один из погожих дней я заметила аиста возле дороги, идущего как-то необычно, с приплясом. Он то и дело поднимал крылья и взмахивал ими. Оказывается, птица была вся мокрая «до нитки». С внутренней стороны крыла перья слиплись

так, что была видна розовая кожа. День был нежаркий, правда, без дождя и без ветра, но аист надумал вдруг где-то выкупаться. За эти годы я увидела такое впервые. Вообще аисты не принадлежат к числу больших любителей водных процедур.

Трое аистят в возрасте уже двух недель еще были не в силах съесть все, что приносили им родители в этот урожайный на земноводных год. Теперь в рационе у птиц были годовалые лягушки, которых в этом году тоже оказалось немало. Покормив птенцов, самец иногда собирал со дна гнезда до пятнадцати лягушек, заглатывая их одну за другой. Правда, подождав некоторое время, он по просьбе детей отрыгивал пищу снова, а потом вновь заглатывал излишки, но уже в меньшем количестве.

В солнечные дни я часами просиживала на вышке возле гнезда аистов — фотографируя, наблюдая, любуясь. Отсюда мне было видно все далеко вокруг — и наша деревенька, и край лежащего неподалеку леса, и обширные поля, и начинающийся прямо за гнездом аистов луг.

Что сравнится с его красотой в июне? Среди густой сочной травы раскиданы ярко-желтые блестинки лютиков и ажурные красные пятна горицвета, мелкие синие островки вероники похожи на лужицы, отражающие небо. По этому пестрому ковру степенно вышагивает белый аист Тишина. Не нарушая ее неподалеку поет чекан, щебечут воробьи, собираясь выводить птенцов в стенках аистиного гнезда второй раз за сезон.

Аистятам уже перевалило за двадцать дней, когда на нашу деревню налетел ливень со страшной грозой. Я с беспокойством выглянула из окна: ведь на высокой ели птичье семейство может поразить молния — такие случаи приводятся в литературе. Однако на гнезде никого не было. Над его краем не виднелись ни головы птенцов, ни взрослых птиц. Когда же дождь перестал, я с облегчением увидела, что все семейство на месте. Оказывается мать, прикрыв собою птенцов, прижалась к гнезду, как будто вдавившись в него.

В начале июля наступили теплые дни. Нагретый воздух поднимался вверх, облегчая птицам парение. В такую пору начинают путешествовать негнездящиеся аисты. Чаще всего они держатся небольшими группами. Их визиты всякий раз очень тревожили родителей. Теперь-то я знала, что их волнения не напрасны. Хотя птенцы стали совсем большими и маховые

В конце весны луг украсил бордюр из купальниц

перья у них выросли уже наполовину должной длины, защитить себя и свое жилье от нападения чужих аистов они еще были не в состоянии.

Чем теперь кормили родители аистят, мне почти не удавалось рассмотреть. Подросшие птенцы хватали пищу с жадностью, теребя взрослых за клюв и требуя еще и еще. Принесенный корм мгновенно исчезал в их глотках. Только иногда, когда попадалась добыча покрупнее и птенцы не сразу могли ее проглотить, мне удавалось ее разглядеть — это были уже взрослые большие лягушки и водяные крысы.

К концу июля разноцветный луг скосили. И он сразу стал однообразно зеленовато-бурым. Целыми днями по нему теперь расхаживали деревенские кошки. Им больше не мешали мокрые спутанные стебли травы. Нет на этих черных и белых котов, которые так хорошо видны за километр, крупных хищных птиц, чтобы «прибрать их к рукам». Сами же эти полудикие-полудомашние хищники играют немаловажную роль в жизни не только грызунов, но и мелких пернатых.

Скошенное поле привлекает многих птиц. Над ним низко-низко гоняются ласточки, по лежащей рядами сохнущей траве бегают белые трясогузки. Перелетают и опускаются то здесь,

то там стайки коньков. Затравяневший, пропитанный влагой лес сейчас птицам не нравится. На его некошеных полянах перепутавшаяся трава поднялась выше метра.

Какое великое благо для аистов сенокос, особенно заметное во влажное лето, когда трава даже на лугах отрастает так высокая, что и длинноногим птицам становится нелегко по ней ходить. А в эту пору подрастающим птенцам требуется особенно много еды.

Заготовка сена — самая красивая и мирная картина жизни на Псковщине. Деловито бегает по полю трактор с косилкой, мерно ложатся ряд за рядом тимофеевка и мятлик. Высоко поднимая длинные красные ноги, расхаживают по скошенным рядам нарядные аисты. С трактористом у них особая дружба. Когда машина, только въехав на луг, останавливается, птица подходит к ней вплотную и ждет, пока Володя, наш сосед, наладит косилку и начнет работать.

...29 июля один из аистят первый раз вылетел из гнезда. Вскоре он вернулся. Днем, когда мы с внучкой проходили возле ели с аистами, этот же птенец вновь взлетел и сделал несколько кругов. В воздухе он держался удивительно уверенно и спокойно для первого полета. Двое его собратьев возбужденно следили за ним, но сами оставлять гнездо не решались. Так близилось к концу еще одно лето. Через день уже все птенцы поднялись на крыло, и гнездо им стало служить лишь местом отдыха и столовой, куда они прилетали съесть принесенный родителями корм.

Теперь, когда при любой реальной или мнимой опасности грозящей птицам с земли, аистята мгновенно взмывали с гнезда в воздух, можно было лучше оценить отношение птиц к разным событиям и даже к разным людям. Оказалось, что аисты либо помнят нас всех «в лицо», либо узнают по одежде. А только что приехавшему из Ленинграда на каникулы паренек они отнеслись с большой подозрительностью. Пока он по тропинке шел к колодцу, аистята следили за ним, вытянув шеи. На других же людей, которые ходили по этой же дорожке все лето, птицы не обращали внимания.

Как-то, возвращаясь с внучкой из леса, возле деревни мы встретили молодых аистов. Они стояли почти рядом с коровой. Завидев нас, птицы испуганно взлетели. Такие малоопытные подростки уже прекрасно отличали человека от домашних жи-

Среди цветущего разнотравья на лугу в июне нежно заголубели куртинки вероники.

вотных. Огромное рогатое существо, привязанное на цепь и ревущее почти весь вечер, не внушало им опасения. На мой же взгляд, вид у коровы был чрезвычайно грозный. Правда, белая трясогузка спокойно стояла на ее широкой спине, легкомысленно потряхивая хвостиком

В начале августа, воспользовавшись редким в это лето ясным солнечным утром, я решила сфотографировать аистят. Как раз вся троица стояла на гнезде Я спокойно стала подходить к вышке, но аистята вдруг насторожились, вытянули шеи и улетели. Не возвращались они на гнездо до полудня, пока я не слезла с вышки и не ушла. А ведь раньше я фотографировала их очень часто. Немного погодя я вспомнила, что в те дни была жаркая погода и я надевала белый халат. А на этот раз я пришла в черном. На следующий день я специально для аистов принарядилась в белый халат и опять отправилась с фотоаппаратом в руках к вышке. Аистята спокойно стояли на гнезде и смотрели на меня, пока я подходила. Когда же я забралась на свое колченогое сооружение и устроилась там, они совсем потеряли ко мне интерес и принялись чистить перышки. Попозировав мне с полчаса, один из птенцов отправился на прогулку — полетать. Он был самый

старший и самый непоседливый. Сделав несколько кругов, аи
тенок вернулся. В это время его собрат занимался ремонто
гнезда, пытаясь уложить длинный прутик, который торчал вверх
перегораживая мне кадр. Таким образом аисты преподали мн
урок: если я собираюсь их фотографировать, не использ
укрытия и находясь у птиц на глазах, надо быть всегда в одно
и той же одежде.

14 августа был обычный теплый летний день с кратковремен
ными дождями. Но вдруг сразу ощутилось начало осени
нашей деревушке появилась небольшая группа скворцов-
вестников начала и конца лета. Пролетела внушительная ста
дроздов-рябинников. И аистята, улетев с родителями к ре
не вернулись в гнездо на ночлег. На другой день был слабый
иней, но настоящие заморозки по ночам еще не начались.
Взрослые, проводив детей, видимо, в общую с другой мол
дежью стаю, прожили в деревне еще около двух недель. Ноче
вали они на гнезде вместе, днем часто отлучались куда-то нена
долго, но как только начинало темнеть — надвигалась ли гр
зовая туча или просто наступал вечер — птицы возвращались
домой. В пасмурную погоду они появлялись и в семь, и в
восемь часов вечера, а в ясную точно по расписанию — без
десяти минут девять.

26 августа, когда взрослые, как всегда, отправились на кор
межку, к ним присоединились откуда-то появившиеся трое мо
лодых. В полдень все семейство поднялось в воздух и улете
в сторону реки. Больше к гнезду они не вернулись. Так спо
койно и благополучно кончился этот летний сезон в жизни пти

И на другой год в нашей деревне гнездилась та же пар
аистов. Вели они себя тихо, спокойно, строительством гнезда
занимались в весьма скромных масштабах. Пожалуй, в этом
был свой резон. Хотя доставка строительного материала, укл
дывание веточек и прихорашивание гнезда входит в ритуал
семейной жизни аистов, постоянное наращивание его краев в
высоты чревато тем, что гнездо в конце концов может рухнуть
особенно если оно устроено на вершине дерева. Так что, видимо
не случайно аисты стали очень сдержанны в тех ритуальных
церемониях, в которых присутствуют элементы строительства
гнезда. Когда у них возникало желание что-нибудь принести
птицы выбирали маленькую палочку, длиной не более десяти
сантиметров.

И в этом сезоне, как всегда, у гнезда то и дело появлялись посторонние аисты. Но хозяева всякий раз давали им должный отпор. Я заметила, что с парой нападающих птиц им было справиться легче, чем с одиночкой. Ведь холостяки действуют не только силой, но и пускают в ход свои «чары», стараясь завладеть гнездом и хозяйкой.

В выводке опять было три аистенка. Только один из них вылупился с опозданием и отставал в росте, что стало особенно заметно, когда пришло время учиться летать. Был он тощий, слабый и постоянно просил есть не только в тот момент, когда родители прилетали на гнездо, но и тогда, когда они были где-нибудь в поле его зрения. Иногда он принимался пищать и кланяться перед своими старшими собратьями, тщетно упрашивая их отдать то, что они успели расторопно перехватить у него во время общей трапезы.

Оба старших аистенка были [illegible] и положено птенцам-подросткам, жизнерадостны и [illegible]. Бегая по гнезду, они нередко отыскивали там то [illegible] другую лягушку, затерявшуюся среди прутьев. Когда родители выплевывают кучку корма на дно гнезда, часть его птенцы находят не сразу, так что у них есть возможность при желании подкрепиться попозже, разыскав на дне остатки обеда или завтрака.

Два старших аистенка начали летать и кочевать по лугу в то время, когда последний еще не мог подняться в воздух. Только неделю спустя он наконец решился и полетел. Сделав три круга, птенец вернулся, но при посадке на гнездо чуть не упал, так как неточно рассчитал угол подлета. Помахав крыльями, малыш все-таки взобрался на гнездо. С этого дня весь выводок держался вместе, и за судьбу меньшего можно было не беспокоиться.

В этом году взамен умершей старой лайки у нас завелась молодая дворняжка Чика. Как-то в конце августа мы шли с ней по дороге через недавно распаханное и проборонованное поле тимофеевки. По голой земле скакали лишившиеся укрытия лягушки. За ними охотилось семейство аистов — молодежь вместе с матерью. Собачонка сначала выжидательно поглядывала на птиц — уж очень они были крупные для нее,— затем все-таки решилась попробовать свою силу. Сначала она медленно направилась в их сторону. Аистята отошли подальше, а самка продолжала кормиться как ни в чем не бывало. Тогда

Чика применила пугающий маневр — она помчалась к птице во весь опор. Подпустив собаку метров на десять, аистиха взмахнула крыльями и подскочила примерно на высоту своего роста над землей. Увидев ее широченные крылья над головой, Чика повернула назад и в панике бросилась к нам под ноги. При различных жизненных ситуациях молодежь у аистов ведет себя более осторожно, чем их родители. И людей, и собак они боялись гораздо сильнее. Только коровы не вызывали у них опасения.

С 27 августа аистята покинули деревню. Взрослые же, как и в прошлые годы, продолжали заниматься гнездом, токовали в общем, вспоминали прошедшую весну и мечтали о новой. 29 августа погода стояла дождливая, завывал ветер. Взрослые аисты прилетели в деревню еще со второй половины дня. А вечером мы увидели на гнезде удивительную сцену: оказывается, самый маленький аистенок отстал от своих собратьев и

Лягушки для аистят служат не только лакомством, но и любимыми игрушками.

нарушив обычай, решил опять вернуться домой. Перед матерью, озадаченной его появлением, он стал выделывать странные пируэты: сведя полусогнутые концы крыльев перед грудью — как бы умоляя ее, он бегал по гнезду, пригибаясь в низком поклоне. Все это напоминало какой-то жалкий скомороший танец. Взрослая птица, помедлив, отрыгнула на дно гнезда большую порцию корма, припасенную, видимо, для себя на ночь, и тут же улетела. Аистенок долго собирал с лотка лягушек. Сначала он, как будто давясь, глотал тех, что покрупнее, а напоследок принялся за лягушат. Насытившись буквально «по горло», с трудом закрывая клюв, он сиротливо устроился спать на гнезде.

На другой вечер, как только самка прилетела на гнездо с тем, чтобы простучать свою «песню», поправить веточки и расположиться на ночлег, к ней опять подлетел аистенок. Как только он принялся приплясывать, распустив крылья, взрослая птица с досадой улетела. Похоже, что этот малыш портил родителям весь осенний праздник. Только через день последний аистенок окончательно оставил свой отчий дом. А вскоре, 2 сентября, не вернулись больше в гнездо и взрослые птицы. Заморозков в этом году они так и не дождались, погода стояла дождливая, грибная. И хотя корм еще был — когда приходилось идти по высокой траве, лягушата то и дело выскакивали из-под ног,— птицам пришла пора отправляться в путь.

Так кончилось еще одно аистиное лето. .

Можно ли узнать о птице все? При поверхностном знакомстве кажется, что тебе известны жизнь, нравы и привычки того или иного вида полностью. Но на самом деле нет границ познанию. Наблюдая за аистами из года в год, я обнаруживала всякий раз что-нибудь новое для себя. Да и может ли что-нибудь полностью повторяться?

ВСТРЕЧИ В ОГОРОДЕ

Маленькая деревушка, окруженная полями и перелесками, всегда имеет свой собственный птичий мир. Конечно, аисты своим присутствием одаряют не всех. Но есть и другие птицы, менее заметные и эффектные, которые селятся в саду, в ого-

роде, в зарослях крапивы, под крышами строений, не привлекая особого внимания людей. Размеренная, похожая на весеннюю капель песенка пеночки-теньковки, короткая, с энергичным росчерком тирада зяблика, канареечная трель зеленушки, веселая песенка серой славки, монотонный голосок обыкновенной овсянки, напоминающая брызги маленького горного ручейка песенка белой трясогузки сливаются со щебетом ласточек и переплетаются с назойливым кукареканьем петуха, мычанием коров, залихватскими переливами разных мотивов, исполняемых скворцами. Все это создает свою особую, так называемую деревенскую тишину радостного весеннего утра.

Летом в деревне нередко поселяются лесные птицы, жители кустарников и даже обитатели лугов.

Как-то я проснулась среди ночи от непонятного звука, идущего с улицы. Казалось, [illegible] наши соседи пилят дрова. «Джиг-джиг, джиг-джиг», — скрипела пила. Не сразу я поняла, что так звучит вблизи во [illegible] ночном воздухе голос коростеля. На сеяных травах [illegible] сенокосных лугах, где живут коростели, трава была [illegible] низкая, а среди яблонь сныть успела подняться на высоту [illegible] тридцати сантиметров. Так

Цветущие яблони в саду...

и обосновался у нас коростель в заросшем сорняками старом саду за дорогой.

Как хорошо в саду, когда цветут яблони, вишни, сливы! На землю сыплется мягкий снег из лепестков. Белые снежинки залетают в открытые окна и двери. Уж если человеку, чтобы построить дом, пришлось срубить много хороших деревьев и очистить от леса порядочную площадку, то хотя бы частично оплатить нанесенный природе ущерб он может, возделывая сад.

Украшением нашего сада были чечевицы. В мае пара этих птиц любила проводить время на яблонях. Среди белых цветов ярко-красная грудка самца выглядела особенно эффектно. Но вскоре оказалось, что за эту красоту нужно платить. Птицы усердно поедали завязи, сбрасывая вниз лепестки.

Позже чечевицы стали кормиться у нас на кустах смородины. На этот раз ели они не [illegible], а [illegible]. Птицы разрывали почки на концах чахлых [illegible] и доставали оттуда зеленых личинок.

В конце мая наступили жар[illegible]ые дни. Запах свежих листьев березы и тополя смешался [illegible]матом цветущей черемухи. Луга пожелтели от одуванчиков. Темная зелень травы оказалась почти вся скрыта под желтыми головками.

Прошло немного времени, и у птиц, питающихся семенами, наступила сытная пора: одуванчики начали отцветать. Хотя эти растения в основном заполоняют луга, их любители – чечевицы и зеленушки — предпочитали отыскивать их в ближайших окрестностях деревни, особенно возле дорог. Птицы выбирали примятые ногами людей или домашних животных растения, у которых корзиночка с семенами была наклонена к земле. Оказывается, дотянуться до головки прямо стоящего одуванчика чечевицам и зеленушкам не хватает роста, а садиться на растение сверху, как это делают легкие щеглы, им трудновато. Вот и приходилось неуклюжим потребителям семян прибегать к невольному пособничеству людей.

Кроме одуванчиков, чечевиц в деревне привлекали и другие растения. Как только начали осыпаться семена вяза, стоящего возле дороги, у подсохшей лужи можно было встретить одну-две чечевицы в обществе парочки щеглов. Упавшие в грязь влажные семена были для птиц особенно привлекательны.

Однако потребности и вкусы наших чечевиц и вяз удовлетворял не полностью. В добавление к этому корму весь июнь

они закусывали в огороде свекольными листьями. Особенно охотно ели чечевицы, отщипывая по кусочку, молодые листочки рассады. И даже тогда, когда на рассаде уже выросли третьи и четвертые листки, птицы, ставшие завсегдатаями свекольной грядки, спокойно и неторопливо отрывали кусочки только от первых листочков.

И наконец, в начале июля внимание чечевиц стойко переключилось на смородину. Пока у нас в огороде росла только красная смородина, чечевицы ягоды не ели. Но вот начала поспевать молодая белая смородина. Через светлую прозрачную кожицу хорошо видны даже у неспелой ягоды темные семена. Может быть, именно это натолкнуло птиц на «мысль» о возможности покормиться ими. Пара чечевиц стала ежедневно прилетать на один и тот же куст, где ягоды начали поспевать раньше, и расклевывала их одну за другой. Птицы доставали из ягод семена и выпивали сок. Отведав белой, они затем приспособились питаться и красной смородиной. Разорванные шкурки от ягод оставались висеть на кисти, подсыхая. Я подсчитала, что за две минуты одна [illegible]тая чечевица управлялась с пятью ягодами. Ее старательно куст постепенно становился обглоданным и потрепанным.

В гнездовой сезон чечевиц можно встретить далеко за пределами деревни — и в полузатопленном лесу у бобровой запруды и в кустах возле лесной поляны. Вслед красно-розовый самец изумленно-радостно восклицал «Чечевицу видел?» Они перестают задавать свой бесконечный вопрос лишь тогда, когда все окрестности заполнятся крикливыми выводками их птенцов-слетков. Молодые чечевицы очень похожи на домовых воробьев, только грудка у них пестрит темными продольными полосками. Постепенно выводки стали перекочевывать в деревню. Одно семейство расположилось в нашем огороде. Родители беззастенчиво кормили своих отпрысков семенами красной смородины. Немного погодя слетки сами начали орудовать на кустах. Короткими толстыми клювами они ловко обрабатывали ягоды, извлекая еще незрелые зеленые семена. Потом внимание птиц переключилось и на черную смородину.

Однажды, оставив ненадолго смородину, чечевицы занялись молодой сливой. Птицы усердно склевывали что-то на верхних побегах. Там было много тли, и я решила, что наконец они принялись за полезное дело, уничтожая этих ненавистных вос-

и одуванчики возле дорожки привлекают внимание чечевиц

садоводам насекомых. Но не тут-то было. Осмотрев веточки, на которых кормились чечевицы, я обнаружил, что склевали не только тля, но и сами молодые листочки. На каждом из них мелкими щипками была вырвана вся мякоть, остались только жилки. Хорошо, что птицы ограничились теми побегами, на которых листки были красноватого, как у свеклы, цвета.

Следует сказать, что далеко не все птицы берут с владельцев сада дань. Есть и бескорыстные помощники, и просто друзья-приятели.

В наших краях часто говорят, что трясогузка стучит по крыше, чтобы снег быстрее стаял. Эта птичка весной прилетает одна из первых и сразу бросается в глаза, так как тянет ее к человеческому жилью, к домам. Весело смотреть, как бежит эта длиннохвостая пигалица по коньку крыши, только «пятки» сверкают. Вся краса этих серых птиц в их узком длинном хвосте, который постоянно находится в движении.

Прибитое на стенке сарайчика гнездовье, специально сделанное мною для трясогузок согласно имеющимся на этот счет инструкциям, весной занял скворец. Но трясогузок это мало огорчило. Они и внимания не обратили на мою поделку. Ведь в любой крыше всегда найдутся щели, которые ведут в какую-

нибудь подходящую полость. Только бы она была расположена в недоступном для кошек месте

Почти в каждом деревенском доме водится своя пара белых трясогузок. Пока грядки не заросли, птицы гоняются за комарами и мухами в огородах у своих хозяев. Когда же поднявшиеся растения начинают мешать птицам бегать по вскопанной земле, они переключают свое внимание на дороги, а также на крыши. Особенно удачлива бывает охота у трясогузок по вечерам на тесовых крышах сараев. Здесь на теплой поверхности собираются на отдых многие из летающих насекомых.

26 июня рано утром меня разбудил легкий топот быстрых маленьких ножек по крыше сарая прямо у меня над головой. Это выбрались из гнезда и бегали по щели молодые трясогузки. Вылетели они через месяц после того, как их родители начали строить гнездо — носить мелкие сухие корешки с грядок в щель около трубы на коньке крыши.

Молодые трясогузки жили [illegible] пока не началась уборка трав на полях. В ожидании этого благодатного для них момента птицы довольствовались небольшими площадками земли возле заборов, где траву выкашивали для поросят. В таких местах взрослые птицы ловили комаров и бабочек, легко передвигаясь между короткими стеблями. Птенцы бегали следом за родителями — два за самцом и два за самкой. С беспрерывным стрекотанием следовали они за взрослыми, наступая им на хвост и спотыкаясь о травинки. Особенно голодный забегал вперед и открывал рот перед «носом» отца или матери, мешая им охотиться. Сами же птенцы в этом деле долго еще ничего не понимали, хотя через две недели внешне молодежь уже мало отличалась от взрослых. Такой же длинный, как у тех, хвостик постоянно вздрагивал, а в тот момент, когда их кормили, он лихорадочно трясся.

Каждое утро без дождя в нашей северо-западной зоне приятно. Но бывают среди них особенно мирные утра в июле. Тепло, ветра нет, тихо, спокойно. Со скошенных полей распространяется аромат сохнущей травы. Для птиц, гнездящихся на земле, покос оказывается трагедией, а для белых трясо-

Стройная, стремительная в движениях, белая трясогузка украсит своим присутствием любую усадьбу.

Желтая трясо... быстро ... собрать в ... пучок ... кой живости

гузок он благо. Наш выводок, как только птенцы немного окрепли, переселился на поле тимофеевки.

Позже, когда вновь стали отрастать покосы, а грядки и междурядья в огородах заросли травой, единственным подходящим местом для прогулок и охоты у белых трясогузок осталась дорога. Птицы гонялись по ней весь день взад-вперед, взад-вперед, не обращая внимания на кур и редких прохожих.

В другую весну у нас в огороде стали завсегдатаями не только белые, но и желтые трясогузки. Перекопанные и засеянные грядки, казалось бы, должны радовать только их владельцев, но отнюдь не пернатых соседей. Однако выяснилось, что они имеют немало поклонников и среди птиц.

Как-то в конце весны прошел ливень с грозой, который основательно прибил пыль и прогрел землю. Как только дождь перестал, перед нашими окнами возникла парочка желтых трясогузок. Деликатно помахивая длинными хвостиками, они принялись бегать по чистым грядкам, останавливаясь и хватая с земли личинок жуков, многоножек и прочую мелкую живность. Время от времени им удавалось поймать пролетающую муху.

Дружная парочка желтых трясогузок появилась в нашем огороде и на другой день, вечером. Эти небольшие и довольно обычные птицы по существу очень красивы. У самца низ лимонно-желтый, голова светло-серая, спина зеленовато-желтая. Изящен темный длинный хвост с двумя белыми перышками по бокам. У самки все желтые тона кажутся как бы выцветшими.

Было очевидно, что птицы отдыхали среди грядок от густой, хотя и невысокой еще щетки травы на лугу, где их постоянно можно было видеть днем. На грядке земляники трясогузкам удалось поймать несколько жуков-долгоносиков. Чтобы добыть их с листа, трясогузкам приходилось зависать над кустом в воздухе, как колибри. Такая охота показалась птицам невыгодной. Наконец на грядке редиски самке посчастливилось схватить огромную (последнего возраста) личинку майского жука. С ней пришлось повозиться минут десять. Птица мяла ее клювом, трепала, пробуя оторвать кусочек. Устав, она клала добычу на землю, но тут же снова ее хватала, так как самец, который все это время стоял рядышком и «глотал слюнки», был непрочь съесть насекомое сам. Когда самка с огромным трудом затолкнула личинку в рот, голова жертвы осталась

Птенчики желтой трясогузки надежно спрятаны на лугу в гнезде среди густой травы

торчать наружу, так что клюв у птицы не закрывался. Приходилось выплюнуть личинку и начать работу снова. Наконец трясогузке удалось отщипнуть несколько кусочков от твердой головы жертвы, и она смогла ее проглотить. Устав от такого труда, самочка села на воткнутую в грядку палочку и долго чистила клюв.

В следующий раз трясогузки появились в огороде не к вечеру, как обычно, а после обеда, когда потеплело и пошел дождь. Следуя, как всегда, друг за другом — самочка чуть впереди, а самец сзади, они проверили всю мою дневную работу. Птицы тщательно осмотрели новые вскопанные грядки, пробежались по выполотым, отдохнули. Похоже, что самка вздремнула, стоя неподвижно с раскрытыми глазами. В это время даже хвостик у нее перестал раскачиваться. У желтых трясогузок, как и у других представителей этого рода, хвост нас-

дится в постоянном движении — когда они стоят, когда они бегут и уж, конечно, когда они охотятся. При быстром беге птицы вдруг стремительно, почти молниеносно, бросались в сторону и, не теряя равновесия, хватали комара с земли или же подскакивали и ловили его в воздухе. И все это делалось без промаха. Точность движений птиц поражала. Увлекшись охотой, они не замечали и дождика. Отряхнувшись на бегу, птицы мчались дальше.

Желтые трясогузки показались мне самыми приятными и полезными птицами в огороде. Жаль, что гнездиться они ни здесь, ни даже рядом не могли. Хотя гнезда они устраивают на земле, но заросли крапивы на пустырях для них были слишком высоки, а в огороде каждый клочок земли слишком тщательно обрабатывается. Нигде эти птицы поселяются на промышленных плантациях земляники и картофельных полях, но в основном они предпочитают луга.

Весной частыми гостями в нашем саду была пара славок. По нескольку раз в день они прилетали на один и тот же куст шиповника под окном. На нем было много свернутых в комочек листьев, в которых прятались зеленые гусеницы. Птицы, не боясь поранить ноги, садились на покрытый острыми колючками куст и начинали осматривать ветки. Обнаружив свернутые листки, они деловито направлялись каждая к своему и принимались их усердно потрошить, чтобы достать насекомых. Таким образом, укрытие не только не защищало гусениц от врагов, но даже выдавало их местонахождение. Однако, чтобы извлечь насекомых, требовалось время. В этом-то и было их спасение. Работа у птиц двигалась довольно медленно, всех гусениц за один день и даже за неделю они съесть не могли, и потому, выиграв время, многие гусеницы успели окуклиться и превратиться в бабочку.

Чтобы облегчить птицам кропотливый труд по добыванию корма, я положила возле куста на землю в небольшом стеклянном блюдце личинок нескольких видов жуков, которые попались мне при вскапывании грядок. Мне представлялось, что одна крупная жирная личинка может заменить несколько десятков тощих гусеничек. Только славки мое подношение даже не заметили. И не случайно. Ведь каждый вид птиц при поиске корма руководствуется определенной типичной ситуацией, при которой встречается то или иное насекомое в природе. На

дереве птица может найти насекомое быстрее опытного энтомолога, а в баночке она его даже не заметит.

У славок начинался роман. Они перелетали с ветки на ветку, следуя друг за другом и трепеща крылышками. На них было отрадно смотреть из окна.

В конце мая в раскидистом кусте крыжовника, заросшем крапивой, я нашла славочье гнездо. Но оно оказалось только рекламного назначения. Такие незавершенные, просвечивающие гнезда строят самцы на своем участке, пока подыскивают себе пару. Изредка славка прилетала к нему, но тут же спешила куда-то за пределы нашего огорода

Посадки крыжовника в саду — самое подходящее место для жилья серой славки Я решила специально не расчищать один большой куст от обступившей его травы, чтобы среди его колючих веток могли селиться птицы. Однако пустыри, заросшие крапивой и лебедой, привлекали их больше. Возле старого избища — разрушенного временем [illegible] бывшего дома они и построили гнездо. О том, [illegible], я знала достаточно точно, хотя к тому [illegible] не подходила, чтобы не примять траву и не [illegible] дорогу котам и собакам С нашего порога был хорошо виден [illegible] тонкий прутик, который служил птицам постоянной [illegible], они опускались на него перед тем, как юркнуть в спутанные травяные заросли.

За тем, как сооружалось славочье гнездо, я наблюдала издалека. Птицы принялись за работу, когда после прошедших теплых дождей пошла в рост крапива. Самец принес короткую сухую травинку туда, где предполагалось строить жилье. Показав таким образом самке, что надо делать, он уселся петь на вершине небольшой засохшей вишни. Самка разыскивала строительный материал в траве у земли, занималась этим она с большой тщательностью и подолгу. Найдя подходящий стебелек, она летела с ним к одному и тому же месту. Перед тем как прыгнуть в заросли крапивы, птичка делала обязательную кратковременную остановку на присаде. Строительство гнезда длилось почти неделю. 29 мая птицы перестали по-

Серая славка может устроить гнездо и среди колючих кустов в саду, но если поблизости есть пустыри с буйными зарослями сорняков, она предпочитает выращивать птенцов там.

падаться на глаза — началось время насиживания кладки. А 18 июня славок опять можно было видеть на прутике. Теперь у них в клюве были насекомые, которые предназначались птенцам.

В конце июня у большинства птиц, гнездившихся в деревне, подросли дети. Выводок славок тоже покинул гнездо. Три птенчика уселись плотным рядком на ржавой проволоке у стены сарая. Самка постоянно была занята добыванием для них зеленых гусениц в крапиве, а самец, сидя на высоком сухом стебле спыти, наблюдал за окрестностями и пел. Птенцы держались все вместе. Один было попробовал отделиться, но мать кормила только двоих, и он, посидев сиротливо в сторонке, вернулся к братьям. Так родителям было легче обнаружить весь свой [illegible] и побыстрее накормить, не забыв ни одного. Однако [illegible] только начинала грозить откуда-нибудь опасность, птенцы [illegible]сразу разлетались врассыпную. Попробуй тогда найди [illegible] среди густой травы!

К счастью для живущих [illegible] наших птиц, мы не держим кошек. Хотя эти милые создания [illegible] очень нужны в деревне, чтобы хоть немного урезонить [illegible] и крыс, прорывающихся в дом изо всех щелей, мы воздерживаемся заводить этого домашнего хищника, соблюдая интересы птиц.

У одной старушки в соседней деревне, где я часто бываю, постоянно живут две-три кошки. Охота за мелкими птицами, как мне показалось, является для них скорее забавой, чем серьезным источником пропитания, по времени они на нее не жалеют. Однажды, помогая полоть грядки, я наблюдала, как большой белый кот прогуливался по верхней жерди забора вокруг огорода с присущей этим животным неповторимой грацией. В одном месте его появление вызвало беспокойство у серой славки. Кот остановился, а потом уселся на столб, чтобы последить на досуге, не обнаружатся ли где слетки. Славка, покричав, исчезла, и кот последовал дальше обходить свои владения. На этот раз птенцы у славки, видимо, были надежно спрятаны.

С одной стороны, кошки невольно вызывают у меня симпатию. А с другой стороны, приходится признавать, что это единственное животное, причем хищное, которое осталось дикими и трудно поддающимся контролю, хотя приручено человеком очень давно. Часто по утрам встречалась мне соседская из

ленькая кошечка, идущая со скошенного поля по дороге к дому. В зубах у нее всякий раз болталась еще не успевшая захолонеть полевка — завтрак котятам. Но в другом сезоне все шло не так гладко. Однажды у колодца в нашей деревне птицы подняли переполох. Я пошла посмотреть, что случилось. На верхушках кустов малины сидели и тревожно кричали полевые воробьи. Поодаль на сухом стебле крапивы грустно нахохлилась камышевка. Из травы, обли[illegible]вшись, выбралась соседская кошка и направилась по тропинке [illegible]. Эта кошка — прекрасный мышелов, но год был [illegible].

В конце периода гнездования в [illegible] начинают появляться птицы из соседнего леса. Правда, [illegible] стараться, чтобы они не заглядывали сюда и раньше. Р[illegible] леса их привлекает обильный корм на огородах и в [illegible] а весной — строительный материал. Очень многие [illegible] выстилают гнезда перьями. В лесу их не так-то легко [illegible]. Куда проще и надежнее добывать такие вещи в дерев[illegible]. Хорошо заметные куриные перышки лежат прямо на дороге. Я видела, как маленькая пеночка с большим напряжением летела посреди деревни, держа в клюве белое куриное перо, которое было почти в два раза длиннее ее самой. Она уронила его, но тут же подхватила в воздухе и скрылась за сараем.

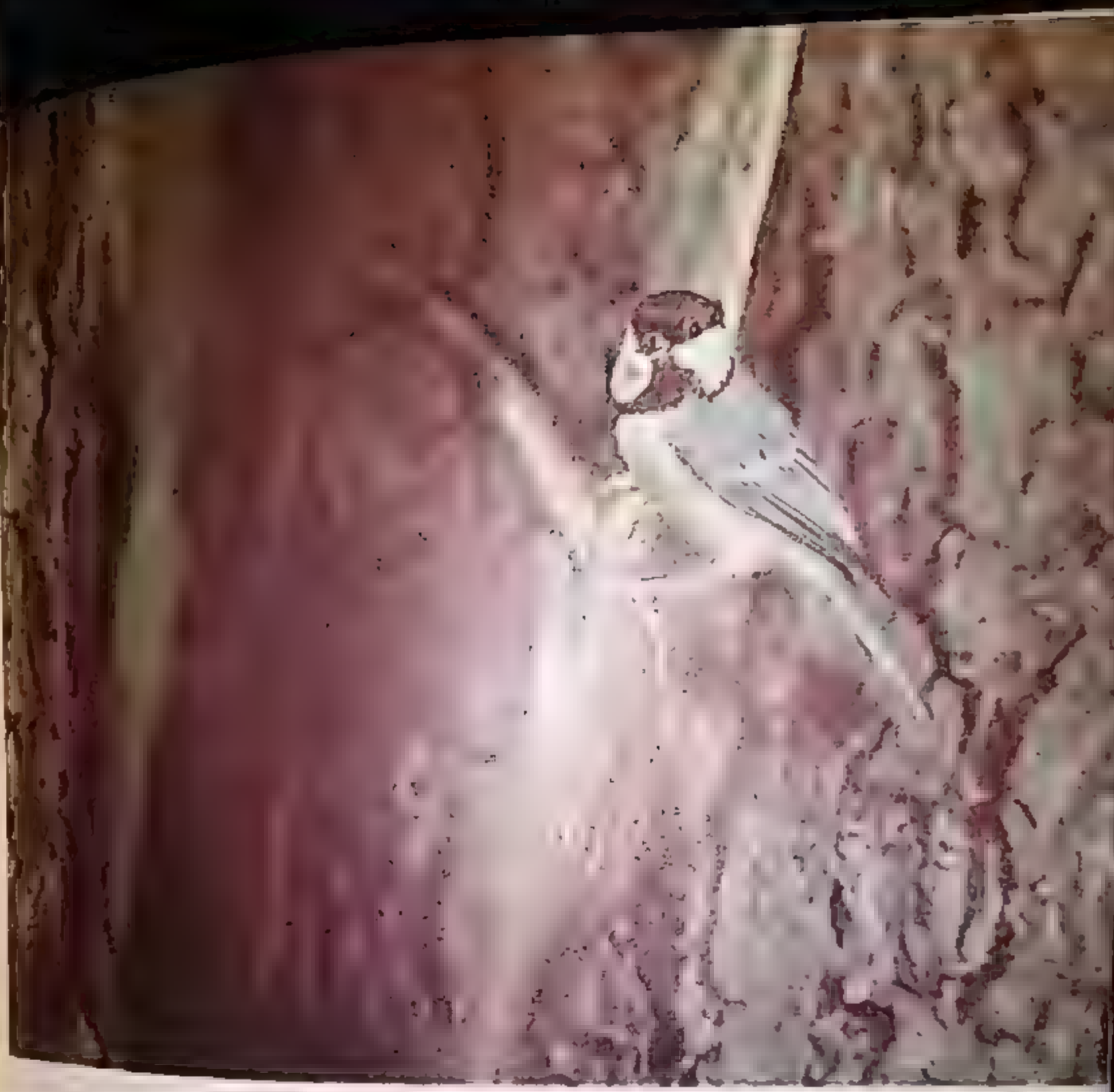
В середине мая в наш огород регулярно прилетала пара пеночек-весничек. У нас за домом была выброшена горстка перьев вальдшнепа, добытого во время весенней охоты. И хотя поднявшаяся сныть вскоре закрыла все отбросы, пеночкам удалось кое-что обнаружить. Самка вылетела из травы с большим серым пером в клюве. Присев на яблоню, она помедлила в раздумье, затем вспорхнула и выронила находку. Видимо, этот материал был для нее тяжеловат. Но, как бы спохватившись, она тут же ловко поймала перо в воздухе и снова села на дерево. В конце концов птичка все же решилась расстаться со своей добычей и выпустила ее из клюва. Перо, несомое ветром, пролетело несколько метров и опустилось на грядку. Там его поднял воробей. Пеночка же вновь вернулась на помойку и отыскала другое перышко, которое понесла куда-то за огороды. В течение пяти дней пеночки летали к нам за перышками. Всякий раз самка выбирала их тщательно, не торопясь, с видимым удовольствием. Птица брала перо с земли и садилась на куст, решая, что с ним делать. Иногда она

бросала и первую, и вторую находку, пока не отыскивала то, что ей нравится. Видимо, на земле среди травы не так-то легко оценить качество пера. Его можно рассмотреть получше, только когда поднимешься с ним на какую-нибудь чистую веточку. Жесткие куриные перья, которые легко можно было найти на улице, теперь птиц уже не устраивали.

В деревне оказалось немало и других предметов, очень нужных в птичьем хозяйстве. В начале июня возле нашего дома появилась иволга. Ее привлекла тонкая капроновая веревочка, которой был подвязан куст сирени. Минут десять иволга пыталась оторвать свободно болтающийся конец. Она пробовала улететь, держа шнурок в клюве. Но капроновые нити оказались слишком прочными. Только после долгих усилий птице удалось наконец отщипнуть небольшой пучок растрепавшихся волокон. Она унесла его в лес. В течение дня иволга прилетала на куст сирени еще два раза. Ярко-желтый, как будто вытканный из солнечных лучей самец со свистом и «мяуканьем» сопровождал самку. Пока она подыскивала себе нужный материал, он сидел на вершине куста, наблюдая за ее работой. Пробовал он и сам подергать за конец длинной капроновой веревки у качелей, но вскоре бросил это занятие.

Решив помочь птицам, а заодно и продлить себе удовольствие видеть их возле дома, мы с внучкой развесили на сирени пучки хлопковой ваты и короткие, сантиметров по пятнадцать—двадцать кусочки капроновой веревочки. Вскоре мы увидели из окна обеих птиц. Самка взяла с веточки вату в клюв, оценивающе ее осмотрела и бросила на землю. А вот веревочки ей сразу приглянулись. Она забрала одну, затем вторую и в сопровождении самца улетела. По соседству с деревней в березовом лесу птицы строили себе традиционное гнездо-гамачок, используя в качестве материала достижение современной химии — искусственные волокна. В дождливое лето это, возможно, было наиболее практично.

И на второй год иволги, когда им понадобились веревочки для своего гамачка, направились прямо к нашему кусту сирени. За день исчезли все тонкие шнурочки, которые мы вновь развесили на кусте. Взяла птица и кусочек ваты — очевидно, дело дошло уже до выстилки гнезда. Однако натуральная, то есть хлопковая вата, иволгу не удовлетворила. Ей определенно нравился синтетический материал. Птица приняла



Большая синица, проведя зиму в деревне, на лето отправляется жить в лес.

обрабатывать толстую веревку, которой в этом году была подвязана сирень. Самка вцеплялась в нее клювом и повисала в воздухе, трепеща крыльями. Размочалив конец, она набрала в клюв маленький пучок тонких капроновых нитей и полетела с ним к гнезду.

Позже на наш куст сирени стала наведываться пеночка. Ее привлекли кусочки ваты. Капроновые веревочки пригляну-лись камышевкам. Пара этих птиц жила через дорогу от нас.

Спустя год весной я осмотрела их гнездо. Среди сухой тра
вы его можно было хорошо разглядеть. Основа его была
сделана из белых капроновых тяжей, а лоток из травинок
Теми же капроновыми веревочками гнездо было прикреплено
к толстым стеблям сныти. Искусственный материал прочен
Он сохранился, хотя опора из стеблей уже упала, и гнездо
давно никому не было нужно.

В огороде у нас валялись притащенные, вероятно, соба
ками еще с зимы клочки овечьей шкуры. На них обратила
внимание пара больших синиц Птицы несколько раз приле
тали за этим теплым материалом. Самка тщательно отщипы
вала по волоску, набирая в клюв целый пучок. Самец сидел
вблизи на кустике и молча наблюдал за ее работой. Я было
обрадовалась, думая, что в каком-либо из наших гнездовий
наконец поселились синицы Но, собрав нужный материал, они
улетели далеко в лес

В лесу найти мягкий волос в таком количестве, какое ис
пользуют синицы для выстилки лотка, не так-то просто. В
одном из американских журналов описывается наблюдение за
парой местных синиц, которые выщипывали волосы для гнезда
со спины енотов Звери были воспитаны в неволе и выпущены
на свободу, но держались возле дома. Птицы садились на ветку
рядом с енотом, а затем совершали «налеты» на хвост и реже
спину «жертвы», вытаскивая небольшие клочки подпуши. Раздра
женный енот огрызался или замахивался на воришек лапой.
Некоторые синицы добывают подобным образом материал для
гнезда и у других лесных зверей.

В начале июля птицы в лесу замолкают. Только свистит
иволга, да иногда слышится тихая песенка теньковки И еще
время от времени раздается задорная трель крапивника. Лес
кажется примолкшим. В тишине слышно, как гудят цветочные
мухи. А к концу июля, когда появляются шумные выводки
все вновь как бы оживает. Встретишь такое семейство на
пути — глаза разбегаются. Птенцы с непрерывными криками
следуют за родителями, а те олицетворяют внимание и сооб
ранность. Беспрерывно занятые охотой за насекомыми, они тем
не менее не перестают следить за окружающим и не забывают
вовремя предупредить детей об опасности. Молодежь очень
доверчива. Пеночки и зарянки почти садятся на голову че
ловеку.

Каждый день прилетала в деревню из леса, чтобы полакомиться семенами вяза, пара степенных и медлительных дубоносов в сопровождении птенца. Огромное старое дерево щедро плодоносило. Когда семена созрели, наша деревенская улица оказалась усыпанной ими. Птицы доставали размокшие крылатки с края лужи, извлекали из них зерно и кормили птенца.

Раньше всех других в конце гнездового сезона пожаловали в деревню выводки больших синиц. Первый из них появился в нашем огороде еще 20 июня. В быстром темпе птицы осмотрели деревья и улетели дальше. Тут [illegible] оказалось мало интересного. Но с середины августа [illegible] стали наведываться к нам все чаще. Однажды утром [illegible] дверью летней кухни показалась большая синица, [illegible] села на полочке, посмотрела вокруг. Вскоре к ней присоединилась вторая. На другое утро синички опять заглянули в кухню. Они осматривали внутри помещения щели между досками, разыскивая прячущихся там насекомых.

В начале сентября синицы нашли себе постоянное «дело» в нашем огороде. Они первыми обнаружили, что начали поспевать семена подсолнечника. Птицы ловко подвешивались на край склоненной вниз корзинки и выклевывали еще неспелые семечки. При этом они не улетали с каждым из них на ветку дерева, чтобы было удобнее его обработать, как делают они это зимой, беря семена с кормушки, а ели их тут же, на месте. Я растила подсолнухи для синиц, чтобы кормить их в городе зимой, но они решили съесть все ранней осенью. Кожурка у семян была еще совсем тонкая, и дело у птиц спорилось. Они так пристрастились к семенам, что были явно возмущены, когда я в конце концов срезала и убрала корзинки. Синицы долго кричали, сидя в кустах рядом с грядкой, где были их живые кормушки. Но, хотя подсолнух был убран, птицы не покидали огород. Они осматривали кусты и прорыхленную землю под ними.

Случайно я обнаружила место ночевки больших синиц. Каждый вечер, как только начинало темнеть, в нашем дворе появлялись три уже самостоятельные молодые птицы. Они облюбовали старую рябину, у которой отходили от одного корня почти параллельно друг другу около десятка стволов разной толщины. Некоторые из них разветвлялись на высоте двух-трех метров, образуя как бы два ствола, растущих рядом.

5*

Первая синичка занимала щель между двумя такими стволиками. Птичка залезала в основание узкой развилки, выбрав место, где расстояние было как раз по ее толщине. Она усаживалась, вернее, подвешивалась в эту щель в вертикальном положении, прижавшись спиной к одному стволу и упершись согнутыми ножками и грудкой в противоположный. Было похоже, будто птичка устроилась в тесном кульке, открытом с боков. Вторая синица юркала в узкую глубокую щель между другими стволами, так что ее не было видно. Третья устраивалась совсем открыто. Она усаживалась возле толстого ствола рябины там, где от него под углом 45 градусов отходил большой сук. На месте отделения сучка в стволе дерева образовалось небольшое полукруглое углубление. Птица располагалась в этой уютной нише, открытой с трех сторон, как в кресле, поджимала лапки и распушала перышки, как бы укрываясь одеялом. Голову [illegible] не прятала под крыло, как часто делают птицы во сне, а втягивала ее в плечи, так что превращалась в круглый и пушистый шарик. Нельзя сказать, что при таком ночлеге синицы были хорошо защищены от непогоды, а также от хищников, в частности от деревенских котов. Однако же ни один хищник не мог подобраться к ним незаметно. Пока кошки стали бы карабкаться по стволу, синицы могли улететь в любую сторону.

На своих спальных местах синички появлялись каждый вечер, по крайней мере в течение восьми дней, когда я за ними наблюдала, вскоре после 9 часов. Так, например, 5 августа они уснули в 9 часов 20 минут по летнему времени.

В августе птичьи семьи в лесу стали распадаться, и началась кочевка птиц в одиночку и стайками. В огороде стали встречаться самые разные представители пернатого царства. Причем это были не те птицы, которых привлекает урожай на грядках и кустах, а те, которые ищут насекомых и семена сорняков или которые даже не замечают, что это — сад или огород. Наша деревня представлялась им просто продолжением леса, опушек, кустарниковых зарослей. Большинство из них впервые в жизни видели людей и относились к нашему брату доверчиво и безбоязненно.

В саду, представляющем собой коллекцию разных растений, многие птицы выбирают себе крохотные участки по вкусу. Часто можно было видеть камышевку, прыгающую по стеб-

лям подсолнечника, как среди тростника. Серых мухоловок устраивали старые яблони, растущие на чистом месте. Серые славки предпочитали кусты смородины. Среди смородины прыгали и пеночки. Наверное, птицам нравилось, что я выдрала траву между посадками. Голая земля возле кустов облегчала им охоту за насекомыми. Пеночек привлекала тля, которую развели у нас на всех кустарниках муравьи, устроившие мутравейники в грядках. Пеночки оказались в саду самыми деятельными помощниками. Они тщательно, со всех сторон осматривали каждый листик и склевывали тлю. А иногда в их клювах оказывалась зеленая личинка злостного вредителя крыжовника и смородины – смородинного пилильщика.

В осенний дождь и туман стирается и без того [illegible] граница между домом, огородом и окружающими [illegible] и перелесками. Вот протрещал в кустах см[illegible]чил на забор крапивник. Он сидит на жерди, [illegible] как бы в крайнем изумлении. На ветках [illegible] заранки. Они с нескрываемым интересом наблюд[illegible] моей работой по рыхлению земли под кустами. Возмож[illegible], птицы принимают меня за кабана и ждут того момента, когда я раскопаю или выпугну какое-нибудь насекомое, спрятавшееся в опавших листьях. Они ловко хватают его чуть ли не из под рук. Приятным гостем оказался у нас соловей. Попрыгав по грядкам, он застенчиво скрылся среди ботвы картошки. Когда соловьи молчат, обнаружить их присутствие удается редко. Наш соловушка стал жить в огороде невидимкой. Только иногда он отваживался выскочить на жердь, поддерживающую ветки смородины. Здесь он несколько секунд красовался, подняв свой длинный ржаво-охристый хвост. Однажды соловью зачем-то взбрело в голову забежать в открытую дверь летней кухни. Решив вылететь оттуда через окно, он стал, как бабочка, биться о стекло. Пришлось взять его в руки и вынести из помещения. Таким образом, я имела возможность не только повидать, но и потрогать лесного певца.

Через несколько дней я увидела, как соседская кошка крадучись пробирается по междурядью между грядками земляники. А неподалеку в кустах смородины валялись серые перышки. Соловья с тех пор я больше не встречала...

Дикие лесные птицы, оказавшись возле человеческого жилья, редко страдают от преследования или беспокойства, причиняе-

мого людьми. Но спутники человека — собаки и особенно кошки — с большой ловкостью расправляются с неопытной птичьей молодежью. Количество мелких хищников, которые промышляют птичками в лесу, во много раз меньше, чем кошек в любой, даже самой маленькой деревушке.

В погожие дни сентября, когда после долгих дождей показывается солнце, становится по-особому светло и тепло. Как-то утром дробным стуком малого пестрого дятла по столбу к нам в деревню пожаловала осень. С того дня дятлы стали нередкими гостями в деревне. Из окна можно было видеть, как дятел другого вида — седой дятел — не то чтобы ходил, а толчками передвигался, как по поваленному стволу дерева, по коньку крыши над сараем. Он выдалбливал маленькие дырочки в толе и извлекал спрятавшихся на зиму насекомых.

В теплые дни [illegible] у пернатых наступало праздничное оживление. Но мухи не верили осеннему солнцу и настойчиво лезли в натопленный дом. На каждом окне внутри дома постоянно околачивалось по нескольку мух. Эти насекомые привлекали внимание девочек. Птицы садились на подоконник и разглядывали мух, как на витрине магазина. Одна птичка долго бегала за мухой, пытаясь схватить ее через стекло. Другая пеночка, теньковка, уселась на веревочке, за которую было привязано приоткрытое сверху окно. Птица ловила мух и тихонько, вполголоса пела.

У каждой постройки в деревне в конце лета поселилось по серой мухоловке. Своя мухоловка завелась и у нас. Ее привлекали насекомые, главным образом мухи, которые садились погреться на стену. Птица часами сидела на корявом сучке яблони, держа в поле зрения пространство возле дома. То и дело она срывалась с места, гналась за насекомым, хватала его, тут же в воздухе проглатывала и опять опускалась на свой сучок. После каждой еды мухоловка тщательно чистила клюв. В перерывах же между охотой она перебирала перышки на грудке и брюшке и особенно тщательно чистила длинные маховые перья крыла, протягивая их через клюв, как через расческу. Таким образом, все светлое время суток у птицы занимало добывание осенних мух, погоня за редкими бабочками, выслеживание, подкарауливание насекомых и чистка перьев, дававшая мухоловке короткий отдых. Сидя на сучке яблони, мухоловка принималась иногда тихонько пищать, как мышка

Обычно же, подавая голос, эти птицы резко цикают.

Через несколько дней у дома появились еще две мухоловки. Каждая из них стала курировать участок у одной из стен, исключая северную. На свою охотничью территорию они друг друга не пускали. Та, что жила с «востока», пользовалась для присады бельевой веревкой. На земле здесь появлялись каждый день новые крылышки бабочек — остатки птичьей трапезы. Как брошки, красовались в траве оторванные крылья павлиньего глаза. Оказалось, что и яркие, напоминающие глаза, пятна на крыльях бабочки не помогли спастись этим насекомым от птиц.

Многие предметы человеческой [illegible] постройки, птицы часто принимают за [illegible], к чему они привыкли в природе. Так, стена, [illegible] омнает им отвесную скалу, а натянутая веревка [illegible] длинные ветки дерева. Вот только стекло для [illegible] окрнатых — явление непостижимое. Обычно возле дома у нас [illegible] сушились после мытья надетые на колья изгороди трехлитровые стеклянные банки. Как-то в одну из них залетела муха и металась там из стороны в сторону, не догадываясь спуститься вниз, к горлышку. Ее заметили две мухоловки и принялись за охоту. Птицы довольно долго кружились вокруг банки, как бабочки у лампы. Им никак было не понять, почему муха от них постоянно ускользает, хотя и рвется им навстречу. В другой раз в доме на окне оказалась бабочка совки. Она билась о стекло, стремясь к свету. Ее тотчас, раньше нас, с улицы заметила мухоловка и принялась ловить. Взмахивая крылышками и суетясь, она опускалась на раму и пробовала схватить насекомое. Я взяла бабочку и пришпилила ее снаружи дома на подоконник. Это было угощение мухоловке. Только теперь птичка не обращала никакого внимания на неподвижное насекомое. Однако бабочку скоро заметили полевые воробьи. Сначала один начал стаскивать ее с булавки, затем второй ухватил с другой стороны. Совка вмиг оказалась разорвана и съедена. Мухоловка видит только то, что двигается, а воробьи замечают все. Их не обманет даже и прозрачное стекло.

В конце августа под навесом крыши на углу нашего дома в дыре за выпавшей доской обосновались сизые голуби. Самец, сидя на выступе крыши, увлеченно ворковал. Голос у этих птиц довольно мрачен, похож на ворчание, да и сам голубь

был какой-то сумрачный, нахохленный. Кто они, эти птицы,— дикие или домашние? К кому они ближе по занимаемой нише — к воробьям или к курам? Воробьи тоже живут возле людей и во многом от них зависят. Куры же совсем потеряли не только свое птичье «лицо», но даже и способность к полету. Многие породы кур утратили и инстинкт насиживания кладки. В нашей деревне голуби скорее ведут жизнь диких, нежели домашних птиц. Стайкой вылетают они кормиться на поля. Но гнездятся они под навесами крыш, иногда на специальных прибитых для них здесь полочках.

Пожалуй, одним из серьезных отличий жизни голубей от других птиц было очень позднее повторное гнездование. Голуби начали откладку яиц в конце августа, когда у других птиц дети уже давно оставили гнезда и приобрели самостоятельность. Наша пара 26 августа весь день носила под крышу тонкие палочки. На следующий день поднялся северный ветер, и казалось, что вот-вот пойдет снег. А сизак сидел на коньке крыши и ворковал. На что надеялись птицы, начиная гнездование в такую пору? Правда, на полях в это время после уборки осталось много овса, так что для зерноядных видов время было самое сытное. К тому же голуби при любой погоде имели возможность позавтракать остатками трапезы деревенских кур.

Когда у голубей началось насиживание кладки, они, сменяя друг друга на гнезде, стали держаться тихо и осторожно, как дикие. Только в отличие от них дикие птицы собирались улетать или устраиваться на зимовку, а голуби намеревались растить детей. И вырастили-таки их, несмотря на непогоду и наступившие холода.

Ни с чем не сравнима пора бабьего лета. Днем становится тепло, просто жарко, а ночью воздух остывает до нуля градусов. Все вокруг светлеет и приобретает золотистый оттенок. Березки бросают под ноги первые листки, желтеют на поле, как тысячи солнц, подсолнухи. Днем повисает легкий дымок от сжигаемой в огороде картофельной ботвы. В природе чувствуется уверенное спокойствие. Еще ничто не напоминает о близкой долгой зиме. Умиротворение от хорошо прожитой жизни, хрупкая радость от того, что живешь, что здоров, что сыт, в пору бабьего лета ощущается, пожалуй, сильнее, чем в погожий летний день.

Пара трясогузок опять вернулась к нашему дому. Птицы бегали по коньку крыши, заглядывая в щель, где летом было их гнездо. Самец даже держал в клюве муху, вспоминая, видимо, о беспокойном и счастливом времени выращивания малышей.

К концу сентября синички стали появляться возле дома не стайками, а по одной-две. Выводки давно распались, и птицы деловито осматривали наши постройки, очевидно, подыскивая место, где будут ночевать зимой.

Каждое дерево встречает осень по-своему. В середине сентября листья на березах, такие трогательные весной, пожухли и стали опадать. Вяз оголился как-то вдруг. Сучья его полысели, и на них, как листочки, замелькали длиннохвостые синички. Эти легкие создания перепархивали с одной ветки на другую, а затем вдруг все поднимались вверх и улетали дружной стайкой.

Самым заметным деревом в деревне стал клен. Сначала его вершина покрылась своеобразной ослепительной «шапкой» — стала красно-оранжево-желтой. Так он горел много дней. А поток весь пожелтел. Наконец, после одной дождливой ветреной ночи, шевелюра его поредела. Зато червонным золотом оказалась усыпанной вся земля вокруг. Почти полдеревни щедро покрыл он своими золотыми кудрями. А на ветках все еще оставалось ажурное кружево его побледневших листьев.

Скворцы заметались в суматохе, как будто предчувствуя какие-то неприятности. И действительно, началась «погода». Холодный западный ветер зло гнал низкие тучи. Дождь то моросил, то припускал во всю мочь. Рано стемнело, и ночью началась настоящая буря. А к утру все вдруг оказалось чистым, умытым, на небе остались лишь редкие облака. За ночь кроны берез и осин в лесу стали прозрачными. У клена же ветки совсем обнажились. Стал он черным и незаметным. Кончилось бабье лето!

Пролетели две стаи белолобых гусей. Птицы медленно двигались на юго-запад, держась невысоко над лесом. Они выбирали себе поле, на котором можно было бы покормиться остатками зерна. Когда смотришь на гусей, почему-то щемит жалость к ним. Такие большие, нерасторопные и такие заметные птицы! Хотя они и держатся косяками, но кажутся сиротливыми, беззащитными и крайне испуганными, как курица, поте-

рявшаяся в лесу. Только для гусей, должно быть, страшным лесом кажется наш человеческий мир — деревни, города. Ну, ведь есть еще и поля... В дождливую осень, затрудняющую уборку урожая с переувлажненных земель, птицам есть чем подкрепиться почти в самом начале своего дальнего пути.

СКВОРЧИНЫЕ БУДНИ

Среди птиц, населяющих деревню, в каждый из летних месяцев особенно выделяется какой-нибудь один вид. В мае всех затмевают скворцы.

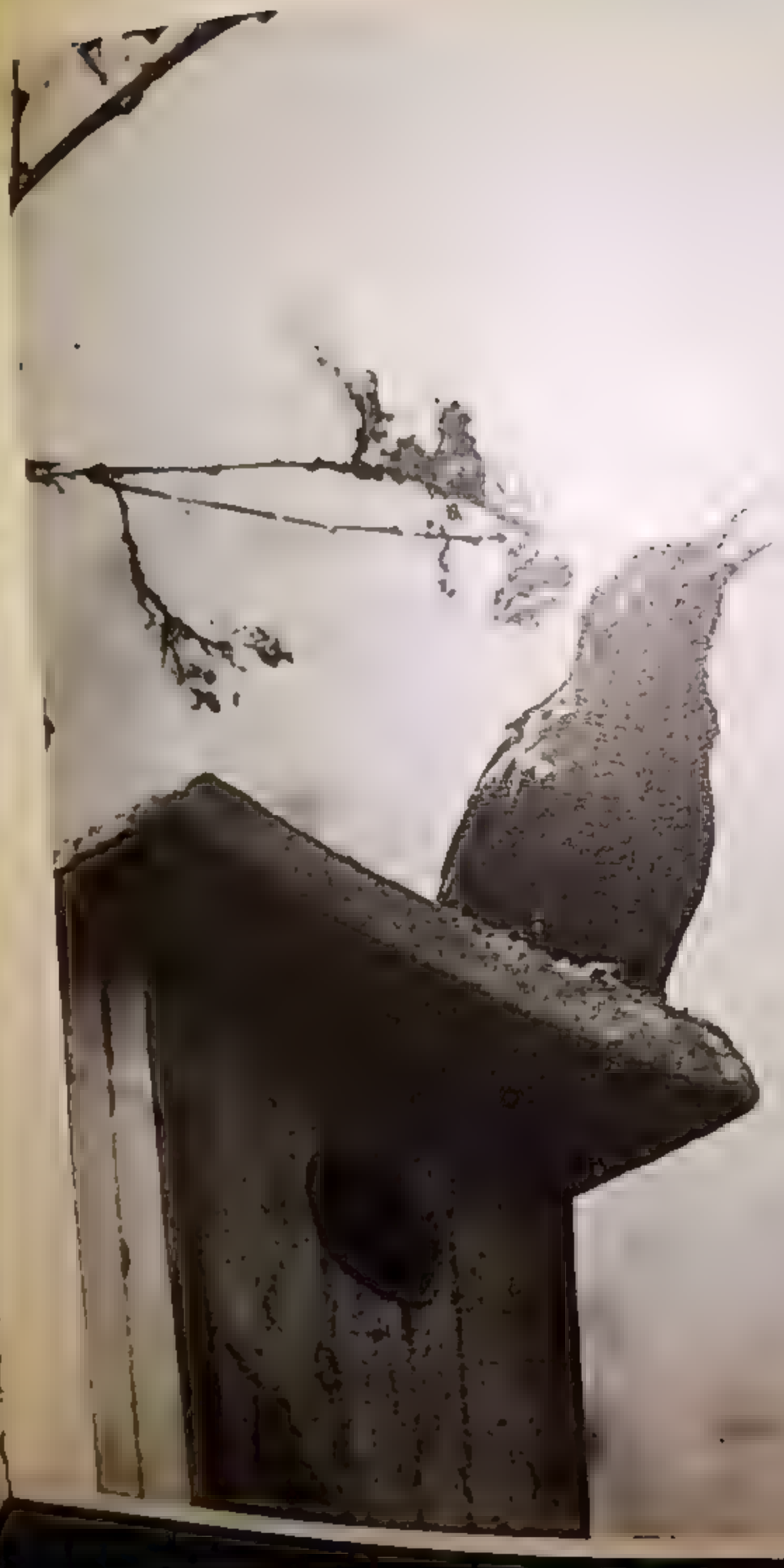
Мне хотелось завести на своем участке разных птиц. Еще с осени соорудили мы наряду с традиционными скворечниками гнездовья для мухоловок, синиц, трясогузок. Весной скворцы заняли их все кроме синичников, куда не могли попасть из-за маленького размера летка. Кроме того, три пары устроились при доме — за наличником окна, под коньком и с угла крыши.

В последние годы все больше орнитологов считает, что следует сократить число скворечников или отказаться от них вовсе. Скворцов стало столько, что во время перелета на места южных зимовок они причиняют большой вред садам и виноградникам. Некоторые ученые, в частности специалисты, которые проводили исследования в Бельгии, полагают, что отсутствие мест для гнездования поможет сократить численность скворцов. Однако на примере нашего двора видно, что этих птиц не так-то легко чем бы то ни было ограничить. Выгонишь в дверь — они залезут в окно.

Ежегодно в нашей деревне гнездится около сорока пар скворцов — не так уж мало на шесть дворов. Но будь скворечников в пять раз больше, они бы, наверное, заняли и их. Здесь на любой птичий домик всегда был излишек претендентов.

Однако ни одного скворца в наших краях не встретишь летом не только в лесу, но и в оставленном людьми поселке. Стайка скворцов, сидящих на проводах за околицей, является верным признаком всякого человеческого жилья. Эти птицы

Ни одно подходящее гнездовье весной не остается не замеченным скворцами.



Владельцам скворечников не раз приходится кричать и ругаться, отстаивая свое право на занимаемое жилье перед бездомными соплеменниками.

намеренно и настойчиво ищут нашего соседства. Кроме тех гнездовий, которые я повесила возле дома, вдвое большее число скворечников и синичников было вывешено мною в лесу Но там скворцы не заняли ни одно жилье.

В конце мая у висящего в огороде на рябине синичника, где целыми днями пел полевой воробей, периодически возникала тревога. Много раз воробьиное население нашего двора сталось туда посмотреть, в чем дело. Будоражил всех не кто иной, как скворец. Он упорно пытался пролезть в маленький, диаметром 32 мм, леток. И хотя у скворца проходила туда

только голова, он не терял надежды завладеть жильем. Птица пробовала стучать по краям летка, пыталась отщепить кусочки древесины, чтобы расширить вход. Она смешно раскрывала засунутый в леток клюв, как делают это скворцы, приподнимая листья при разыскивании насекомых. Однако гнездовье было сделано из крепких досок и не поддавалось слабому скворчиному клюву. Несчастный бился несколько дней. Воробьи очень скоро успокоились, поняв, что они в безопасности, и перестали обращать внимание на потуги соседа.

С сожалением заметила я, что мои квартиранты — скворцы не обнаружили жуков-долгоносиков, [illegible] повреждающих листья садовой земляники. Можно предположить, что в огороде эти птицы никакой полезной работы [illegible]. Но птенцам они носили злостных вредителей [illegible] губищ — гусениц подгрызающих совок. Несмотря на то, что эти гусеницы, питающиеся корнями растений, искусно прячутся у основания стеблей, птицы каким-то образом их отыскивали.

Деревенские скворцы, хотя и гнездились по разным дворам, жили одним коллективом. Многие их действия были согласованы между собой. На охоту они вылетали дружной стайкой, и почти всегда им сопутствовала удача. Возвращаясь, каждый держал в клюве одну или даже несколько толстых гусениц. Покормив выводок, родители не сразу летели за новой добычей, а дожидались соседей, усевшись на вершине одного из крупных деревьев. Они напоминали в это время деревенских женщин, которые собираются вместе, прежде чем отправиться в лес за ягодами.

По утрам и вечерам скворцы разыскивали гусениц на овсяном поле, где всходы были еще редкие и низкие. Здесь птицам легче было заметить насекомых на земле. Охоте не мешала растительность, и перо не так намокало от росы, которой утром бывает особенно обильно покрыта трава на лугу. Но днем гусеницы на открытых участках уползали в землю, и скворцы перемещались на густые посевы тимофеевки. Передвигаясь среди травы, птицы постоянно держались близко друг от друга, как при совместных загонах во время охоты за саранчовыми в степи. Было видно, что скворцов крепко связывает чувство «локтя», хотя при добывании совок согласованные усилия им и не нужны. Насекомые эти очень мало подвижны, и птицы разыскивают их в основании стеблей. Правда, наблюдение за

тем, как идут дела у соседа, позволяет каждому скворцу быстрее найти место, где гусениц больше. К тому же, отыскивая насекомых в гуще травы у самой земли, птица не видит ничего дальше своего «носа». В это время к ней нетрудно подкрасться и хищнику. А в стае каждый, беспокоясь о себе, предупреждает об опасности и соседей. При тревожном крике одного скворца в воздух поднимаются все.

Разумеется, и в других ситуациях крик тревоги скворца никогда не остается без внимания со стороны его собратьев. Однажды на край деревни прилетела кукушка и села в траву где-то рядом с гнездом чекана. Скворцы ее заметили и тут же забили тревогу. Неясно, реагировали ли они на нее как на птицу, подкладывающую яйца в чужие гнезда, или приняли за мелкого ястреба, на которого она похожа, но только, опустившись на землю рядом с [illegible] они принялись так кричать, будто увидели змею. Эти тревожные возгласы привлекали внимание все новых и новых скворцов, и вскоре кукушка была изгнана.

В старых гнездовьях с [illegible]разрушенным летним отверстием, а также в домике, предназначенном для серых мухоловок, скворчата доступны многим любителям полакомиться свежим мясом. Можно себе представить, какой поднялся переполох, когда в нашем огороде появился кот. Гнусавые вопли скворцов заглушили чириканье воробьев и верещание ласточек. Все птичье население двора следило за каждым шагом подозрительного кота с единственным слезящимся глазом, рваным ухом и блестящей шерстью — местного сердцееда. А он, почти не обращая внимания на пернатых, выжидательно смотрел на меня желтым немигающим глазом. Устояв перед его чарами, я прогнала его с огорода. Как только кот скрылся за забором, птицы сразу успокоились и занялись своими делами. На другой вечер кот появился снова. Скворцы и воробьи переполошились не из шутку. Гостя пришлось настойчиво выгонять. Уходил он медленно и неохотно: влез на забор, подождал там немного и наконец спрыгнул за околицу. Птицы сразу потеряли к нему интерес: наш дырявый забор служил условной границей их гнездовой территории.

Близилось время вылета скворчат. За пять дней до этого события родители перестали утруждать себя выносом из гнезда пакетиков с пометом. Птенцы высовывали наружу хвостики и поливали жидким удобрением угол дома, передние стенки

Скворец грудью становится на защиту своего гнезда от непрошенных гостей

скворечников и окно. Все это постепенно окрашивалось в белый цвет.

Взрослые скворцы работали «в поте лица» и имели совсем изможденный вид. Разыскивая гусениц в густой и высокой траве, они были какие-то взъерошенные, потрепанные и постоянно мокрые то от росы, то от дождя. И именно в этот напряженный период в гнезда стал наведываться праздный скворец. Сухой и гладкий, он появлялся у скворечников, когда взрослых не было дома. Зачем-то он залезал внутрь, а в одном из гнез-

Отыскав более или менее подходящее помещение под крышей дом холостой самец начинает зазывать к себе подругу.

довий стал выпрашивать корм у птенцов, крича таким же го лосом, как они. Возле другого скворечника чужой скворе подобрал на земле несколько тоненьких длинных травинок полетел с ними к птенцам. Свое подношение он затянул в рот одному из скворчат, который был готов проглотить все, что ему дадут. Но, схватив травинку, малыш начал давиться и убедившись в ее полной несъедобности, кое-как сумел выплю нуть. Через некоторое время неумелая нянька принесла к гнезду в клюве гусеницу, но вместо того, чтобы передать ее птенцам съела сама. В литературе имеется много примеров того, как

птенцы предыдущего выводка у некоторых видов птиц помогают родителям выкармливать новое поколение. У скворцов известны случаи, когда в воспитании птенцов принимают участие чужие птицы. Только этот помощник оказался явно бестолковым.

Первые скворчата из дуплянок в центре деревни вылетели 7 июня. Оставив скворечники, птенцы усаживались неподалеку на ветках и начинали кричать, выпрашивая корм. В ответ беспокойно вопили их родители. Создавалась явно нервная обстановка. Те птенцы, которые еще не покинули гнезда, высовывались «по пояс», смотрели по сторонам и тоже кричали.

Соблазнить скворчиху каким-нибудь червяком легко, и скворцу приходится петь целыми днями.

Этот шум заглушал все другие птичьи голоса. Лишь робко пробивалась через него короткая песенка чечевицы, да по ночам можно было услышать кустарниковую камышевку.

Основательно побелив наш дом и скворечники, скворчата наконец покинули гнезда. Вылетели они как-то незаметно. Родители еще несколько раз возвращались и заглядывали в гнездовья, проверяя, не остался ли там еще кто-нибудь. В огороде сразу стало тихо, как будто бы кончилось лето, а оно еще только начиналось.

Когда птенцы оставили гнезда, выводки объединились. Два дня все скворчата провели на высокой березе посреди деревни, а потом переместились поближе к посевам тимофеевки — там родители добывали для них насекомых. Это избавило взрослых от необходимости делать длинные перелеты с кормом. Крик в стае молодых скворцов стоял оглушительный. Каждый из птенцов почти постоянно звал своих родителей. Удивительно, как в этой общей суматохе птицы не теряли друг друга. Ненадолго замолкали лишь только что покормленные скворчата. На досуге они чистились и осматривали веточки, на которых сидели, раздвигая клювом подсохшую кору. Играя, птицы учились отыскивать насекомых, спрятавшихся под сухими листьями, комочками земли и в других местах. Взрослые скворцы обычно не ищут корм под корой деревьев. Для птенцов же кора служила своего рода подсобным материалом — как песочек для детишек, которые учатся делать куличи. Если два птенца оказывались рядом, каждый старался клюнуть другого или прогнать.

Вся стая появлялась теперь в деревне только по вечерам. Они начинали устраиваться на ночлег с восьми часов. Птицы метались от одного дерева к другому, шумели, беспокоились, как будто было очень важно, где именно они устроятся спать. Маленькие группы соединились в одну значительную стаю численностью около трехсот птиц. Для нашей деревни в шесть домов это количество было внушительным.

Прошло четыре дня после того, как все скворчата покинули гнезда, но взрослые не переставали гонять лишних разорителей. Утром я услышала, как несколько десятков скворцов громко и тревожно кричали, перелетая с ветки на ветку среди высоких яблонь в углу старого заброшенного сада. Оттуда из темноты спутавшихся веток вылетела сорока. Следом за ней гнался рябинник — у него там было гнездо. Между тем из

В конечном итоге в гнездах и под крышами, и в скворечниках вылупляются птенцы. Такой хрупкий и беспомощный малыш нуждается в постоянной заботе и уходе

сороку, расхаживающую по помойке. Скворцы внимания не обращали. Но случаи беды, хотя и чужой, их всегда волновали.

Когда начали убирать тимофеевку, скворцы устремились на скошенные участки. День ото дня в стае стало убавляться число взрослых птиц, и наконец там осталась одна молодежь. Держались они близко друг от друга и делали все одновременно: к примеру, стоило начать купаться в большой луже одному, как туда разом бросались остальные. Поднимались брызги, как будто вода закипала.

Став самостоятельными, молодые скворцы по утрам подолгу сидели возле скворечников, залезали и внутрь. На ночевку они теперь собирались поздно, после девяти часов. Перед тем как устроиться окончательно, птицы по нескольку раз пересаживались с дерева на дерево, а затем молча плотной стаей скрывались в кроне высокой рябины и разом затихали. Казалось, что не сотни скворцов, а одна большая птица прошумела крыльями и исчезла. Перед тем как заснуть, скворцы молча сидели на расстоянии двадцати-тридцати сантиметров друг от друга и чистились. После того как выводки распались, птенцы больше не перекликались и прежнего беспрерывного гвалта не было слышно.

Взрослые скворцы следят за чистотой в гнезде, выбрасывая из него грязь и экскременты

Скворчата поддерживали связь с деревней всего десять дней после вылета из гнезд. Затем они отправились кочевать по сенокосным лугам и пастбищам, объединяясь с другими стаями. Наша деревня им была больше не нужна.

В следующем сезоне я решила проделать маленький эксперимент: посмотреть, до каких же пор скворцы будут занимать новые появляющиеся гнездовья. Вечером 10 мая был вывешен добротный скворечник на рябине. Это было в ту пору, когда возле нас уже построили гнезда четыре пары скворцов.

1985 год отличался какой-то непутевой весной. В первой декаде мая черемуха еще не цвела, как бывало в прошлые годы. Погода стояла холодная. Не зацвели еще яблони, лишь чуть набухли почки у вишни растения ждали тепла. Но птицы не могут медлить. У них свой график. Кукушка этой весной, как говорится, прилетела на голый лес. Это плохая примета — к неурожаю. Кстати, так потом и оказалось. Скворцы возле нашего дома начали гнездиться вразнобой. Под крышей с угла дома и в гнездовье для мухоловок 10 мая птицы уже насиживали кладку. Из скворечника, висящего на тополе, кто-то успел выбросить яйца — на земле лежали их скорлупки. Но птицы, не теряя времени, приступили к новой кладке.

Пара скворцов начала строить гнездо в глубине длинной щели, образовавшейся между обшивкой дома и бревнами. Вход в нее находился над окном. Здесь выводились скворчата и в прошлом году. Строительный материал птицы доставляли в гнездо не прямо, а сначала садились с ним на крышу, чтобы осмотреться — не следит ли кто. Из-под коры они натаскали длинные сухие травинки — остатки прошлогоднего сена. Под конец птицы рвали и носили клювами зеленые листья.

Вывешенное новое гнездовье скворечника привлекло внимание птиц. На следующее же утро возле него появился скворец. Вначале он сидел на веточке рядом, чистился и временами заглядывал в леток. Немного позже, удостоверившись, что жилье подходящее, он начал петь, зазывая к себе скворчиху. И это стало его основным занятием с утра до вечера. Только на короткое время скворец прерывал свое пение, чтобы подобрать с земли первые попавшиеся травинки. Взлетев с ними к скворечнику, певец бросал их в растерянности, как будто не зная, что с ними делать дальше, и продолжал свой сольный концерт. По утрам он демонстративно таскал в гнездо зеленые листочки. Найти свободную самку оказалось нелегко. Через три дня самец пел уже с каким-то исступлением. А тем временем на рябине распускался лист, и скворечник становился незаметным издалека для пролетающих скворчих.

На четвертый день к вечеру на вершину дерева, где висело гнездовье, присела самка. Она чуть помедлила, почистилась, но, не спустившись к скворечнику, улетела. Бедный холостяк погнался было за ней вслед, но вскоре вернулся и начал снова петь и ждать удачи. Ему все не везло. Через два дня

на его зов прилетели две птицы — супружеская пара. Хозяин пробовал отгонять самца и зазывать самку, но в конце концов оба гостя улетели. Время шло. За два теплых дождливых дня все листья на рябине развернулись и совсем скрыли скворечник, а заодно и поющую птицу. И все же 18 мая самцу удалось найти себе долгожданную подругу. Это было в ту пору, когда в своевременно занятых гнездах уже начали вылупляться птенцы и на грядках в огороде появились выброшенные птицами ажурные половинки голубых скорлупок. Справив новоселье, скворчиха принялась рвать листики сныти, затаскивая их в домик. Там она занималась какими-то делами. Иногда птица просто сидела рядом со скворечником, чистила перышки, приматриваясь к окрестностям, как бы всесторонне оценивая свое новое жилье. Скворец продолжал в это время петь, но уже не тратил на это столько сил и энергии, как раньше. Когда же его избранница бегала по земле, выбирая сухую травинку, он вообще замолкал, как бы боясь отвлечь ее от этого важного занятия. Если скворчиха усаживалась без дела, самец начинал петь более громко. Его песня отличалась от песен соседей тем что время от времени он вставлял в нее свое, присущее только ему колено — блеяние барана, которое было очень похоже на настоящее. В свой репертуар он добавлял еще и металлические звуки, как будто бы обухом топора забивали железный кол. Но такие перепевы встречались и у других скворцов.

Через два дня возле дупляики на рябине появился еще один скворец, которого хозяин с шумом прогнал. Однако вечером чужак явился опять, и некоторое время за самкой гонялись два самца. Птицы летали над деревней на больших скоростях. Все-таки новому претенденту не удалось соблазнить скворчиху, и она всерьез занялась домашними делами. Птица торопливо бегала по огороду, засовывая клюв в густые кочки травы и отыскивая мягкий материал для выстилки гнезда. Для этого ей вполне годились остатки сухих прошлогодних листьев.

С 23 мая как-то враз потеплело. По народной примете после этого дня можно сажать лук. Неожиданно в нашем огороде появились две пары бездомных скворцов, жаждущих найти себе какое угодно жилище. Но все уже было занято их собратьями. С трудом один из прибывших отыскал дырочку в стене за обшивкой дома. Возле нее он и принялся распе-

Самая главная задача скворцов при выращивании потомства — принести детям побольше еды

вать целыми днями. В репертуар этой птицы помимо традиционных для скворцов колен входил шум куриной фермы — кудахтанье и неясно слышимое, как бы доносящееся издалека кукареканье. Когда подлетала самка, поклонник старался показать ей свою сомнительную находку — узкую щелочку, в которую он мог просунуть только полголовы. Вторая пара не нашла себе и такого утешения. Один из ее членов с интересом стал заглядывать в чужое гнездо под углом крыши, где уже отчетливо были слышны крепнущие голоса скворчат.

Писк птенцов доносился и из стены над окном комнаты в доме. Там гнездо было устроено в полутора метрах от дырки,

через которую птицы забирались внутрь. Родители, принесшие корм, с легким топотом и шуршанием продвигались по узкой щели между наружной обшивкой и бревнами. Я не сразу привыкла к этому шороху. Он постоянно напоминал о том, что два года тому назад по этим пустотам, а также по чердаку, полу и даже кроватям в доме бегали черные крысы. В отличие от своего ближайшего родственника серой крысы, черная особенно любит бегать и прыгать по верхам. Однажды я нашла одну из представительниц этого вида устроившейся на дневной сон у меня в постели под одеялом. Все постройки были заселены этими грызунами, которые известны не только как пожиратели различных продуктов, но и как хищники. Под детской кроваткой, где спала маленькая внучка, на ночь приходилось привязывать нашу собаку. У соседей, постоянных жителей деревни, которые держали скотину, крысы сжирали дармовой свиньям корм. Наконец одна из деловых жительниц деревни [illegible] положила для крыс изрядное количество отравленной [illegible]. Это привело к гибели всей популяции вредителей. И [illegible] отличающаяся от других мест большими расстояниями, деревня [illegible] несколько лет очистилась от крыс. И тогда под крышей и в стенах нашего дома стали гнездиться скворцы.

В скворечнике на рябине самка села насиживать кладку 24 мая, и птиц здесь стало не видно и не слышно. На другой день я предложила населению нашего двора новый скворечник. Большой и удобный, сколоченный из толстых досок, он провисел в лесу в четырехстах метрах от деревни с прошлой весны целый год, и никто на него не обратил внимания. Поставила я его на нижний сук старой липы в углу огорода.

Появление нового гнездовья произвело сенсацию среди скворцов. Через час в него стал заглядывать и лазать внутрь один из бездомных самцов, державшихся на нашем участке. К полудню у скворечника сидели уже две пары птиц. А к вечеру в нашем огороде образовался скворчиный клуб. На липе собралось восемь птиц. Каждая из них наперебой прорывалась к летку. Самец, который завладел им первым, гонял других, а сам в свободные минуты лихорадочно рвал траву и носил внутрь. К нему присоединилась и самка. Она бегала по грядкам, собирая сухие корешки и выполотые травинки. Листья всходов гороха, редиски, чеснока птица не трогала. Но вот

она случайно подбежала к чахлым помидорам, которые за день до этого я высадила в грядку. Отщипнув листок, скворчиха сразу оценила его качества и принялась рвать листки один за другим. Не успела я выбежать из дома, как она общипала целый куст. Похоже, что ценность этого пахучего растения она «раскусила» случайно, – после того, как оторвала первый листок. Пришлось накрыть помидоры старыми ведрами.

Известно, что скворцы очень часто используют для выстилки гнезда пахучие растения, которые отпугивают блох и других кровососущих насекомых. Там, где встречается полынь, птицы обязательно натаскивают в скворечник ее молодые листочки. Не хуже полыни отпугивают насекомых и листья томатов. Скворцы не упускают случая воспользоваться ими, а часто срывают и тащат в гнездо и все молодое растеньице. Как птицы узнали про то, что помидоры отпугивают насекомых, неясно. Во всяком случае, в сев[illegible]ных районах их выращивают далеко не во всех огородах. И тем не менее у наших соседей скворцы оборвали побеги у [illegible] из 15 высаженных на грядку растений.

С каждым часом первого дня, когда был вывешен новый скворечник, страсти вокруг него все накалялись. Пара, которая обосновалась было возле дырки в стене, полностью переключила внимание на появившееся гнездовье. Та небольшая полость, возле которой они токовали, была совершенно неподходящей для вывода птенцов и скорее служила им лишь предлогом для создания видимости начала гнездовой жизни. Привлеченные надеждой обзавестись настоящим жильем, откуда-то появились новые скворцы, которые устремились к двум давно повешенным и не занятым никем синичникам, оказавшимся недалеко от нового скворечника. Птицы десятки раз тщетно пробовали пролезть в леток, куда у них с трудом просовывалась лишь голова. Устав от безуспешных попыток, самцы садились на крышу гнездовья, чистились и пели, делая вид, будто у них с квартирой все в порядке.

Тем временем возле летка нового скворечника происходили ожесточенные драки. Там одновременно толкалось сразу несколько птиц. Наконец хозяину удалось сесть на приступочку у входа, заслонив леток своим телом. Пять-семь скворцов продолжали крутиться вокруг, перелетая с ветки на ветку и стараясь подобраться к счастливчику поближе. Спокойным казался

только владелец гнездовья, остальные же все были сильно возбуждены и не находили себе места. Если бы они объединились, то, конечно, легко бы прогнали хозяина. Но каждый из них старался отвоевать скворечник только для себя.

Я никак не ожидала, что вывешенное с большим опозданием гнездовье произведет такое большое впечатление на птиц. Ведь в гнездах у многих скворцов пищали уже большие птенцы. Возможно, сказалась на редкость затяжная и холодная весна, и часть птиц задержалась с прилетом. Может быть, это были скворцы, по каким-то причинам потерявшие кладку. Но, скорее всего, претенденты принадлежали к числу неудачников, которым не хватило подходящих квартир.

Суматоха возле скворечника не утихала до позднего вечера. Наконец, в 22 часа на скворца, охраняющего леток, набросился один из желающих заполучить это жилье. Он налетел сверху, и обе птицы упали на землю. Все зрители, а их было в этот момент около десятка, переместились с верхних ярусов на нижние. Они уселись на заборе и ступеньках лестницы, приставленной к дереву. Вытянув шеи, [illegible] смотрели вниз. Через некоторое время я вышла и [illegible]ясннть, что же там происходит. При моем приближ[illegible]ство свидетелей разлетелось, и в высоких зарос[illegible] я увидела двух дерущихся скворцов. Вцепившись [illegible]хваткой друг в друга, они лежали на земле почти у моих ног. При желании их можно было взять руками. Наконец страх перед человеком пересилил личные страсти, и, с трудом разжав клювы, птицы тяжело взлетели.

На другой день напряженная атмосфера возле скворечника начала ослабевать. Гнездовье заняла пара птиц, которая несколькими днями раньше облюбовала щель в обшивке дома. Самца легко можно было узнать по голосу. Он пел, сидя рядом с просторным гнездовьем, и воспроизводимое им кудрявое кудахтанье звучало особенно весело. Если бы не случайное появление скворечника, пришлось бы этим птицам провести сезон без потомства. А тем временем оставленная ими дырка в стене привлекла внимание других скворцов. Они стали

Когда скворчата подрастают, они начинают высовывать головы из летка навстречу родителям, чтобы поскорее выхватить у них корм.

пробовать втиснуться в узкую щель, а заодно с удвоенной энергией принялись осваивать синичник. Птицы пытались проникнуть туда не только через летное отверстие, но и через какую-нибудь щелочку в задней стенке. Когда один терял надежду и улетал, его место тотчас занимал другой.

А в скворечнике на липе через два дня после того, как он появился там, было уже построено гнездо. Работе самки время от времени мешал второй самец, холостяк, которого хозяин гнездовья постоянно прогонял прочь Наконец этот одиночка переключил свое внимание на скворчиное семейство, живущее в домике для мухоловок. Дети там были совсем большие. Широкое летное отверстие позволяло залезать внутрь кому угодно, хоть сразу двум взрослым птицам. Иногда гость просто смотрел на птенцов, повиснув на дощечке у входа. Родители не гоняли навязчивого посетителя, решив, очевидно, что гнездовье с таким выводком мало кого серьезно заинтересует. Они уже [illegible] обогревать детей и летали на промысел вместе, так [illegible] постоянно находились без присмотра. Однажды прилетевший отец даже не сразу решился покормить птенцов [illegible] подождать, пока гость не уберется с дороги. В другой раз один из родителей прогнал любопытного.

Стали проявлять интерес к чужим гнездам, из которых раздавались громкие голоса подрастающих птенцов, и другие бездомные скворцы При этом не обходилось и без конфликтных ситуаций. Так, например, в угловом гнезде под крышей прилетевший с кормом хозяин застал чужака, залезшего к птенцам. Через узкий длинный проем, ведущий внутрь, с трудом могла протиснуться только одна птица, поэтому у гостя не было возможности улизнуть, когда на «пороге» появился «домовладелец». Чтобы избежать трепки, посетитель второпях сунул голову в ближайшее отверстие в стенке коридора, откуда просачивался свет. Но дырочка оказалась мала. В нее пролезла лишь голова. Высунув ее наружу, неудачник истошно заорал, широко раскрыв клюв. Хозяин, ж[illegible]лая его как следует проучить, выскочил назад и направился к «лицу» своей беззащитной жертвы. Незадачливый визитер воспользовался моментом, когда выход оказался свободным, [illegible] поспешно улетел.

Всего через пять дней после того, как был вывешен последний скворечник, 30 мая, там было уже четыре яичка, и

Как ни хорош был скворечник, но пришло время его покинуть, и взрослый скворец начинает выманивать птенцов наружу.

самка принялась их насиживать Сидела она так плотно, что не слетела даже тогда, когда я приподняла крышку гнезда и заглянула внутрь. Впоследствии на земле возле стены в том месте, где птицы пытались поселиться вначале, я нашла оброненное скворцами яйцо. По всей вероятности, самка была уже готова к кладке, только у нее не было подходящей квартиры. Как только таковая нашлась, она не медлила ни одного дня.

Эти скворцы оказались совсем «домашними». В отличие от

других они редко летали кормиться на луг, а искали насе-
комых в огороде, расхаживая по грядкам. Видимо, птицы боя-
лись далеко отлучаться от скворечника, который достался им
с таким трудом. К моей радости, они склевывали жуков хрено-
вого листоеда с взошедшей редиски и часто бегали среди кустов
молодой земляники, которую в прошлом году сильно повредил
жук долгоносик. Иногда по утрам скворец забегал в открытую
дверь теплицы с помидорами. Он подбирал с земли мелких
насекомых, которые падали, ударившись о прозрачный потолок.
Позавтракав, птица деликатно прихватывала сухой листик поми-
дора и удалялась с ним в гнездо.

Приятно было видеть скворца на грядках, особенно когда
там еще не поспели ягоды. Но, к сожалению, птицам в это
время было, по всей вероятности, невыгодно кормиться здесь.
Такой пучок гусениц совок, который их собратья приносили
птенцам с поля тимофеевки и луга каждые 10—15 минут,
в огороде не соберешь и за день.

Теперь в гнезде на липе начались рабочие будни. Весь
день поочередно птицы насиживали кладку. Когда самец прилe-
тал сменить самку на гнезде, он садился у летка и тихо и нежно
пел. Но вечерами опять начали появляться непрошеные и весьма
нахальные гости, хозяину приходилось бросать все дела и гонять
их от скворечника. Днем же внимание холостяков было пол-
ностью поглощено гнездами, в которых подрастали птенцы.
Казалось, будто птицы ждут, когда освободится подходящее
жилище. Но ни одно из них впоследствии, после вылета сквор-
чат, они не заняли. В нашей зоне скворцы выращивают только
один выводок за лето. Правда, бывают и исключения. Так,
в 1980 году в Финляндии, то есть значительно севернее Псков-
ской области, при благоприятном стечении обстоятельств —
теплой погоде в июне и обилии насекомых в течение всего
лета — скворцы гнездились дважды. У наших же птиц, видимо,
просто сказывался родительский инстинкт, нереализованная
потребность растить детей. Это и побуждало их залезать в гнезда,
наблюдая за чужими выводками. Некоторые пытались даже
подкармливать малышей.

Скворцы, хотя и живут возле человека, не теряют чувства
осторожности. Когда в гнездах под крышей стали подрастать
птенцы, родители выражали беспокойство по разным поводам
громким криком «гее». Гнездо над окном оказалось в довольно

Этот скворчонок наконец решился вылететь из гнезда и, опустившись неподалеку на дорогу, с удивлением осматривается

людном месте – возле крыльца. Скворцы, принесшие в клюве пучок гусениц, подолгу не решались заскочить в свою щель. В этом случае нам приходилось отходить от дома метров на десять и отворачиваться, чтобы птицы «не стеснялись» доставить корм птенцам. Дело в том, что животные, которые живут близко от людей, очень хорошо понимают, когда ты на них смотришь и когда их не замечаешь. Пристальное внимание вызывает у скворцов, а также и у многих других птиц, повышенное беспокойство.

Когда приближается время вылета скворчат из гнезда, они

перестают кричать непрерывно и громко. 5 июня птенцы над окном притихли. За стеной раздавались лишь шуршание и стук тренируемых крылышек. Птенцы махали ими часто-часто, как будто очень торопились. Маленькое помещение, в котором они жили, не давало им возможности широко размахнуться, и скворчата задевали крыльями за стенки своего гнезда.

Спустя десять дней после появления в огороде скворечника, внесшего такой переполох, 5 июня я вывесила новое гнездовье для скворцов. Но теперь на него никто не обратил внимания. У птиц прошло стремление во что бы то ни стало вырастить детей, которое обуревало их в мае.

Близился срок вылета птенцов у вовремя загнездившихся пар. У взрослых заметно изменился крик тревоги. Кроме сварливого «гее» они стали издавать резкие возгласы «чек, чек». Гусеницы совок, которыми скворцы выкармливали детей, тоже подросли. Они достигли размера более 4 сантиметров, и подходило время их окукливания. Таких массивных гусениц невозможно засунуть в рот маленьким птенцам. Росли скворчата, росли и [illegible] — их основной корм. Чем же будут родители выкармливать детей в запоздалых выводках, думалось мне. Может быть, тогда они примутся за работу в нашем огороде?

9—10 июня начался вылет скворчат в благополучных семьях. За день до этого срока родители стали кормить детей нерегулярно. Подолгу сидели они вблизи от гнезда и дребезжаще пронзительным криком «крии, крии» вызывали выводок наружу. Птенцы отвечали им, но вылетать сразу не решались. У некоторых гнезд такие переговоры длились по целому дню. И наконец на следующее утро поднялась обычная для такого случая суматоха. Взрослые тревожно кричали, дети проснли есть, и вдруг все стихало — птенцы улетали.

С приключениями оставили гнездо скворчата, выросшие под крышей на углу дома. В последние дни они начали высовывать головки в щель между чердаком и крышей. Взрослые перестали теперь утруждать себя лазанием через длинный проход внутрь, а кормили детей с улицы. Все было хорошо, пока птенцам не пришло время покидать гнездо. Родители стали вызывать их, сидя снаружи возле щели, не догадываясь, что через узкое «окно» детям не вылезти. Бедные подростки старались изо всех сил, но отверстие было слишком мало. Догадаться о том, что надо двигаться не прямо на свет к сидящим

рядом родителям, а в сторону, по темному лабиринту к далеко расположенному выходу под углом крыши им не приходило в голову. Все-таки одному птенцу удалось то ли вылезти, то ли нечаянно выпасть из «дверей». Он сел на ближайшую ветку яблони, кое-как пришел в себя и полетел. А двое оставшихся долго еще бились, пытаясь протиснуться в «окно». Один из них наконец выкарабкался, но не наружу, а в противоположную сторону, на чердак. Он около часа в растерянности летал под крышей, пока не нашел выход. Тем временем выбрался из гнезда со столь замысловатым ходом и последний птенец. Между прочим с таким же трудом птенцы покинули это гнездо и в прошлом году. Но взрослых это не пугало, и они занимали место под крышей из года в год

Во время этих событий в занятом с боем скворечнике птицы еще продолжали насиживать кладку. Скворцам на это требуется 12 дней. Время шло к началу вылупления птенцов. Сменяя самку на гнезде, самец уже не пел. Подлетев к входу в гнездовье, он произносил ворчливо «ккхы», как бы говоря «давай вылетай». Самка стремительно выпрыгивала из скворечника и, не взглянув на супруга, мчалась на луг. А он занимал ее место.

В этом сезоне скворцы в деревне не объединились в одну стаю. Вылетевшие птенцы сразу откочевали куда-то вместе с родителями. В деревне оставались лишь запоздалые семейства вроде тех, которые поселились у нас после того, как я вывесила новые скворечники. Только изредка большая группа летных скворчат все-таки показывалась возле домов. Скворчата так кричали и шумели, будто за ними кто-то гнался или они куда-то опаздывали. В эти минуты я радовалась, что у нас не уродилась вишня.

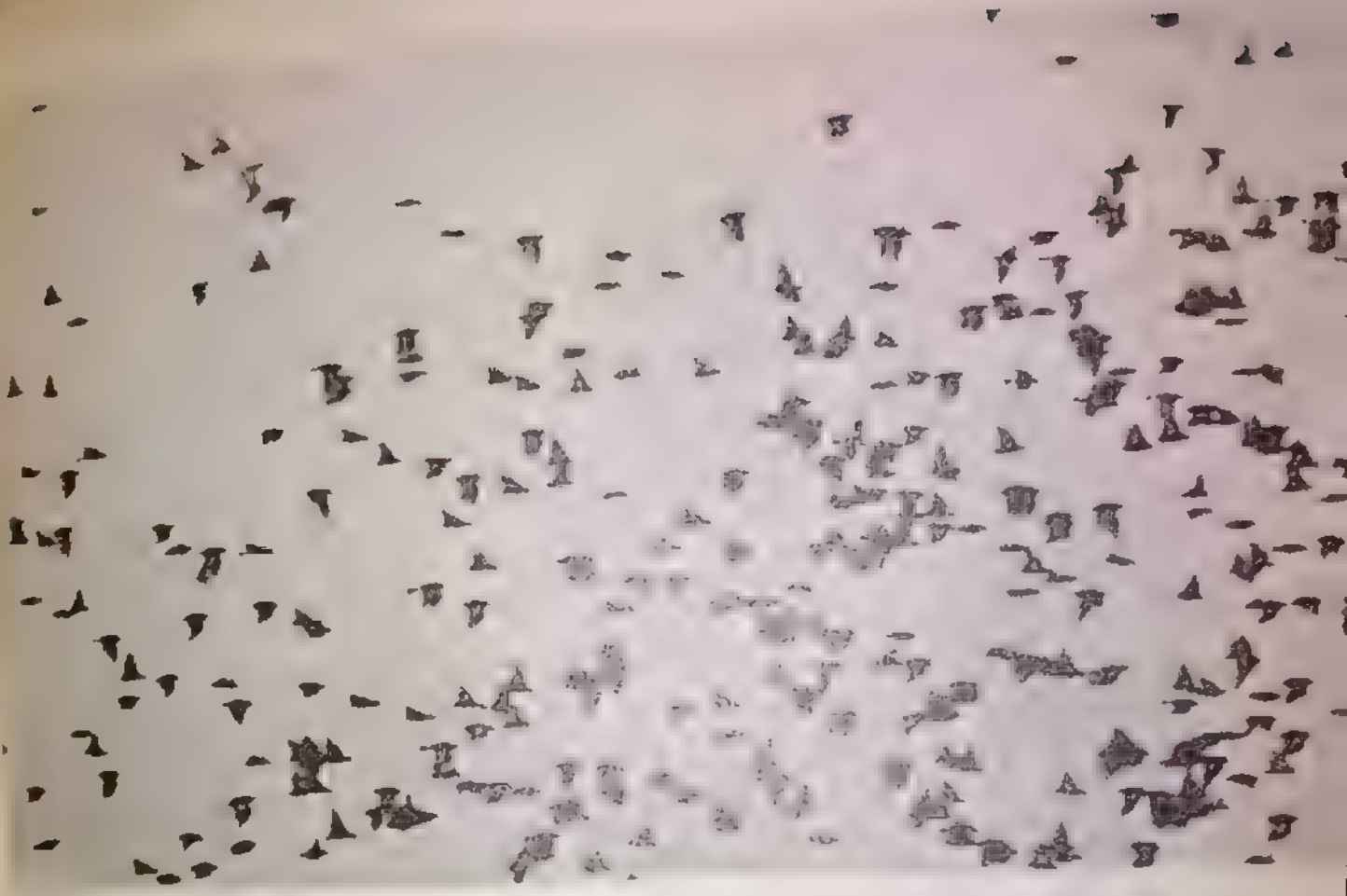
Родители недавно появившихся птенцов в наших дуплянках не поддавались общей суматохе. Им предстояло выкармливать детей 20, а то и 22—23 дня. Стая не увлекала их за собой, и они продолжали спокойно ухаживать за выводками. Только теперь птицы собирали корм не вместе с соседями, а каждый сам по себе. Одна пара отыскивала насекомых на ближайшем к нам поле, а вторая нередко ловила слепней возле лошади, когда ее привязывали неподалеку за нашим огородом. Здесь же охотилась и белая трясогузка.

Слепни и мухи — горе для домашнего скота в жаркий день.

Они лезут в глаза, нос, рот. По искусанной коже текут тонкие струйки крови. Бедные лошади испытывают одинаковое мученье как во время работы, так и при отдыхе. Окружив лошадь, мухи донимали ее так, что она забывала о еде и отчаянно била хвостом и переступала ногами. Раньше мне казалось, что скворцы склевывают насекомых с шерсти животных. Но, посмотрев поближе на эту охоту, я увидела чудеса акробатического искусства: птицы хватали мух в воздухе, пока те выбирали место, куда сесть. За летящим насекомым скворец кидался чаще всего с земли, подскакивая под брюхо лошади. Нередко птицы применяли другой прием. Пробежав по плечам животного, они как бы соскальзывали вниз, настигая слепня, намеревавшегося сесть на грудь или бок своей беспомощной жертвы. Нередко приходится убеждаться, что дрессировщики животных в цирке используют лишь малую часть тех трюков, которые придумывают звери и птицы в природе.

Между крупными животными и некоторыми видами птиц часто возникают определенные взаимовыгодные отношения. Помимо того что пернатые склевывают паразитов с кожи травоядных животных, они еще и предупреждают своих «хозяев» об опасности, что имеет немаловажное значение в жизни диких животных...

Когда птенцам приходит время оставлять гнездо, первыми вылетают те, кто постарше. Обычно вся волнующая процедура покидания гнезда заканчивается в течение нескольких часов. На сроках и характере вылупления птенцов в последнем выводке сказалось то, что их родителям пришлось ревностно охранять жилье от других претендентов. Стараясь не оставлять гнездо без присмотра, самка стала насиживать кладку вскоре после того, как снесла первое яйцо, хотя обычно она начинает это делать только после того, когда отложит последнее яйцо. Поэтому четыре скворчонка существенно отличались по возрасту. И получилось так, что старший птенец вылетел на день раньше своих собратьев. Его появление возле гнезда вызвало у взрослых недоумение. Казалось, они просто не могут понять, откуда он взялся. Поколебавшись и поволновавшись немного, они решили не обращать внимания на беглеца и продолжали носить корм в скворечник, где птенцов было больше. Увидев, что родители не собираются его кормить, первенец вознамерился вернуться обратно. Неуклюже перелетев с сучка лилы на крышку



Научившись хорошо летать, молодые скворцы объединяются в общую стаю.

гнездовья, он торопливо спрыгнул на порожек перед летком. Это место оказалось для птенца очень выгодным, так как давало ему возможность перехватывать корм, который родители пытались передать его младшим сестрам и братьям. Те же, высовывая головы из скворечника, старались прогнать выскочку. Поторопившийся с вылетом скворчонок пробовал даже залезть обратно, но его встречали в штыки острые клювы оставшихся в гнезде птенцов. Только на другое утро гнездо покинул весь выводок. И старший скворчонок снова стал равноправным членом семьи.

Последний выводок скворцов улетел от нас 1 июля, то есть через 35 дней после того, как было вывешено их гнездовье. Таким образом, по сравнению с основной массой скворцов эти запоздали на 20 дней.

В следующем году, по примеру прошлого, я опять вывесила один скворечник очень поздно, 25 мая. Через день к вечеру

возле него появился скворец. На следующий день с утра он начал петь. Но найти свободную самку в этом сезоне оказалось невозможно. Весна была ранняя, дружная, и во всех гнездах уже пищали птенцы. Самкам некогда было обращать внимание на холостяка с добротной квартирой, радушно зазывающего их к себе. Все они были заняты заботой о детях — как бы поскорее их накормить. Однако владелец скворечника при появлении в поле зрения очередной птицы, подогреваемый надеждой, начинал исступленно петь и махать крыльями. Заканчивал он свою работу поздно вечером, в 22 часа.

Начался июнь, а скворец все еще пел у пустого скворечника, но теперь уже не целыми днями. Самка так и не нашлась. 4 июня начали вылетать птенцы из ранних гнезд, и скворец наконец затих.

Прошло лето. 8 сентября ясным холодным утром с вершин деревьев вновь зазвучали песни скворцов. Чем заметнее приближалась осень, тем чаще пели птицы у скворечников. В конце сентября зарядил частый мелкий дождик. По утрам, несмотря на темноту и сырость, всюду солировали скворцы. Появился певец и у пустовавшего гнездовья. Это было прощание с летом и надежда на следующую весну.

ПОД ОДНОЙ КРЫШЕЙ С ЛАСТОЧКАМИ

Из птиц, живущих с нами под одной крышей, пожалуй, милее всех человеку ласточки-касатки, или, как их еще называют, деревенские ласточки. В нашей деревне они селятся чаще всего под потолком в хлевах, в сенных сараях, а также под стропилами крыш, где в их гнезда не попадает дождь. Единственной бедой для птиц могут быть вездесущие кошки. Поскольку мы этих хищников не держим, ласточки живут у нас с большой охотой. Одна пара поселилась, можно сказать, прямо над моей головой в маленькой дощатой летней кухне, стоящей в огороде. Ласточки обосновались в этом помещении после того, как там был сделан потолок. Этим птицам нравится, когда над их гнездом — глубокой чашечкой — нависает козырек из прочного материала.

Птицы принялись за постройку гнезда в летней кухне поздно, 12 июня. Поначалу дело у них явно не ладилось. Дважды

При постройке гнезда ласточка-касатка к влажным комочкам грязи для связки добавляет тонкие корешки.

порядочный комок мокрой земли, прикрепленный к балке, падал вниз: там, где птицы брали землю для гнезда,— с краю лужи посреди деревни — почва была песчаная, и из нее получался плохой строительный материал. При третьей попытке заложить основу для гнезда ласточки стали добавлять в грязь побольше травинок, и на этот раз работа у них начала спориться. На все ушло пять дней. На шестой день на подстилке из мелких сухих корешков, куриных перышек и кусочка ваты появилось маленькое яичко бежевого цвета с коричневыми крапинками. В это время птицы к кладке наведывались редко. Прилетали

они вместе, и пока самка проверяла гнездо, самец пел, сидя на привешенном к стене мотке проволоки. 21 июня у ласточек было четыре яйца, а через месяц у них уже были большие птенцы. 26 июля ласточата благополучно покинули гнездо.

На другой год весной мы прибыли в Заболотье позже ласточек. Стояла небывалая для наших мест сушь. В деревне не было ни одной лужи. А ведь ласточкам для постройки гнезда нужна грязь. Я поставила в огороде на стол деревянное корытце с размоченной глиной — прекрасным строительным материалом, мы обмазывали им прохудившуюся за зиму печку. Но птицы не обратили на это внимания. Уж очень непривычной показалась им обстановка. Нельзя сказать, чтобы корытца они не видели или специально избегали. Одна птица несколько раз появлялась на столе, что-то склевывая с кормушки для воробьев. Своими короткими ножками ласточка не ходит, а как бы ползает, цепляясь коготками за грубые неотесанные доски. Похоже, что ей все равно, по какой поверхности ходить — вертикальной или горизонтальной.

Весенних дождей все не было, и ласточки, не дождавшись появления луж, решили поселиться в этом году в старых гнездах.

Они обновили лишь их обтрепанные края.

Только в последующие годы я поняла, что для постройки прочных лепных гнезд, по крайней мере в наших местах, для ласточек наиболее благоприятна не сырая погода, а настоящая засуха. В 1986 году, когда пересохли ручьи, обмелела Псков, а на местах постоянных солидных луж на дорогах клубились облачка пыли, ласточки обнаружили наконец превосходный строительный материал на берегу искусственного озера — замочила. Вода в нем убыла на полметра, и обнажилась часть мелкого дна с мягкой влажной глиной. Постройки из нее получались прочные и сооружались быстро. Но такие года выдаются нечасто. А пока мои соседи ограничились наращиванием у гнезда нового бортика высотой в полтора сантиметра.

Когда у нашей пары завершились все приготовления к очередному гнездовому сезону, в кухне появилась третья ласточка. Залетев в широкое отверстие над дверью, она ударилась об окно и начала биться о стекло, как муха. При этом самец, хозяин помещения, не только не помогал своему гостю разобраться в обстановке, но и старался нанести ему удары в спину.

Я выпустила пленника. Это был самец, попавший сюда, видимо, в первый раз и незнакомый еще с коварным свойством окна.

После изгнания незнакомца порядок в жизни ласточек восстановился, и птицы принялись носить в гнездо куриные перья и тонкие сухие корешки. Они собирали их на грядках. Значительная часть доставленного строительного материала падала вниз, и вскоре пол в летней кухне, где я поселилась вместе с птицами, оказался усыпанным мусором. Поверх корешков на дно гнезда были уложены длинные конские волосы из хвоста или гривы. Время близилось к откладке яиц. Птицы начали спариваться. 27 мая в гнезде появилось первое яичко. Чтобы все птенцы вывелись одновременно, ласточки, как и большинство других птиц, начинают насиживать кладку только после того, когда будет снесено последнее яйцо. Теперь ласточки стали показываться в кухне редко. Большую часть дня они проводили, сидя на электрических проводах над крышей. Это был их любимый наблюдательный пункт и отправная точка для охоты в воздухе. То и дело птицы срывались с места, делали несколько кругов над огородом и затем снова усаживались рядышком. Самец щебетал-заливался целый день.

Не спрятались ласточки под крышу и в первый долгожданный дождь. С удовольствием они принимали душ, сидя на проводах. Ласточки не купаются в пыли, как делают многие птицы. Я никогда не видела, чтобы они полоскались и в лужах. А вот летний теплый дождик — другое дело. Его веселые теплые капли скатывались по спинам, покрытым плотными перышками, как по крыше из щепы. Птицы отряхивались, чистились — купались.

Правда, дожди на нашем Северо-Западе не знают меры. Хмурая погода, зарядив на несколько суток, может испортить настроение всем пернатым и в первую очередь ласточкам. Когда подул северный ветер, они заметно приуныли и молча сидели под крышей, втянув голову в плечи. Но как только дождь чуть ослабевал, птицы летели ловить комаров над огородом, делая красивые воздушные пируэты почти у самой земли.

30 мая, снеся четвертое яйцо, самка некоторое время погрела кладку, но на ночь, как всегда, улетела. И только 2 июня, через день после появления последнего, пятого, яйца, ласточка взялась серьезно насиживать кладку. У касаток насиживает кладку и обогревает маленьких птенцов только самка. Выкармли-

вают же выводок оба родителя. Чтобы поменьше пугать свою соседку, я занавесила половину помещения старой простыней. Маленькая кухня служила мне рабочим кабинетом и спальней. Здесь меня никто не тревожил, и даже внучка, чувствуя неглас-ный запрет, старалась появляться тут пореже. В первые дни, пока самка недостаточно привыкла ко мне, она улетала с гнезда, как только я входила в помещение. Несмотря на то, что я немедленно скрывалась за занавеской, наседка боялась возвращаться назад. Водворять ее на место в таких случаях приходилось самцу. Он провожал супругу до гнезда и, сидя некоторое время рядом с ней на гвозде, вбитом в балку, ус-покаивающе ворковал. Касатка отвечала ему мелодичной трель-кой. Восстановив покой, самец проносился над самым пологом, висящим над моей кроватью и занимал свое место снаружи.

Двигалась в своем углу я мало. Здесь я либо спала, либо работала, сидя за письменным столом. Но ласточку на гнезде пугали любые шорохи, даже звук переворачиваемой страницы. Она то и дело вылетала наружу, но тотчас возвращалась. Попа-дали птицы в кухню через широкую щель над дверью.

На протяжении всего срока насиживания яиц ласточки не переставали утеплять свое жилище. Добывание и доставка строительного материала, видимо, способствует более крепкой связи между супругами. Часто можно было видеть такие сценки: самец на лету подхватил с земли белое пушистое перышко. Поднявшись высоко, он то ли нарочно, то ли нечаянно его выронил. Самка, которая летела рядом, нырнула вниз и изящно поймала падающее сокровище. В сопровождении супруга она понеслась с ним в гнездо. И хотя дом их был уже переполнен теплыми и мягкими вещами, новое перышко, видимо, радовало их как вновь приобретенная обстановка в квартире. Ничего, что впоследствии оно оказалось уроненным на пол. Когда начали линять аисты, ласточки специально делали круги возле их дерева и ловили в воздухе медленно падающие драгоценные пушинки.

С тех пор, как самка начала насиживать кладку, самец один продолжал свое дежурство на проводах над крышей. Гнездо у ласточек расположено так близко от потолка и такое глубокое, что у наседки наружу торчит только кончик хвоста — две косички, самой же птице вокруг ничего не видно. Самец должен предупреждать самку в случае грозящей ей опасности.

но при этом не терять головы и не поднимать панику по каждому пустяку. Он выполняет ответственную роль дозорного. Сидя на проводе, самец подавал сигналы самке о том, что все вокруг спокойно и переговаривался с другими самцами, несущими караульную службу неподалеку от своих гнезд, скрытых в помещениях.

В моей кухне, отделенной от сада-огорода щелястыми дощатыми стенами, редко бывало тихо. Птицы любят шумовые эффекты. Часто на рассвете ласточки принимались с визгом носиться прямо над пологом, то ли споря о чем-то, то ли прогоняя чужую птицу. Однажды самка вдруг слетела с гнезда и начала теребить край моей занавески. Она изо всех сил тянула кусочек ветхой материи, держа его клювом и помогая себе крыльями. Так она трудилась несколько минут, но оторвать тряпочку ей не удалось. В другой раз меня разбудил дятел. Он каждое утро прилетал в деревню, похоже, только затем, чтобы постучать по телеграфному столбу. А тут ему вдруг вздумалось барабанить по доске, выступающей над моей низкой крышей.

В период насиживания кладки ласточки были очень привязаны друг к другу. Когда самка слетала с гнезда — а делала она это по всякому поводу, но чаще всего затем, чтобы промчаться несколько кругов над огородом и закусить комаром или мухой,— самец неизменно ее сопровождал. Итак, если главы семьи не было на проводах, это значило, что и наседки нет на месте, что они где-нибудь прогуливаются вместе. Особенно на долгий срок птицы исчезали вечером.

Когда насиживание длилось уже пять дней и жизнь ласточек вошла в размеренную колею, к нам в дом, то есть в летнюю кухню, опять ворвался чужой самец. Это лето високосного года оказалось очень неспокойным не только для аистов, но и для ласточек. Сначала я думала, что чужаку приглянулось помещение. Он то и дело залетал сюда, а хозяин его прогонял. Но потом оказалось, что его интересует самка. Один раз он даже сел на край гнезда и пытался вытолкнуть ее оттуда. Тогда супруги, объединившись, ринулись прогонять нахала. Три птицы долго кружили по маленькой кухне и чуть не свалились на мой полог. Этот эпизод с вторжением холостого самца впоследствии сыграл немаловажную роль в судьбе наших птиц. Оказалось, что он не был случайным и изгнанный пре-

Ласточка только что уложила в лоток пушистое перышко.

тендент не оставил своих намерений. Он жил возле нашего дома и часами сидел и пел над окном.

В один из вечеров в начале июня поднялся очень сильный ветер с секущим дождем, и главе семьи наших касаток пришлось оставить свой пост на проводах и ночевать в кухне. Он спал на гвоздике в 30 сантиметрах от гнезда. Ветер и холод — неумо лимые враги ласточек. Что из этих двух зол страшнее, трудно сказать. Насекомые в эту пору прячутся в траву. Днем около десятка ласточек из нашей деревни отправились вместе на охоту в лес, к заболоченному пруду, сделанному бобрами. Над этим мелководным водоемом, окруженным деревьями, не так ветрено и всегда полно комаров. Пока длилась непогода, по

воздух еще не остыл, самка на гнезде появлялась редко и только к вечеру принималась усердно греть кладку.

Но вот северный ветер нагнал настоящий холод. Дело шло к заморозкам. Температура почью была всего 5 градусов тепла, а днем 10. Самец, хотя и ночевал под крышей, сильно продрог. Он распушил перышки, распустил немного крылья — было видно, что ему в такую погоду нездоровится. Самка же стала теперь насиживать кладку очень усердно, оставляя гнездо ненадолго, только к вечеру. Наконец ветер немного утих. Хотя по-прежнему было холодно, появились комары-долгунцы. В погоне за комарами наши ласточки кружили в воздухе легко и изящно, как бы купаясь в нем.

15 июня южный ветер пригнал обратно удивительно тепло. Проглянуло солнце. Как раз к этому времени у наших ласточек подошел срок вылупления птенцов. Самец весело летал над зарослями цветущей сныти вилотную с растениями, но все-таки не задевая их. Он ловил мелких пестрых бабочек, порхающих над цветами. В это время пара ласточек на соседнем дворе только еще начала строить гнездо, усердно таская землю из большой лужи. Возможно, что этим птицам не удалось занять прошлогоднее жилье, а новое в сухую весну строить было не из чего. Теперь же размокшей грязи вокруг было хоть отбавляй.

Когда ласточатам исполнилось два дня, я взяла одного птенца на несколько минут, чтобы сфотографировать. Он был совсем беспомощный, красно-розового цвета и весил около двух граммов. Через тонкую кожицу просвечивал еще не рассосавшийся желточный мешок — остаток питательных веществ, бывших в яйце, и желудок, наполненный чем-то темным. Голову ласточонок поднимал с большим трудом. Крылышки его походили на культяпки, а розовые ножки были совсем мягкими. И на этом нежном создании ползало около десятка мелких кровососущих паразитов. Прекрасные летуны, исключительно насекомоядные птицы, способные в воздухе поймать окрылившихся тлей, ласточки не могли справиться с клещами и насекомыми в своем гнезде. Нельзя сказать, чтобы они мало заботились о детях. В подстилке у них появлялись все новые и новые перышки. То и дело кто-нибудь из родителей приносил очередную аистиную пушинку, иногда роняя ее мне на полог.

Самка улетала с гнезда очень ненадолго, а вернувшись, кормила детей и старательно их грела. Самец появлялся ежеминутно. Он присаживался на свой гвоздик и нежно ворковал, уговаривая супругу допустить его к выводку. Та слетала, садилась на полочку над дверью, дожидаясь, когда он покорит детей, и тотчас возвращалась обратно. Теперь глава семейства редко сидел на проводах. Часы отдыха он проводил на полобившейся ему присаде возле гнезда. Там он чистил перышки и клюв. Его он вытирал о гвоздь и тогда раздавался неожиданно громкий скрежещущий звук. Между собой взрослые постоянно переговаривались очень нежными голосами. На третий день жизни ласточата, прежде безмолвные, начали издавать слабый писк.

Всякий раз, когда я входила в кухню, над моей головой проносился вихрь — это в щель над дверью вылетали ласточки. Поразительно точен расчет движений у этих птиц — они никогда ни на что не натыкались. Я невольно вспоминала горожан, которые нечаянно наступают друг другу на ноги или задевают прохожих даже при ходьбе по малолюдной улице. По-моему, чтобы стать аккуратным и точным в движениях, нужно пожить в горах или в лесу. Деревья и камни быстро научат ходить так, чтобы ни на что не натыкаться. Ласточек этому, по всей видимости, учили еще и стены.

Режим жизни ласточек был не совсем обычен по сравнению с другими видами птиц. Спать они укладывались очень поздно. Правда, в ту пору были белые ночи. В хорошую погоду самец переставал носить корм птенцам только в 11 часов вечера. А в 5 часов 40 минут утра он опять принимался за работу, но прилетал редко и молча. И только после половины восьмого начинался активный рабочий день. В холодные утра, например при плюс 12 градусах, ласточки начинали как следует кормить птенцов только в половине десятого. В такую пору у ласточек плохая охота, так как насекомые долго не поднимаются в воздух. Над огородом и вблизи домов птицы промышляли каждая сама по себе, на соседнее же поле тимофеевки они вылетали стайкой по пять-шесть. Возможно, что это было население одного двора.

На восьмой день жизни у ласточат открылись глаза. Теперь они клали головки на край гнезда. Когда я протягивала к ним руку, птенцы раскрывали рты. Голос малышей окреп и звучал

довольно громко. Покормив детей, самка подолгу копошилась в гнезде, доставая клювом что-то со дна. При этом раздавался шорох, как будто тихо скреблась мышь. По всей вероятности, она ловила клещей и других паразитов, донимавших птенцов. От сельских жителей мне не раз приходилось слышать рассказы о том, что ласточки связывают птенцам лапки якобы для того, чтобы они не выпали из гнезда или не вылетели раньше времени. Глядя на ее работу со стороны, действительно могло показаться, что она занимается чем-то подобным. Но на самом деле ножки у ласточат, конечно, не были спутаны. Птенцы так подросли, что заполнили весь лоток, матери стало трудно там помещаться, и она перестала спать в гнезде. Вечером того дня, когда она впервые начала устраиваться на ночлег поблизости от гнезда, птицы долго «переговаривались» по этому поводу. Самец, видя супругу «на свободе», волновался из-за необычной ситуации.

На девятый день птенцы заметно «поумнели». Я обратила внимание на возникающую временами непривычную тишину в кухне. До этого ласточата почти без отдыха постоянно издавали специфический звук, как бы «вякали». Но теперь они замолкали, услышав тревожный крик родителей, сидящих на проводах.

Ученые заметили, что интенсивность охраны гнезда у птиц увеличивается по мере развития стадии гнездового цикла. Считается, что она определяется размером затрат, вносимых на выращивание детей,— так сказать, «родительским вкладом», и что чем больше птицы вложили труда в свое потомство, тем оно им дороже. Однако когда птенцы становятся самостоятельными, взрослые перестают их охранять. А пока ласточки в пору, когда у них начали подрастать дети, превратились в прекрасных сторожей на нашем огороде. Они охраняли его от своих потенциальных врагов, в число которых входили профессиональные разорители гнезд — врановые птицы. Первый раз я обратила на это внимание, когда начала поспевать земляника. Вечером все ласточки нашего двора подняли переполох. Я пошла посмотреть, в чем дело. Оказывается, за скатом крыши спряталась сорока. Касатки пикировали над ее головой, пытаясь прогнать. Хотя это оказалось им не под силу, настроение длиннохвостой гостье они явно испортили. Утром ласточки опять гоняли сороку, которую влекли в наш огород розовеющие ягоды.

Касатки усердно прогоняли и ворон, которые тоже не упускают случая полакомиться сочной земляникой.

Ястреба-перепелятника, быстро и воровато пролетающего над огородом, ласточки замечали тотчас и гнались за ним следом. Этому маленькому хищнику ласточки совершенно не давали возможности охотиться в деревне. Сразу несколько птиц атаковало летящего ястребка, пикируя на него сверху на больших скоростях. Оказалось, что ласточки не только оберегали наши грядки от сорок и ворон, но невольно защищали от пернатых хищников и воробьиное население двора. С соколами касаткам управиться было не так легко. Когда появились первые слетки, в деревню стал наведываться чеглок. Он почти не обращал внимания на преследовавших его птиц. Полет у этого сокола стремительный, и в скорости он не уступает ласточкам. Чеглок летал от одного огорода к другому, скрываясь за деревьями, и делал стремительные броски, почти не взмахивая узкими серповидными крыльями. Канюки внимание ласточек почему-то не привлекали. Правда, эти мышееды обычно кружили на большой высоте. За хищника приняли однажды касатки вальдшнепа, который каким-то чудом оказался в нашем огороде. Когда я нечаянно вспугнула этого лесного кулика из кустов смородины, ласточки с визгом погнались за ним.

На десятый день жизни ласточата превратились уже в довольно симпатичных маленьких птичек. Они не лежали, а сидели в гнезде на согнутых ножках, хорошо держали головку, у них наметился хвостик и появились верхушки маховых перьев на крыльях.

Все шло своим чередом, если не считать того, что усилились атаки холостого самца. Он начал прорываться к гнезду беспрестанно. Глава семьи, вместо того чтобы кормить птенцов, вынужден был целый день выгонять нахала из кухни. Он бил его в спину на лету. Птицы метались по помещению, задевая стены. Птенцов продолжала кормить только самка. Они заметно похудели. Взрослые перестали заботиться о том, чтобы выносить конвертики помета, и влажные белые лепешки смачно падали где попало. Через день все как будто успокоилось. Родители деловито носили птенцам корм, летая на охоту куда-то в сторону реки. Возвращались они всегда на большой скорости и, не снижая ее, залетали в проем над дверью. Чтобы помет птенцов не падал мне на постель, я повесила под гнездом

небольшую фанерку. Взрослые птицы научились ловко облетать веревочки, на которых было укреплено это защитное приспособление, но в первые часы они им явно мешали передвигаться по помещению. Вскоре у каждого из родителей определился свой путь подлета к гнезду и вылета из него.

Ласточата, перед тем как сбросить капсулу помета, поворачивались задом к краю гнезда и поднимались на ножках так, что хвостик торчал наружу. Помет аккуратно падал прямо на середину подвешенной дощечки. Но если кто-нибудь из родителей в этот момент оказывался рядом, он хватал увесистый белый пакетик и бросал его поблизости, так что белые пятна появлялись всюду. Почему-то это очень веселило мою внучку.

На одиннадцатый день жизни ласточата перестали верещать, когда сидели в гнезде одни. Но как только прилетал кто-нибудь из родителей, они мгновенно вытягивали шеи, раскрывали рты и поднимали крик, как будто кто-то нажимал вдруг кнопку какого-то шумного прибора. Взрослые вкладывали принесенных во рту насекомых в одну из протянутых к ним красных с белой каемочкой мисочек. Хотя у ласточат глаза были давно открыты, четкая координация движений у них еще не установилась. При появлении родителей они суетились, как слепые. Как-то одному из птенцов в широко разинутый рот попал затылок соседа. А тот, не обращая на это внимания, все старался вытянуть шею как можно выше над краем гнезда. Прилетевшая самка заметила беспорядок. Она подождала несколько секунд, пока «живоглот» не отпустит собрата, и накормила его в первую очередь, решив, видимо, что он особенно голоден.

В конце июня выдалась очень холодная ночь, всего 8 градусов тепла. Туманным утром, хотя солнце поднялось уже высоко, самец сидел на гвоздике в летней кухне, сильно нахохлившись. Птенцов в гнезде совсем не стало видно — они лежали, сжавшись в комочек. Вероятно, не зря родители до сих пор таскали им пушистые перышки. Теплая постель в такие ночи не помешает. Немного погодя взрослые ласточки принялись с визгом летать над огородом — скорее для того, чтобы согреться, чем для охоты, так как корм птенцам они доставляли редко. Стихия ласточек — вечера. Какой бы ни выдался день, перед закатом обычно разъяснивалось, ветер стихал, и птицы с невыразимой легкостью стремительно носились над деревней. Пожалуй, ни

У кого из пернатых охота за насекомыми не напоминает в такой степени веселую увлекательную игру. Птенцов в эти часы кормили чуть ли не каждую минуту.

Когда ласточатам исполнилось четырнадцать дней, мать вдруг оставила семью и начала все дни проводить в обществе холостого самца, который добивался ее расположения еще с весны. Супруг много раз пытался зазвать изменницу обратно, обращаясь к ней тихим воркующим голосом. Та иногда залетала в помещение или садилась в проем над дверью, но птенцов не кормила. Самец тратил много времени, гоняясь за супругой и заставляя ее вернуться. Ласточата начали худеть. Вечером один из птенцов так тянул головку, выпрашивая корм, что выпал из гнезда. Я положила его обратно. Пока родители в течение целого дня выясняли отношения, три ласточонка погибли от голода, и я убрала их трупики. Оставшиеся двое с трудом могли чуть приподнять головы. К их счастью, брошенный супруг наконец смирился с происшедшим и полностью переключился на уход за детьми. Они стали понемногу поправляться. Ночевал отец по-прежнему на гвоздике возле гнезда. Через день уцелевшие ласточата заметно преобразились. У одного из них начал меняться голос. Он стал не просто верещать, а произносить двухсложные звуки «ти-ри, ти-ри», похожие на разговор взрослых.

Сбежавшая самка и ее соблазнитель не покинули наш участок. На другой день эта парочка пробовала обосноваться в хлеву. Но гнездящиеся там ласточки их прогнали. Самец — владелец хлева перестал летать за кормом для детей и полдня сидел на веревке, где сушат белье, охраняя свои владения. Периодически он проносился вокруг хлева, чтобы не пропустить незамеченными непрошеных гостей. Не раз новая чета пробовала проникнуть и в кухню, но оттуда ее тотчас выгонял брошенный супруг, ныне полновластный хозяин помещения.

Самец-соблазнитель часто усаживался на стене дома под коньком крыши, как бы приглашая самку построить гнездо там. Она же подолгу сидела сгорбившись, неподвижно на выступе стены дома и выглядела подавленной и нездоровой. Не оживляло ее и заливистое пение ее поклонника. Правда, иногда самка как будто решалась начать строительство нового жилья под крышей и даже приносила кусочек грязи в клюве, но.

Ласточку, принимающую солнечные ванны, не сразу узнаешь.

повисев некоторое время в раздумье на стене, все бросала и опять усаживалась на «завалинку».

А тем временем ласточата, ее дети, живущие в кухне, стали свободно передвигаться от одного края гнезда к другому, махать подросшими крылышками и выглядели бодрыми и счастливыми. Отец, успешно справлявшийся с их воспитанием, любил посидеть в кухне на куске проволоки или на гвозде. Здесь он мог не только спокойно отдохнуть и присмотреть за детьми, но и имел возможность довольно оригинальным образом поохотиться за насекомыми. На единственном небольшом окне то и дело появлялись мухи, бабочки, пчелы, попавшие в помещение через щели в стенах и в проем над дверью. Они устремлялись на свет и ударялись о стекло. Ласточка наблюдала за этим с пристальным вниманием. Увидев муху, она летела и тотчас ее хватала. Бабочек и жалящих насекомых птица не ловила и сама о стекло никогда не ударялась. Иногда самец усаживался на тонкой концевой ветке яблони в огороде рядом с кухней и пел.

6 июля подрастающие птенцы уже начали высовываться «по пояс» из гнезда. Они вертели во все стороны головками, высматривая, не полетит ли где муха или комар. За насекомыми, попадавшими в их поле зрения, они следили, как завороженные, широко раскрыв рты. Их внимание привлекали только движущиеся объекты. Если муха усаживалась на потолок, даже совсем рядом, они утрачивали к ней интерес.

Пока наши ласточата наверстывали отставание в росте и развитии — результат семейного конфликта — в деревне покидали гнезда все новые и новые выводки. Уже начали образовываться стайки по нескольку десятков молодых птиц. Молодежь с криком носилась в воздухе. Ласточата, живущие в кухне, принялись так высовываться из гнезда, что чудом не падали вниз. То один, то другой из них вылезал на наружную стенку своего глиняного жилища, повисал там, уцепившись лапками, и махал крыльями, как лопастями вентилятора. Но стоило раздаться тревожному крику отца, как оба птенца тотчас прятались на дне гнезда.

7 июля отец ласточат по каким-то своим приметам определил, что птенцам пришло время покинуть дом. Полчаса он разговаривал с ними внутри помещения. В результате один птенец решился вылететь. Сразу попасть на улицу он не сумел, а опустился на широкой доске, прибитой в проеме над кухонной дверью. За вторым ласточонком отцу пришлось летать несколько раз, пока тот не покинул гнездо и не присоединился к первому. Когда оба птенца уселись на доске над кухонной дверью, возле них появилась бездомная пара. Касатки подлетели к птенцам вплотную, а те раскрыли навстречу им рты, выпрашивая корм. Однако самец прогнал посторонних и принялся кормить детей сам. Через некоторое время, успокоившись, он сел рядом с ними отдохнуть и принять солнечную ванну.

Это специальная процедура, которой птицы придают немалое значение, выглядит очень интересно. Устроившись где-нибудь на хорошо освещенном месте, они подставляют нежарким утренним или вечерним лучам кожу на спине или боках. Наша ласточка легла на полочку, свесив одно крыло вниз, а второе вытянув вдоль тела. Хвост она накренила, как при повороте в воздухе, и приподняла кверху, голову запрокинула, подставив солнцу подбородок. Перышки на спине раскрылись так, что прямой свет мог проникнуть до самой кожи. Ласточата, оказ-

Ласточонок, совершивший первый вылет из гнезда, должен поскорее присесть где угодно и отдохнуть.

завшись на солнце впервые, грелись, чистились и махали крылышками с таким рвением, что с доски облачком летела пыль.

После получасовой передышки отец начал поторапливать детей двигаться дальше. Он несколько раз летал от птенцов до того места, где им надлежало сесть, пока они не последовали за ним на облюбованную заранее ветку яблони как раз напротив двери. Затем таким же способом ласточата были переправлены на крышу постройки. А тут один из птенцов вдруг легко поднялся почти по вертикали и сел на провода. Вскоре он был водворен обратно. Поразительно, как хорошо летают только что покинувшие гнездо ласточки. Но гоняться за насекомыми они, конечно, научились еще нескоро.

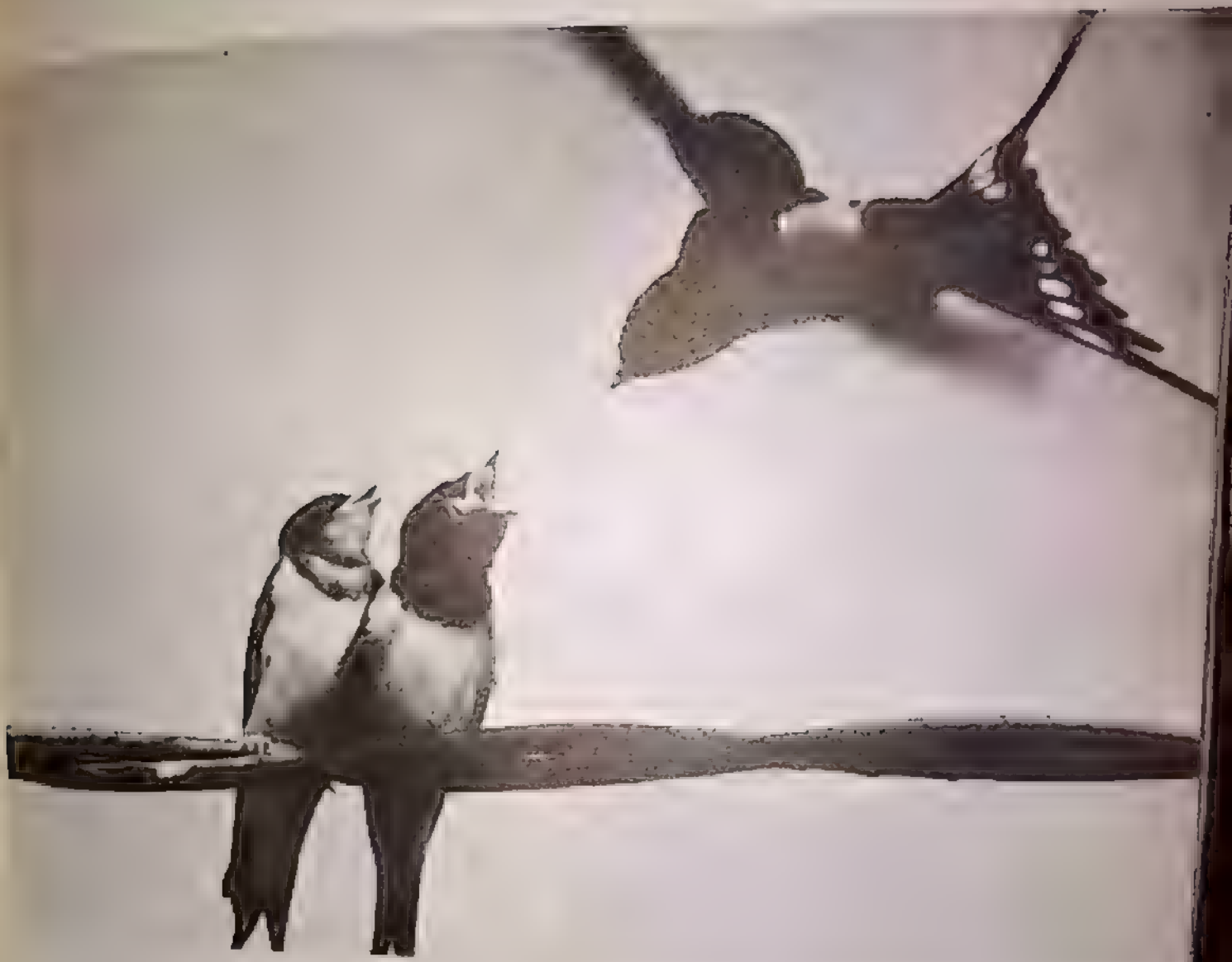
День за днем после вылета из гнезда наши ласточата проводили на проводах над крышей кухни. Именно здесь сидели их родители, когда шла кладка, а затем сторожил помещение их отец, пока самка насиживала яйца. Теперь же,

после вылета птенцов, он нередко наведывался в кухню, отдыхал там, как бы вспоминая что-то, заглядывал в щели между досками. Позже дружная парочка птенцов переместилась на другие провода, идущие под навес крыши. Ласточата сидели там большую часть дня, прижавшись друг к другу. А их кормилец, ловя насекомых, трудился «в поте лица». Только изредка он позволял себе немного отдохнуть и побыть рядом с детьми.

На десятый день после того, как птенцы покинули гнездо, они начали вылетать навстречу отцу и хватать принесенный им корм в воздухе. Еще через сутки они уже сами иногда летали над огородом. Не знаю, удавалось ли им что-нибудь добывать, только на лету они кричали, выпрашивая корм, будто просили, чтобы муха сама залетела им в рот. Несмотря на то, что ласточата прекрасно держались в воздухе и, как я считала, могли уже сами охотиться, они большую часть времени продолжали сидеть рядышком под навесом крыши либо на ветке яблони. Мне показалось, что корм они стали выпрашивать у любой пролетающей мимо ласточки. Иногда они срывались с места и гнались за ней.

Только на семнадцатый день жизни вне гнезда ласточата стали самостоятельными. Они присоединились к стайке молодежи и вместе с ней, а иногда и вдвоем время от времени навещали наш двор. Отец их, освободившись от всепоглощающего труда по кормлению детей, стал держаться возле своей бывшей супруги, образовав семейный треугольник. Она же со своим соблазнителем начала было строить гнездо под крышей издворья, соединяющей дом с хлевом.

Теперь эта злополучная пара оказалась серьезной помехой другой семье ласточек, живущей в хлеву. Оттуда было два выхода на улицу — либо через небольшое незастекленное окно, либо через дверь, ведущую в издворье. У окна, как я узнала позже, устроила засаду соседская кошка. Здесь валялись перышки попавших в ее лапы ласточат. Чтобы спасти последнего птенца, ласточка решила вывести его через дверь. Но когда вслед за охваченной тревогой матерью, указывающей путь, в издворье вылетел желторотый птенец и с трудом уселся на натянутую веревку, новые хозяева учинили ему изрядную трепку. Самец налетал сверху и бил несмышленыша по голове. Тот ничего не мог понять. Он привык получать от взрослых только корм и доверчиво раскрывал им навстречу рот. А новонс-



Оставившие гнездо ласточата еще долго находятся на попечении родителей.

печенный сосед безжалостно схватил малыша за шиворот и сбросил вниз. Ласточонок вынужден был вернуться в хлев. Через некоторое время мать опять вывела его в издворье, и он уселся на лестничную перекладину. Тут озлобленные владельцы помещения вдвоем отколотили птенца и сбросили его на землю. Здесь я его и подобрала. Несчастный даже не сопротивлялся, когда я взяла его в руки. Но как только его вынесли на улицу, ласточонок легко взмыл в воздух.

Гнездо у незадачливой пары в издворье получилось очень лохматое. К середине балки были небрежно прикреплены длин-

Ласточата, сидящие над стропилами чердака в той части [illegible] еле помещаются в тесной чашечке гнезда, хорошо устланной [illegible] и аистиными перышками

ные сухие травинки. Дальше дело не пошло, и птицы опять вернулись на прежний участок. Самка еще больше [illegible] лась, сгорбилась и подолгу сидела на одном месте, [illegible] пившись к стене дома с южной стороны. Теперь оба [illegible] наперебой приглашали ее. Прежний хозяин звал в [illegible] он часто залетал и подолгу пел, а ухажер, заливаясь [illegible] звал ее куда угодно.

А время шло к концу июля. Молодые ласточки, которые отличались короткими хвостиками без «косичек» и более тусклым, чем у взрослых, оперением, не забывали родной двор. В общей стайке они придерживались каждый своего выводка. Иногда молодые тоже подлетали к коньку крыши и, прицепившись к стене, как бы выбирали место для гнезда. Так что к незадачливой паре, которая более месяца все намеревалась построить себе жилье, теперь уже, играя, присоединилась молодежь.

На чердачном выступе стены у нашего дома почти каждый день собиралось до пятнадцати ласточек — молодые вместе со взрослыми. В четыре часа дня птицы [illegible] солнечные ванны. Позы у всех были разные, иногда [illegible] невероятные, так что некоторые из них напоминали [illegible] чучело. Например, одна из ласточек лежала на боку, задрав кверху ногу и подняв крыло. Перья у нее были все взъерошены, и не сразу можно было понять, что это за предмет.

Выросшие ласточата не забывали своего отца и иногда его проведывали. Как в первые дни после вылета из гнезда, они усаживались на провода над кухней рядом с отцом и слушали его песни.

В середине августа погода резко переменилась. Подул северный ветер, внезапно кончилась жара, потемнело, помрачнело. Кончилось лето. Ласточки в деревне больше не жили. Здесь осталось не более двух десятков птиц, у которых птенцы вылетели совсем недавно. Теперь мне случалось видеть, как днем над домами дерзко, неторопливо летел ястреб-перепелятник. Его сопровождала всего одна ласточка. Птичка несколько раз бесстрашно стукала хищника по голове, но он спокойно слетал дальше и усаживался в кустах у часовни.

Началось время холодных рос. Ласточки стали появляться в деревне только днем, когда проглядывало из рассеявшегося тумана солнце. И хотя в конце августа значительно потеплело, ласточки становились все более спокойными. Птицы то усаживались, как бисер, рядком на проводах, щебетали, переговаривались, пели, внося большое оживление в размеренное течение деревенской жизни, то с криком срывались в воздух. И взрослые, и молодежь летали торопливо, нервно, как будто за ними кто-то гнался. После одного такого тревожного дня траву покрыл белый иней и замерзли лужи.

Когда же улетают от нас ласточки? Первую появившуюся весной птицу, особенно ласточку, невозможно не заметить. А последнюю ласточку кто увидит? Только подумаешь, что они уже исчезли, как с южным ветром и возвратом тепла они появляются вновь.

Утром 31 августа на проводах посреди деревни сидело 65 касаток — и молодых, и старых. 6 сентября птиц нигде не было видно. А 21 сентября, когда над нами впервые пролетела, направляясь к югу, стая гусей-гуменников, над деревней вдруг опять пронеслось несколько ласточек. То была последняя встреча с касатками в этом году.

Наступила зима. Устланное перышками и устроенное в закрытой от ветра летней кухне ласточкино пустое жилище приглянулось воробьям. Они прятались там от непогоды и коротали долгие ночи. Белыми шариками воробьиного помета оказался усыпан весь пол. Под самим же [illegible] образовалась целая кучка удобрений. Следующей весной [illegible] приезда мне пришлось делать генеральную уборку [illegible] в ласточкиной квартире. А тем временем на [illegible] крышей целый день пел самец. Утром он уже [illegible] на том же самом гвозде, где ночевал в прошлом году. Иногда в нашем огороде появлялась и самка, которую он усиленно зазывал в кухню. Но гостья этой постройки явно побаивалась, хотя и заглядывала туда. Спустя две недели ласточки построили новое гнездо на чердаке дома под стропилами крыши. Здесь была такая темень, особенно в пасмурный день, что я только удивлялась, как птицы, носясь на больших скоростях, ни на что не натыкались и вообще отыскивали гнездо. Не перестаешь поражаться виртуозности полета ласточек.

Ласточата в темном гнезде выросли благополучно, и, когда им пришло время вылетать, они, естественно, ринулись прямо на свет. Но в результате птенцы оказались на подоконнике застекленного чердачного окна. Здесь они просидели около часа, не зная, как быть дальше. Мать, примостившись с противоположной стороны окна, пробовала вызывать детей к себе. Убедившись в безрезультатности своих усилий, взрослые начали терпеливо показывать ласточатам путь на улицу через дыру

Своеобразное выражение «лицу» ласточат придает приоткрытый клюв.

в крыше. Для этого птенцам нужно было оставить светлое окно и двинуться от него в сторону. Родители хотя и не переставали кормить птенцов, сидящих на подоконнике, но в то же время настойчиво зазывали их все ближе и ближе к отверстию, ведущему на волю. Только к вечеру весь выводок сумел благополучно покинуть нашу кровлю. После этого мать еще несколько дней прилетала на чердак и тщательно осматривала помещение. Воркующим голосом она заботливо справлялась, не потерялся ли в темноте кто-нибудь из детей.

Когда птенцы приобрели самостоятельность, взрослые птицы начали подумывать о новом выводке. Через некоторое время они принялись за постройку гнезда на наружной стене дома. Самка брала сухую соломинку или корешок и обмакивала их в грязь на краю лужи так, чтобы на них набралось как можно больше влажной земли. Рядом с ней держался самец, который зорко следил, чтобы кто-нибудь не соблазнил его подругу, поскольку частенько находились холостяки, которые вертелись рядом и как бы невзначай присаживались возле самки, стараясь попасться ей на глаза.

Через несколько дней постройка нового гнезда была почти завершена. И вдруг ночью поднялся ветер. Он мчался с воем, пригибая траву, кусты и даже деревья к земле. Дождь хлестал по стенам и крышам. И новое гнездо упало. Оно оказалось очень некачественным: снаружи — травинки, перемазанные в земле, а внутри просто сено. Всей постройке явно не хватало скрепляющего материала. Не удивительно, что она развалилась. К счастью, яйца там еще не были отложены. Тогда не мешкая ласточки начали кладку в готовое гнездо на чердаке, только не в то, откуда недавно вылетели птенцы и где развелось много паразитов, а в старую постройку, использованную птицами два года тому назад. Потратив впустую столько времени на строительные дела, ласточки явно запоздали с гнездованием. Птенцы второго выводка появились на свет только 7 августа.

15 августа была уже белая роса, но настоящие заморозки еще не наступили. Началась полоса ливневых дождей и гроз — не очень-то благоприятное время для выкармливания молодняка. А ласточата в гнезде были еще совсем маленькие. Росли они крикливыми — вероятно, недоедали. С десятидневного возраста их продолжала кормить только мать. У самцов ласто

При виде подлетающих родителей все ласточата раскрывают рты с одинаковым рвением

чек к осени раньше, чем у самок, начинает меняться перо, и в эту пору им тяжело заниматься детьми, если выводки оказались слишком поздними. Ночью ласточата оставались один. Все ласточки перешли уже на осенний распорядок жизни. Из деревни они улетали куда-то на общую ночевку.

Где ночуют ласточки? Этот вопрос долго меня занимал, но я не нашла на него ответа. Я обшарила все чердаки, в том числе большое помещение над конюшней, но взрослых птиц – кроме тех, в гнездах которых находились еще маленькие птенцы,— ночью там не было. Известно, что окончившие гнездование ласточки на ночевку собираются в большие стаи и спят где-нибудь неподалеку от воды, чаще всего в зарослях тростников. А в окрестностях одного из городов ФРГ в сельскохозяйственном районе, где мало леса и почти нет болот и зарослей тростника, ласточки устраивают коллективные ночевки в посевах кукурузы, собираясь стаями до нескольких тысяч птиц. Места ночевки остаются постоянными до осени. В литературе

сообщается, что в одном из местечек Канады, в небольшой ивовой роще, уже 15 лет собираются на массовую ночевку шесть видов ласточек. К концу лета здесь скапливается до 115 тысяч птиц. Наблюдать за этим удивительным явлением съезжаются ежедневно до двухсот орнитологов-любителей.

Наши же деревенские ласточки, вероятно, улетали в какие-нибудь заросшие тростником низины или болота, которых в округе предостаточно. Появлялись они утром довольно поздно, особенно если погода была дождливой.

23 августа 1985 года лето, так и не начавшись как следует, кончилось. Утром, когда после многодневных дождей проглянуло солнце, сразу почувствовалась осень. Воздух стал прозрачным, а свет ярким и резким. Зеленый лес украсился крапинками желтых березовых листьев. То здесь, то там засветились голубоватыми зеркалами лужи. Но яркая осенняя красота недолга. Уже с полудня небо плотно затянуло сплошной хмарью. Полил частый, унылый, беспросветный дождик.

Бедная ласточка гонялась за насекомыми над самой травой. Она начинала кормить птенцов чуть позже 9 часов утра и кончала в 9 вечера.

Утром 25 августа под гнездом я нашла мертвого ласточонка. Маховые перья у него на крыльях развернулись еще только на 1 сантиметр. Птенец был явно не готов к тому, чтобы вылететь из гнезда. Видимо, будучи голодным, он так сильно тянулся навстречу матери, что не удержался и выпал из гнезда, а ночью замерз. В выводке осталось три ласточонка. Они уже сидели на краю своего жилища, но крылышками еще не махали. Однако у них не оставалось времени тренироваться — лето было на исходе. На другой день ласточата покинули гнездо. Я увидела их утром на чердаке нахохленных, молчаливых, озябших. Оживились они только после 9 часов, когда пригрело солнышко и прилетела мать. Ее появление как бы придало им силы. Птенцы перекочевали поближе к выходу, уселись на крышку пустого ящика и принялись верещать. К обеду один из птенцов вылетел на улицу, посидел там на проводах и решил вернуться. Часто-часто махая еще не окрепшими крылышками, он тяжело залетел в сени и кое-как поднялся к своим собратьям на чердак. Те же еще были не в состоянии проделать и такой путь.

Появление столь запоздалых птенцов заинтересовало многих

Взрослые ласточки почти весь день проводят на крыле.

деревенских ласточек. Несколько раз к нам прилетало около десятка птиц. Они долго со щебетом носились под крышей, но не взялись разделять с матерью заботу о малышах. Может быть, у ласточек не положено ухаживать за чужими детьми, как это бывает у некоторых других видов птиц. Выбравшись из гнезда, ласточата в первую ночь спали на чердаке, тесно прижавшись друг к другу. И второй день вся троица провела под крышей. Они залетали ненадолго и в гнездо. Похоже, что птенцы поторопились оставить свое жилье и теперь поняли это. А между тем подул северный ветер, и стало совсем холодно.

С наступлением каждой последующей ночи мне казалось, что ласточата находятся на краю гибели. Через двое суток после того, как они покинули гнездо, одного из них утром я нашла на полу в сенях, второй сидел невысоко на стене, а третий держался поблизости от дыры в крыше, которая служила птицам дорогой на улицу. Двух ласточат, у которых не было сил подняться повыше, пришлось подсадить. Тот, который сидел на полу, был такой тощий, будто вообще ничего не весил. Он даже не реагировал на прикосновение. Второй был чуть покрепче. Он испуганно закричал, оказавшись в руках. Их мать в это утро появилась позже обычного. Стоял густой туман, и все ласточки сидели на проводах возле конюшни, дожидаясь «летной» погоды. Когда наконец появилась кормилица, птенцы на глазах стали как бы оживать. Двое из них выбрались на крышу, а последний остался в сенях, но и его не забывали кормить. К вечеру уже вся троица расположилась на коньке крыши в ожидании того счастливого, но не очень часто повторяющегося мгновения, когда мать, не присаживаясь, на лету сунет кому-нибудь из них в рот комочек из мелких насекомых. А тех становилось все меньше в прозрачном осеннем воздухе. Когда туман совсем рассеялся, выдался нарядный ясный день. Чистое солнце слепило глаза. Сил у птенцов заметно прибавилось. Ночевать, как всегда, они вернулись на чердак, уже довольно уверенно преодолев нелегкий путь домой, требующий непростых маневров.

На следующее утро, хотя туман и висел до половины десятого, птенцы благополучно выбрались на конек крыши. Здесь они и сидели весь день, греясь на солнышке и ожидая мать с кормом. Иногда они пробовали даже чистить перышки, что свидетельствовало об их благополучном самочувствии. На другой день ласточата уже решились покинуть нашу крышу, отправившись куда-то следом за матерью. Но когда начало темнеть в 9 часов 20 минут самка привела их обратно на родной чердак. Опустившись на край гнезда, мать зазывала их домой ласковым «курлыканьем» — голосом, которым обычно разговаривали родители на гнезде. Двое птенцов уселись на гнездо, а третий, у которого полет все еще не был точным и уверенным, несколько раз промахивался и в конце концов устроился на стропилах под крышей.

На следующий вечер возле дома остался ночевать только

Даже корм детям ласточки передают на лету, чуть касаясь лапками гнезда.

один ласточонок. Парочка его более шустрых собратьев последовала, видимо, за матерью на общую почевку. Одинокий птенец спал, съежившись в комочек. Утром я его нигде не нашла, хотя и слышала его голос возле дома. Я так и не знаю, удалось ли ему отыскать свое семейство и присоединиться к нему.

Если не присматриваться к птицам, то кажется, что живут они без забот: построили гнездо, вырастили птенцов, улетели к зиме на юг. Можно только позавидовать такой судьбе. Но

стоит начать вникать в их повседневную жизнь, как убеждаешься, что и у них есть и семейные неурядицы, и конфликты, и тяжелые заботы о «хлебе насущном», что им грозит гибель от непогоды, от хищников... Такова, видимо, участь всех живущих на Земле.

ПЕВЦЫ КРАПИВНЫХ ЗАРОСЛЕЙ

В старых деревн[illegible] много пустырей, заброшенных садов и избищ, можно [illegible] очень милую птицу — болотную, или кустарниковую, [illegible]. Она принадлежит к семейству славок, роду камышевок, их ближайшие родственники, как и она сама, обладают скромной [illegible] окраской и держатся преимущественно в гуще прибрежных кустарников или тростников. Вопреки своему названию болотная камышевка гнездится не только в сырых заболоченных местах, но и там, где довольно сухо.

Хотя камышевки большую часть времени оставались для нас невидимками, основной звуковой фон вечерней деревни создавали именно их голоса. Пели они преимущественно в сумерках. Это прекрасные певцы. На мой взгляд, их песня не уступает по красоте соловьиной. Только она более спокойна, менее резка и необыкновенно мелодична. В репертуаре камышевок можно услышать голоса почти всех птиц нашей зоны. Они их просто коллекционируют на свой манер. Ради того чтобы иметь возможность слушать эти чудесные песни, стоило оставить неухоженным кусочек сада. Правда, у нас не было необходимости в таком запущенном уголке, потому что за нашим забором начинался пустырь: непроходимое сплетение из выброшенных сучьев яблонь и слив проросло стеблями сныти и крапивы, и получилось уютное местечко для птиц.

Прилетают камышевки поздно, когда молодая крапива и лебеда на пустырях наберут силу. В 1984 году первую песню болотной камышевки я услышала 17 мая. Облюбовав участок на пустыре, один из самцов поселился здесь постоянно. Он пел и днем и ночью с короткими перерывами, торопясь поскорее найти себе подругу. Птица садилась то на один, то на другой сухой стебель, возвышающийся над зеленой по-

Гнездо болотной камышевки надежно охраняют заросли жгучей крапивы.

рослью сорняков, и пела, [illegible] на свете. Горлышко ее раздувалось и трепе[illegible]льющимся звукам, а клюв раскрывался во всю ширь.

Через несколько дней старания самца увенчались успехом — у него появилась подруга. Камышевки принялись тщательно разыскивать место, где можно было бы построить гнездо. Заглядывали они и в наш огород, в раскидистый куст крыжовника, но за забором, конечно, было гораздо больше подходящих растений. Там, в зарослях крапивы, они становились совершенно недосягаемы для любого обитателя деревни. Поднявшись выше метра, эти растения, покрытые жгучими волосками, служат надежными сторожами, охраняющими покой птичьих семей.

Чудесные песни камышевок радовали наш слух не только весной, но и в начале лета, когда большинство других птиц спряталось по гнездам, приступив к насиживанию кладок. Но в середине июня замолкли и камышевки. В эту пору продолжала петь только чечевица, да вечерами на окраину деревни прилетала покуковать кукушка. Наконец наша пара камышевок построила гнездо в ровных чистых зарослях крапивы в двадцати метрах от того места, где пел самец. Их дом оказался

Среди густо стоящих стеблей крапивы и сныти камышевки чувствуют себя как дома.

неподалеку от дорожки, где мы часто ходили, но так уж им захотелось. Когда кто-нибудь из наших домочадцев оказывался вблизи от птиц, направляясь по своим делам, те не проявляли беспокойства. Но стоило мне начать следить за гнездом, не спрятавшись в укрытие, как камышевок охватывало волнение. Они подлетали ко мне совсем близко и, взъерошив перья на спине, громко верещали. При беспокойстве камышевки не скачут, не вздергивают хвост, как это делают, например, дрозды, не перелетают с ветки на ветку, всплескивая

крылышками, как мухоловки, а застывают неподвижно, вытянув голову с длинным клювом вровень со спиной. При этом у птиц слегка взъерошиваются перышки на голове, как бы «морщится» лоб. Этот отвлекающий маневр камышевки проделывают, конечно, в сторонке от гнезда.

На гнезде среди крапивы даже в солнечный день было более сумеречно, чем под пологом леса. Жизнь камышевок проходила в полной тишине. Птенцы приветствовали своих родителей «шепотом», во всяком случае с расстояния двух метров их не было слышно. Путь взрослых к своему жилью

Передав птенцам корм...

Отправляясь за новой порцией корма, камышевка быстро скрывается среди стеблей.

был строго постоянным. Перед тем как покормить птенцов, взрослая птица присаживалась на толстый крепкий стебель борщевика. С него она перепархивала на сухой, возвышающийся над зеленой крапивой прошлогодний стебель чернобыльника, а потом уже бросалась вниз. Гнездо было сплетено из тонких травинок и прикреплено к пяти стеблям крапивы — трем сухим прошлогодним и двум свежим. Оно казалось слишком миниатюрным, когда рядом появлялась одна из взрослых птиц. Через

камышевка не забывает забрать «пакетик» с пометом.

несколько секунд, покормив птенцов, камышевка быстро выпархивала из зарослей, пролетала метров десять над землей и опять скрывалась в крапиве. О том, куда она направляется, можно было судить по мелким бабочкам, в испуге поднимавшимся вверх, как фейерверк. Иногда птице удавалось схватить одну из них, но чаще всего она появлялась с гусеницей в клюве. В таком труде без передышки следовал день за днем. Время звучных красивых песен прошло, все вытеснила забота о детях. Какой же из этих периодов лучше? Наверное, всему свое время. Без песен не построишь гнезда, а без гнезда не выведешь детей. Без [illegible] же что за лето?

Птенцы у камышевок оперились, и настало время их вылета. По этому поводу в [illegible] вечеров взрослые подняли шум. Сидя неподалеку от [illegible] они громко то ли шипели, то ли трещали. Вскоре родители [illegible] подростков в тот захламленный угол, где в мае [illegible]. К этому времени сорняки, особенно сныть, достигли [illegible] высоты полутора метров, и жизнь птиц оказалась полностью скрытой от посторонних глаз.

Стебли сныти были настолько грубы, что даже не колебались, когда на них присаживалась птица. Ничто не выдавало присутствия выводка, пока поблизости не появлялся кто-нибудь подозрительный. Причем тревогу чаще всего вызывал сорокопут-жулан, который облюбовал стоящее поблизости засохшее молодое деревце клена как присаду. Он подолгу сидел на одной ветке, подкарауливая пролетающих насекомых. И все это время из травяных дебрей раздавался довольно странный беспокойный крик взрослых камышевок — громкое шипение, которое часто переходило в звучный храп, как будто кого-то душили. Наконец одна из взрослых птиц выскакивала на верхушку сныти вне себя от возмущения. При этом она, не теряя времени, успевала схватить с листика мелкую бабочку и опять нырнуть в заросли, не переставая кричать.

Однажды камышевок растревожила кукушка, которая долго молча сидела на вершине сухого клена, как бы специально показывая себя окружающему птичьему населению. Камышевки «клюнули» на эту провокацию и подняли шум.

Вообще же камышевок редко доводилось увидеть на поверхности зарослей травы или кустарников. Поэтому я удивилась, заметив однажды одну из этих птиц, молча сидящую на ветке шиповника. Было туманное утро в конце июля. В

десять часов густой туман начал рассеиваться, а через час уже вовсю светило солнце, и сразу настал жаркий летний день. Влага блестящими капельками осела на траву, деревья и кусты. Камышевка вела себя очень странно. С видом самоубийцы, бросающегося в пропасть, птица несколько раз падала в куст шиповника и через мгновение выскакивала наружу. Выбрав веточку погуще, она трепыхалась, как бы не в силах взлететь, среди мокрых листьев. Так птица купалась в росе. Раскрыв крылышки, она как бы ныряла в воду, собравшуюся на растениях. Вскоре все перо у нее вымокло так, будто она несколько раз с головой окунулась в пруд. Наконец птичка выскочила на сухой стебелек и долго чистилась, особенно тщательно расправляя перышки на нижней части крыла.

В запоздалую, холодную весну следующего, 1985 года первый раз голос камышевки я услышала 19 мая. На пустырях ровный ковер сныти поднялся к этому времени всего на 20—35 сантиметров. Крапива немного отставала. Камышевкам в таких зарослях прятаться было еще трудно. Самец облюбовал себе на первое время куст спирей. Он проводил здесь много времени, лазал по веточкам, пел. Хотя такое место и не подходило ему для устройства гнезда, но оно могло успешно использоваться для демонстрации своего присутствия и [illegible] того времени, когда подрастет крапива.

В этом сезоне камышевки построили гнездо в двадцати метрах от прошлогоднего. Прежний их участок распахали, а на новом месте крапивы было поменьше, здесь господствовали сныть и купырь. Влажным летом трава растет не по дням, а по часам. В один из ветреных и дождливых дней непомерно вытянувшиеся стебли полегли. Гнездо, укрепленное на гибких стебельках молодой крапивы, оказалось полностью открытым с восточной стороны. А как раз над тем местом, где было построено гнездо, каждый день фланировала сорока. Теперь, когда у камышевок нарушилась маскировка, я стала нервничать при каждом появлении длиннохвостой гостьи. Правда, камышевки, как всегда, возле гнезда хранили молчание. О появлении сороки можно было судить по беспокойным крикам скворцов, гнездовье которых висело на дереве неподалеку. Не раз, услышав голос скворцов, я спешила выяснить, не случилось ли что с камышевками. Но оказывалось, что стрекотунья, сидя на толстой ветке липы в полуметре от скворечника,

Эти птенчики уже подросли и, похоже, начали задумываться о том, не пора ли им оставить свое ажурное гнездышко.

держала в клюве или яркую этикетку от плавленого сырка или другую подобную находку, вытащенную с помойки, и ни на камышевок, ни на скворцов внимания не обращала.

Обычный для июля многодневный беспросветный дождь — «сеногной», как его здесь называют, — в этом сезоне начался еще до сенокоса. Я очень сочувствовала камышевкам, чьи птенцы жили в гнезде, открытом дождю и ветру. Я даже не решалась подойти к ним и посмотреть, думая, что они совсем зачахли. Когда немного разъяснилось, я навестила своих соседей. Оказалось, что непогода им не помешала. За три дня дождей птенцы успели подрасти, оперяться и благополучно дождаться того времени, когда надо покидать гнездо. Мне давно хотелось сфотографировать это событие. Однако первый птенец потихоньку ушел, пока укреплялись лампы-вспышки. Правда, осталась еще четверка, которая не торопилась покидать свой дом. Как только выглядывало солнце, они начинали чиститься, потягиваться, выходить на край гнезда. Цепкие пальчики птен-

Первый птенец, кажется, решился отправиться гулять по травянистым джунглям.

Эти птенчики уже
подросли и, похоже,
ачали задумы-
ться о том, кто
ра ли и.м оста-
ь свое ажурное
дышко.

ного сырка
ойки, и ни
ала.

дождь —
начался
ам, чьи
аже не
совсем
их со-
дня
учно
вно
ец
а,
й

цов крепко держались за рыхлый край ажурного порога. Ножки их были похожи на тонкие палочки, а тельце на бежево-серый круглый комочек. Постояв немного у выхода, птенцы возвращались назад, не решившись прыгнуть в травяную чащу. Утомившись от такой «прогулки», они укладывались спать.

Хотя еще не все птенцы ушли из дома, родители с этого дня прервали обет молчания. Правда, они и теперь не стали столь шумными, как сороки или ласточки. Прежде всего камышевки начали разговаривать с птенцами. Вызывая их из гнезда, взрослые [illegible] верещали, изредка чекали. Птенцы негромко односложно откликались на каждый возглас родителей. К полудню [illegible] осталось только три птенца, затем два — один за другим они отважились вступить в большой мир. Вскоре все семейство скрылось в гуще травы.

Итак, ни сороки, ни [illegible] не обнаружили гнезда камышевок всего в двадцати метрах от дома, хотя ветер и нарушил его маскировку. Не последнюю роль в этом сыграла крапива, окружавшая гнездо. Во всяком случае кошки не любят соваться в ее заросли.

Когда я сидела на вышке возле гнезда аистов, мне был виден весь птичий мир, сосредоточившийся в густых зарослях сорняков, которые поднялись на метр и выше на месте старого огорода у колодца. Здесь стояли стеной крапива, чернобыльник, борщевик, а среди них начали завоевывать свое место плотные куртины злаков. Устоявшийся ритм жизни и тишина на пустыре прерывалась, если на тропинке, ведущей к колодцу, появлялся человек. Из травы тут же раздавался резкий сухой треск «тэк-тэк, тэк-тэк». Это значило, что камышевки вас заметили и за вами с беспокойством наблюдают несколько пар птичьих глаз. Но никому из деревенских жителей не приходило в голову свернуть с дорожки, так что птицы могли не тревожиться в своем крапивном царстве.

НАЗОЙЛИВЫЕ СОСЕДИ

Каждое лето наш огород заполняли воробьи. В большой степени виновницей этого была я сама. Моей мечтой было поселить среди своих пяти яблонь пару синиц, мухоловок-

После холодной зимы число полевых воробьев в деревне убавляется.

пеструшек и еще садовую горихвостку. Эти птицы считаются одними из самых полезных насекомоядных видов, они охотно выращивают детей в тех плодовых садах, где для них вывешены соответствующие искусственные гнездовья. С осени я сколотила три аккуратных синичника из новых, как полагается, не струганных изнутри досок с размером дна 12×12 см^2 и высотой 20 см. Круглый леток диаметром 32 мм был рассчитан как раз для мелких насекомоядных птиц. Скворцы в эти гнездовья залезть не могли, домовые воробьи тоже для них толстоваты, так что эти два сильных конкурента, господствующих в деревне, отпадали. Но остался еще третий соперник лесных птиц дуплогнездников — полевой воробей. Размерами он практически с большую синицу, и, куда может залезть она, протискивается и он. И все мои дуплянки заняли полевые воробьи. С ранней весны эти ящики были так плотно забиты сухими травинками — гнездовым материалом воробьев, что в них некуда было сунуть

У полевых воробьев самец и самка окрашены одинаково.

носа не только синицам, но и поздно прилетающим мухоловкам и горихвосткам.

Мы не всегда в силах заставить жить возле себя лесных птиц. Единственное, на что можно рассчитывать, вывешивая гнездовья в деревне, это поселить в огороде либо скворца, либо домового, либо полевого воробьев. Из этой троицы можно выбирать по вкусу любого, изменяя отверстия летка. Гнездовья с самым маленьким летком, диаметром 32 мм, занимает полевой воробей. В отверстие побольше, диаметром 35 мм, проникает домовый воробей и не пускает сюда более мелкого и слабого полевого. Леток 45—50 мм в диаметре доступен скворцу. Воробьям сюда уже нет дороги. Если они и заняли такие домики рано по весне, то все равно скворец в апреле выбросит оттуда их пожитки. А вся эта троица вместе не дает поселиться в дуплянках возле домов хрупким насекомоядным лесным птицам. Воробьи прогоняют их даже в тех случаях, когда и сами здесь не живут.

Однако справедливости ради надо сказать, что полевые воробьи, заняв синичники, частично компенсировали нанесенный ими моральный ущерб тем, что собирали в огороде вредных насекомых. Грядки и садовые насаждения служили для них единственным местом, где они добывали корм птенцам.

Молодые воробьи вылетают из гнезд чуть раньше, чем скворцы. В начале июня бестолковые слетки гонялись по кустам и грядкам за своими деловитыми родителями. Спустя немногим более недели воробьята стали самостоятельными, а взрослые, не теряя времени, приступили к ремонту гнезда, брачным церемониям и откладке новых яиц. В июле синичники покидали уже вторые выводки воробьят. Огород кишел этим народцем. Молодежь восседала на заборе, на кустах, пряталась в траве. Но надо отдать им должное — поспевающие ягоды садовой земляники никто из них не клевал — они почему-то им не по вкусу.

Неожиданно интересным для [illegible] оказалась чистка гнездовий в конце лета. Каких [illegible] не было там перышек — и белых, и серых, и даже р[illegible] от вальдшнепа! Среди них нашлась и ярко-синяя шелковая тряпочка. Содержимым каждого гнезда моя пятилетн[illegible] играла в течение целого дня. Всюду обнаруживался [illegible] сокровищ, накопленных изобретательными птицами и оцененных детским воображением. Синичники использовались воробьями и зимой, как место для ночлега. К следующей весне они оказались вновь доверху забитыми гнездовым материалом. И в каждом в центре шара из сухих травинок было сделано мягкое уютное гнездо из шерсти и пушистых перьев.

В классических руководствах по привлечению птиц в сады рекомендуется, кроме искусственных гнездовий, создавать специальные водопои, где наши пернатые друзья могли бы пить и купаться. Самое простое — это корытце с водой, в котором плавает доска для присады или имеется специальный трапик. Лучше всего делать бетонированный мелкий бассейн. Для нашего Заболотья разговор о специальном водоеме может показаться чрезвычайно странным. Мало того, что с обоих краев нашей деревеньки имеется по небольшому озерцу, еще и в ложбине возле колодца почти все лето стоит вода, а на короткой улице не просыхают две солидные лужи. В одной из них наверняка завязла бы легковая машина, если бы ей удалось сюда доб-

ряться по тем сырым дорогам, которые связывают нас с шоссе и по которым рискуют ходить только трактора.

И все-таки весной я принялась делать водопой. Под яблоней была вырыта неглубокая ямка чуть побольше полуметра диаметром. Мы застлали ее куском полиэтиленовой пленки, на которую уложили чистые камешки. Наполненная водой, эта ямка оказалась довольно приятной на вид прозрачной лужицей. Один из ее берегов был сделан совершенно пологим, так что мелкие птицы могли подойти к воде, не замочив серышки на брюшке. Я постоянно следила за тем, чтобы вода в лужице была чистой, и через неделю или две ее меняла.

Поначалу мой водопой успехом у птиц не пользовался. Они предпочитали купаться в пыли, а пить из луж. Но как раз пыль в нашей деревне, окруженной болотами, была большим дефицитом. А она птицам очень нужна. Считается, что пылевые ванны помогают регулировать [illegible] жиров в оперении. В этой связи внимание воробьев [illegible] мои грядки. Вскопанная и разрыхленная почва в с[illegible]ду сверху быстро подсыхала. Птицы с упоением купались в ней, делая множество аккуратных лунок.

Но в середине июня воробьи обратили внимание и на водопой. А через месяц маленькая искусственная лужица стала очень популярной. В течение дня там постоянно плескалось или пило несколько птиц. Однако и про купание в пыли они не забывали. Стоило прополоть грядку, как воробьи приступали к ее рыхлению. Птицы как бы плавали по сухой земле, упираясь в нее грудкой и взмахивая крылышками. Всюду появлялись круглые глубокие ямки, как будто кто-то усердно и долго бросал мячик о землю. За короткий срок таким образом воробьи вырыли почти всю рассаду капусты.

Когда наступили жара и сушь, воробьи в нашем огороде наслаждались жизнью. Пляжем для них была опустошенная грядка капусты. Каждая из птиц подолгу лежала в своей ямке, взбивая крыльями песок, так что над ней поднималось легкое облачко мелкой пыли. Птицы поворачивались в ямке то по часовой стрелке, то в обратную сторону. Некоторые брали

Домовый воробей ранней весной первым занял скворечник, но прилетающие позже скворцы наверняка выставят его вон.

ратися по тем сырым дорогам, которые связывают нас с шоссе и по которым рискуют ходить только трактора.

И все-таки весной я принялась делать водопой. Под яблоней была вырыта неглубокая ямка чуть побольше полуметра диаметром. Мы застлали ее куском полиэтиленовой пленки, на которую уложили чистые камешки. Наполненная водой, эта ямка оказалась довольно приятной на вид прозрачной лужицей. Один из ее берегов был сделан совершенно пологим, так что мелкие птицы могли подойти к воде, не замочив перышки на брюшке. Я постоянно следила за тем, чтобы вода в лужице была чистой, и через неделю или две ее меняла.

Поначалу мой водопой успехом у птиц не пользовался. Они предпочитали купаться в пыли, а пить из луж. Но как раз пыль в нашей деревне, окруженной болотами, была большим дефицитом. А она птицам очень нужна. Считается, что пылевые ванны помогают регулировать содержание жиров в оперении. В этой связи внимание воробьев привлекли мои грядки. Вскопанная и разрыхленная почва в ясную погоду сверху быстро подсыхала. Птицы с упоением купались в ней, делая множество аккуратных лунок.

Но в середине июня воробьи обратили внимание и на водопой. А через месяц маленькая искусственная лужица стала очень популярной. В течение дня там постоянно плескалось или пило несколько птиц. Однако и про купание в пыли они не забывали. Стоило прополоть грядку, как воробьи приступали к ее рыхлению. Птицы как бы плавали по сухой земле, упираясь в нее грудкой и взмахивая крылышками. Всюду появлялись круглые глубокие ямки, как будто кто-то усердно и долго бросал мячик о землю. За короткий срок таким образом воробьи вырыли почти всю рассаду капусты.

Когда наступили жара и сушь, воробьи в нашем огороде наслаждались жизнью. Пляжем для них была опустошенная грядка капусты. Каждая из птиц подолгу лежала в своей ямке, взбивая крыльями песок, так что над ней поднималось легкое облачко мелкой пыли. Птицы поворачивались в ямке то по часовой стрелке, то в обратную сторону. Некоторые брали

Домовый воробей ранней весной первым занял скворечник, но прилетающие позже скворцы наверняка выставят его вон.

На кормушке для птиц домовый воробей появляется первым, и самые лакомые кусочки достаются ему.

в клюв длинную травинку, перекусывали ее на отрезки помельче, как будто начиная строить гнездо. Навалявшись в пыли и нагревшись, все летели к водопою и долго и много пили. Затем они купались в воде, а потом летели сушиться в горячем песке. Птицы терлись о землю шеей, вертелись и посыпали себя пылью, поднимая ее в воздух при помощи ног и крыльев. К полевым воробьям присоединялись и домовые. Более сильные по сравнению со своими собратьями, они не упускали случая продемонстрировать свое превосходство. Безо всякой необхо-

...имости — места хватало всем — они прогоняли полевых воробьев из сделанных теми лунок, чтобы занять их самим.

Нельзя сказать, что воробьи нам очень досаждали. Хотя во время отдыха на грядках птицы и повреждали рассаду, при добывании корма они были на высоте. Весной полевые воробьи потрошили на яблонях бутоны и цветки, в которых скрывались жуки-цветоеды. Затем птицы переключились на отыскивание зеленых гусениц. Постоянно можно было видеть одного или нескольких воробьев, внимательно осматривающих соцветие за соцветием. На выполотых грядках птицы ловили муравьев. Эти насекомые, лелеющие тлю в огороде, не пользовались у меня любовью.

Когда я перекапывала землю, воробьи с большим интересом заглядывали прямо под лопату. Казалось, протяни я им выкопанную личинку жука-щелкуна на ладони, они не откажутся взять ее, чтобы поскорее отнести птенцам. Как только я начала работу, птицы тщательно обследовали всю грядку. А один из смекалистых воробьев приноровился охотиться за мелкими насекомыми в теплице, куда прилетало множество различных мух, а также бабочек-белянок. Многие насекомые не могли найти выход назад в раскрытые двери и бились о прозрачную крышу, пытаясь улететь вверх. Некоторые из них, выбившись из сил, падали на землю. Первый раз и сам воробей оказался в таком положении. Он долго метался по теплице из угла в угол в поисках выхода. Но уже через несколько дней пара воробьев научилась залетать и спокойно вылетать наружу через открытые двери. Они стали «пастись» в теплице целыми днями, а через неделю переселили поближе к этому месту и птенцов. Желторотые воробейчики сидели на ветках яблони и ждали, когда из-под пленки вынырнут их родители с пучком насекомых в клюве.

В наш огород прилетали не только те воробьи, которые гнездились возле дома, но и более дальние поселенцы. В тот год, когда у аистов жизнь сложилась благополучно, многие домовые воробьи оказались надежно пристроены. Они соорудили себе комфортабельные квартиры между прутьями аистиного гнезда. Кроме того, несколько пар домовых воробьев жило под шиферной крышей льносушилки. Одной из них приглянулся наш участок, и взрослые летали сюда собирать насекомых для птенцов. Они добывали долгоносиков, которые наносили

10-2701

большой вред землянике. Жуки питались на краях верхних листьев, и коротконогим воробьям с земли до них было не дотянуться. Однако при возникновении опасности насекомые всегда стремились спрятаться у основания стеблей. Когда я пробовала собрать долгоносиков с растений, они, увидев протянутую к ним руку, мгновенно поджимали лапки и падали вниз. Чтобы спугнуть жуков, воробьиха использовала свой метод. Она бросалась сверху на плотный земляничный куст и, едва держась на нем, махала крыльями, стряхивая насекомых. Затем птица опускалась на землю и собирала жуков. Увидев, как стараются воробьи, я срочно прополола и расчистила грядку, чтобы птицам было удобно по ней передвигаться.

Домовые воробьи, случалось, ловили в огороде и майского жука. Но эта добыча для них явно крупновата и защищена слишком твердым покровом. Птицы подолгу таскали насекомое с грядки на грядку, примериваясь поудобнее устроиться, чтобы наконец его съесть.

Воробьи в деревне выполняют, как бы роль кошки в доме. Находясь в общем-то в значительной степени на иждивении человека — ведь зимой они выклевывают у кур и на помойках,— летом воробьи лакомятся «свежим мясом», добывая насекомых в огородах. В эту пору они завоевывают расположение к себе, и оно вполне оправданно.

Однажды во время долгого и кропотливого занятия по прополке грядки моркови я с удовольствием наблюдала за семейством домовых воробьев — мамой с тремя детьми. Слетки спокойно сидели на изгороди, а воробьиха искала и носила им насекомых. Такое зрелище не может не радовать владельца огорода. Да и желторотые воробьята очень симпатичны. У них какой-то особенно простоватый вид, и, кроме того, они исключительно терпеливы. В отличие от многих пернатых их возраста, они редко поднимают шум, требуя, чтобы их скорее покормили. Правда, к их матери трудно было предъявить претензии. Она работала без устали, собирая на этот раз насекомых на облепихе. Здесь она охотилась примерно таким же способом, каким добывала жуков на грядке земляники. Тяжело

Вырослие возле дома молодые домовые воробьи становятся завсегдатаями в саду и в огороде.

Желторотый воробышек по-своему красив.

и часто махая крыльями, птица, как бы падая, опускалась на концевую веточку куста. Наскоро осмотрев листья, она поспешно летела вниз, чтобы подобрать упавших насекомых с земли. И так воробьиха тщательно осматривала и отряхивала ветку за веткой. То и дело самка относила добычу птенцам — это была какая-то мелочь, в том числе и тля. В ожидании корма птенчики чистились, дремали, и только иногда кто-нибудь из них начинал гнусавым голоском, не похожим на воробьиное чириканье, напоминать матери, чтобы она не забывала и о нем.

Эту идиллию нарушила небольшая пестрая соседская ко-

...ечка. Распластавшись по земле, она начала неслышно подкрадываться к птенцам. Но воробьиха-мать вовремя заметила опасность. Подняв крик, она не замолкла до тех пор, пока кошка, потеряв терпение, не ушла. Хищник имеет шанс поймать слетков только в том случае, если родители его не заметят и не предупредят птенцов. Но взрослые следят за обстановкой вокруг очень внимательно. Домового воробья ручной хищник не проведет.

Осмотрев два куста облепихи, самка последовала со своим выводком на молодую яблоню. Здесь она действовала так же:

Самка домового воробья отыскивает на кормушке крошки помягче и, набрав их полный рот, несет детям

Нетерпеливый птенец летит на кормушку следом за матерью.

отряхивала ветку и подбирала сброшенных насекомых. Закончив столь полезное для сада занятие, воробьиное семейство опустилось на только что вычищенную мною грядку и принялось весело купаться в земле, приминая тонкие всходы моркови...

Когда окончательно подросли птенцы второго выводка, воробьи из нашего огорода исчезли. В эту пору на пустырях стали поспевать семена лебеды, на поле входил в стадию молочной спелости овес. Воробьи объединились в одну стаю, стали осторожны и деловиты. Удивительно, что, перестав нуждаться в нашем обществе, они как-то враз одичали. Птицы даже не посещали кормушку для кур у соседей. Ночевали они теперь всей стаей в кроне высокой черемухи за огородами и купались не в моем водоеме, а в мутной луже на дороге. Во время купанья они вели себя шумно, озорно, как мальчишки в мелкой речке. Сразу несколько десятков птиц, стараясь не отстать друг от друга, залезало в воду и начинало плескаться так,

...кто брызги летели во все стороны. Затем купальщики, часто ...кая мокрыми крылышками, взлетали на ближайшую яблоню ...и долго там чистились, просушивая на солнышке намокшие ...перья. Почти до самых холодов прожили воробьи такой само-...стоятельной, независимой от людей жизнью.

К осени как бы на смену воробьям в деревню прилетели зябли-...ки. В августе их можно было встретить всюду — на полях, на ...дорогах, в огородах. Мелкими скачками передвигались птицы ...по опустевшим грядкам и клевали осыпавшиеся семена сорня-...ков. В это время мой водопой стал пользоваться особым спро-...сом. Там купались зяблики и мухоловки, пили щеглы ...и голуби.

Однако после того, как скосили лен, зяблики покинули ...огороды и перелетели на огромные поля. Стеблям льна поло-...жено долго лежать на земле ровными гладкими рядами. Из-...далека поле в эту пору напоминает [illegible] невымытый некрашеный

В жаркий день на искусственном [illegible] прилетает попить и ис-купаться зяблик.

деревенский пол. Хоть семена у льна во время уборки сразу обмолачиваются, небольшое количество их остается на растениях, так что птиц ожидает праздничный стол. Но время посещения деревни и полей стаями зябликов столь же коротко, как и бабье лето. Когда начинает дуть безжалостный северный ветер и небо затягивается серыми тучами, птицы исчезают, как будто их уносит ветром. И тогда свое место у домов и огородов занимают наши неизменные спутники воробьи. Непогода заставляет их вспомнить о крове и пище, которые они могут получить теперь только возле людей.

ПОЛЕ

Наша маленькая деревушка окружена небольшими полями, которые примыкают почти к самым домам. Одно из них начинается сразу за пригорком, на котором стоит наша изба. Вскопанная и ухоженная земля почти все лето служила многим птицам как бы большой кормушкой. Скворцы отыскивали там гусениц совок. Сизые голуби и воробьи собирали оброненные семена. Вяхири и горлицы подбирали вымытые дождем из земли после сева овес и подсолнечник. Здесь же иногда появлялась и торопливо кормилась кряква. Частыми гостями на поле была пара журавлей. Первый раз они прилетели тем вечером, когда закончился сев. С явным удовольствием прогуливаясь по ровной земле, иногда пританцовывая, птицы принялись собирать овес.

Журавли стали появляться на засеянном поле регулярно — и утром и вечером около восьми часов. Здесь они кормились, отдыхали, чистились. Как и аисты, журавли стали нашими, почти деревенскими птицами.

Поле служило не только местом кормежки для живущих в деревне, в лесу и на болоте пернатых. Для некоторых видов оно стало домом. Самым заметным из постоянных жителей оказался чибис.

Долгие годы я мечтала о том, чтобы сфотографировать кречетку, белохвостую пигалицу, шпорцевого чибиса. Я гонялась за ними по степям Казахстана, поймам рек Средней Азии. Эти экзотические кулики представляют немалый интерес для зоолога. И вот наступило время, когда я не смогла больше ездить в далекие жаркие страны и поселилась в двухстах

На краю деревни начинается чистое зеленое поле.

километрах к югу от Ленинграда. Здесь я вновь увидела знакомых с детства, обычных птиц. Оказалось, что они не менее интересны, чем пернатые Туркмении, Таджикистана, Каракалпакии. Взять хотя бы обыкновенного чибиса — родственника пигалицы и кречетки. Птица эта еще более красива и изящна.

Небольшая головка у чибиса украшена хохолком из нескольких перышек, два боковых из них длинные, как рожки. Когда птицы волнуются, то, шевеля кожей головы, поднимают хохолок. Глаза у чибиса большие, выпуклые, черные, а клюв

короткий, не такой, как у большинства куликов. Ноги у них тоже недлинные — не для болота, а для сухих мест. Издалека заметнее всего черное пятно на зобу, которое особенно контрастно выделяется на фоне ослепительно белого брюшка. Спина у чибисов блестяще-зеленая, как у жука-златки, но на расстоянии кажется темной, почти черной. Щеки и затылок у птиц светлые, и, когда они поворачиваются к вам спиной, по бокам головы становятся видны два темных пятна, напоминающих глаза, и кажется, что это не затылок, а «лицо».

Самец раскрашен, как и самка, только все цвета гораздо сочнее. Белый цвет у него белоснежный, а черный удивительно глубок. В целом же наряд самца, построенный на контрастах, ослепителен.

Пара этих щеголеватых куликов появилась на поле 19 мая сразу после того, как обработали землю. В прошлые годы, когда на этом месте росла тимофеевка, кулики не гнездились. Им мешала высокая и густая трава, отрастающая уже весной. Теперь старый травостой запахали, пространство вокруг стало легко обозреваемым, и чибисы решили здесь обосноваться. Выбрав сухую возвышенную часть поля, для начала они принялись гонять ворон. Те прилетали сюда по одной собирать просыпи зерна. В соседнем лесу у них было гнездо, отлучаться сразу вдвоем они не могли, поэтому не имели возможности и объединиться для нападения на чибисов. В воздухе этот кулик сильнее и энергичнее врановых, и вскоре вороны научились облетать занятое чибисами пространство. Птицы активно токовали. Самец с криком «тюйить, тюйить» летал над полем, красиво накреняясь, как бы припадая то на одно, то на другое крыло. Хотя гнезда у него еще не было и беспокоиться ему пока было не о чем, он яростно бил то ворону, то сороку, которая тоже гнездилась в кустах неподалеку. Войдя в раж, кулик налетал с воздуха даже на ходящих по полю журавлей, так что те вынуждены были нагибаться. Однажды один из журавлей, не на шутку рассердившись, сам побежал за чибисом, вытянув шею, как гусак.

Погоня за потенциальными врагами своей будущей кладки

Чибисы заселили поля на Псковщине всего несколько десятков лет тому назад.

и птенцов входит у чибисов в ритуал тока. Здесь можно показать свою удаль, дать выход бурлящей энергии. Под натиском нового «землевладельца» ворона сутулилась, прятала голову, сорока же подскакивала и пробовала вступить в драку. Ток у чибиса продолжался и на земле. Птица склоняла голову, поднимала хвост, немного распускала крылья и топталась на месте, делая вид, что строит гнездо.

Однажды чибисы подняли переполох: на поле появился посторонний самец. Владелец участка бросил все дела, даже забыл про ненавистную сороку и весь день с криком гонял соперника. У новичка не было пары, поэтому хозяину территории надо было защищать не столько свой участок, сколько право на свою с[illegible]. Целый день потратил он на то, чтобы прогнать «жениха». Вообще-то чибисы довольно уживчивы между собой и могут гнездиться неподалеку друг от друга. Насколько выгодно данному виду куликов поселяться группами, анализируется в одной из последних работ канадских исследователей. Эксперименты с искусственными гнездами показали, что чибисы успешно защищают от ворон территорию вокруг гнезда радиусом 30—50 метров. Поэтому, если гнездо соседа расположено ближе этого расстояния, они будут прогонять пернатых разбойников и от его кладки, а тот, в свою очередь, будет охранять их. Однако, как отмечает автор, гнездование плотными поселениями, спасая куликов от ворон, в то же время делает их более уязвимыми для наземных хищников. Гнездящихся на земле близко друг от друга птиц легко обнаруживает лисица.

К концу мая поле покрылось редкой щеточкой всходов овса. Чибис больше стал токовать на земле. Он облюбовал маленькую кочку. Присев на нее, он поворачивался из стороны в сторону, подбирал клювом тоненькие корешки, которые мог достать, не сходя с места, и укладывал их перед собой. Часто самец принимал особую позу: голову склонял к самой земле, хвост поднимал свечкой вверх и совершенно преображался. Он как бы превращался в высокую тонкую белую птицу с рыжей головой — такой цвет имеет его подхвостье. Так чибис старался удивить избранницу своим необычным видом, чтобы понравиться ей,— к подобному способу прибегают многие птицы.

Пока чибис демонстрировал свою боевую мощь и красоту, самочка вела себя очень скрытно. В случае какой-нибудь тре-

Трудно заметить самку чибиса, сидящую на гнезде посреди поля.

воги — например, если вдоль поля проходил человек,— она, крадучись, пригнувшись, убегала, стараясь прятаться за бугорками и держаться к потревожившему ее прохожему спиной или боком, чтобы не показывать белое брюшко и сливаться с землей.

И вот наконец 2 июня мне удалось рассмотреть со своего порога в бинокль, что самка чибиса села на гнездо. Оно оказалось совсем не там, где демонстрировал свои строительные способности самец. Птицы устроились почти на самой

середине поля, на бровке, где дождевая вода не задерживалась даже в ливень и откуда хорошо было видно все вокруг. Мелкая ямка была выстлана сухими травинками. Пока не появилась полная кладка — четыре яйца, как и положено куликам,— чибисы появлялись на гнезде только вечером. Днем самка улетала кормиться к луже на краю поля, а самец все время расхаживал поблизости от своего жилья. С удвоенной энергией он гонял со своего участка сорок, ворон и журавлей. Другие же пернатые, например голуби, могли безнаказанно кормиться близко, почти рядом с гнездом. Значит, кулики знали, что эти безобидные зерноядные птицы не причинят вреда их кладке.

С 4 июня у гнезда чибисов стало тихо. Прежней шумливости и показной [illegible] самца как не бывало. В его фигуре постоянно чувствовалось [illegible] напряжение и тревога. В это время началось сильное [illegible] оперение, выходы отрастали медленно, и насиживающую самку было видно издалека. Непросто находиться на гнезде посреди ровного открытого поля. С одной стороны, это хорошо — никто не подойдет незаметно, но зато возникает много поводов для волнений. Если, например, житель лесов рябчик сидит, скрытый травой под кустом или деревом, полной невидимкой и не слетает с гнезда, пока над ним не занесешь ногу, то чибис поднимается свечкой, завидев человека в ста метрах. Когда кто-нибудь из соседей работал в огороде, который граничил с полем, чибис не насиживал кладку. А вокруг, в довершение хлопот, зловеще каркали вороны. У них уже вылетели из гнезда воронята. Подростки, которые казались большими и тяжелыми, сидели почти целыми днями на пахоте, ожидая прилета родителей с кормом. Всем им, конечно, чибисиная кладка представлялась большим лакомством. Для опыта я положила на краю поля, вне гнездового участка чибисов, свежее куриное яйцо. На второй день серые хищницы его утащили. Их прельстила даже имитация чибисиных яиц — яйца, сделанные мной из теста, высушенные и покрашенные в зеленовато-голубой цвет. Все яйца, которые лежали за пределами охраняемой чибисами территории, вороны находили и уносили подальше, чтобы полакомиться ими без свидетелей.

К счастью для чибисов, вороватые соседи уже заранее привыкли к тому, что на их участок нельзя совать носа. Взрослых сорок и ворон, которые пробовали приблизиться, самец

Низкие всходы овса не дают тени. В солнечный день чибису на гнезде очень жарко.

немедленно прогонял. На двух молодых ворон, сидящих на поле в тридцати метрах от чибисиного гнезда, хозяева не реагировали, но и те знали свое место и не переступали запретную черту. Но вот однажды к чибисиному гнезду направилась ворона, видимо, прилетевшая сюда со стороны. Она шла по полю пешком. Наши чибисы и третий, откуда-то взявшийся на подмогу, с криком напали на непрошеную гостью. Атакуя с воздуха, они били ее по спине. Ворона пробовала защищаться и неко-

торое время еще упорно продвигалась вперед, пряча голову при налетах, но в конце концов не выдержала и улетела.

Чибис большую часть дня нес свою вахту на краю поля, наблюдая за порядком. Изредка он сменял самку на гнезде. Эти кулики бегают по земле удивительно быстро. К гнезду они обычно приближаются как бы толчками — пробегут, остановятся, опять пробегут. Вечерами самка сходила с гнезда и быстрым шагом прогуливалась по полю, на ходу хватая и заглатывая насекомых.

Летние дни в наших широтах редко бывают жаркими, но как только показывалось солнце, самка чибиса, сидящая на гнезде, раскрывала клюв и приподнимала перья, как кречетка, насиживающая кладку в знойных казахстанских степях. Слой перьев на теле птиц — прекрасный термоизолятор. Ученые обнаружили, что перья даже более эффективны в этом отношении, чем шерстный покров. Ведь млекопитающие в особенно жаркий день не в состоянии снять с себя меховую одежду, правда, значительно облегченную к лету, а птицы в какой-то мере могут это сделать, приподняв перья. Охлаждению в этом случае значительно помогает испарение влаги через кожу.

Жаркими днями чибисиха любила купаться в луже на краю поля. Она плескалась там долго и так энергично, что брызги летели во все стороны. После водной процедуры птица тщательно чистилась, прежде чем направиться к гнезду. Возвращаясь, она первую часть пути летела почти бесшумно, как бабочка, а затем, опустившись метрах в десяти от гнезда, быстро бежала к нему. Насиживая кладку, самка засыпала или принималась чистить перышки. Самец подменял супругу на гнезде с явной неохотой. Он предпочитал нести охранную службу, стоя в двадцати-тридцати метрах от гнезда. Самка иногда подзывала его очень нежным говорком, похожим на блеяние ягненка и слышным только вблизи.

Овес быстро отрастал. Он уже почти скрывал чибисов, особенно когда кто-нибудь из них бежал к гнезду, пригибая голову. На других полях чибисы, у которых рано вывелись птенцы, начали собираться в стаи. А наши кулики все еще насиживали кладку. И наконец, через 27 дней после того, как было снесено первое яйцо, у них начали вылупляться птенцы. В двух яйцах сбоку, поближе к тупому концу, появились дырочки, в третьем яйце дырочка образовалась с тупого конца.

Вернувшись на гнездо после купания, самка подолгу чистит перышки.

…а четвертом еще только появ… трещинки. В этот день …а поле разбрасывали удобрения. С утра до вечера прямо по …ахоте ездили на лошадях … К счастью, на чибисиное гнездо не наступили и не наехали. Правда, родители почти весь день не могли вернуться к кладке. Но погода была теплая, и вылупление птенцов прошло нормально. На другой день в гнезде осталось только одно яйцо, в котором птенец уже разбил скорлупу, но вылезти еще не мог. Когда я подошла посмотреть, что там происходит, этот птенец громко и жалобно запищал. Рядом с ним сидел уже сухой птенчик, загаясь на дне гнезда. Отличаясь от младшего брата по возрасту менее чем на один день, он уже знал правила поведения и при тревожных криках родителей лежал молча. Два других чибисенка при появлении опасности ушли из гнезда и спрятались где-то неподалеку. Я не стала их искать и, осторожно ступая, чтобы нечаянно их не раздавить, удалилась.

Через день все птенцы покинули гнездо и в сопровождении родителей стали кочевать по полю. В густом высоком овсе

7.11-2701

увидеть птиц было невозможно даже на близком расстоянии. Но стоило человеку показаться только на краю деревни, даже не выходя на дорогу, как взрослые чибисы поднимали громкий крик и взлетали в воздух. Голос у них теперь совсем изменился. Стал он пронзительным, похожим на визг или стон, и несколько напоминал голос канюка. «Иииии»,— кричали они по разным поводам, постоянно беспокоясь за детей. Возле птенцов родители шумели почти без передышки — такой уж у этих куликов неуравновешенный характер. Прислушавшись, всегда можно было справиться, в каком месте находится выводок. Утрами птицы посещали мочило возле деревни, где все лето сохранялась вода. Вечером они перебирались на противоположный край поля. А через две недели птенцы покидали наши места. В [illegible] птицы увели их на соседний большой массив [illegible]. Перед тем как перейти пустынную проселочную [illegible] волновались несколько часов.

Хотя крикли[illegible] со своим семейством ушли, наше поле не опустело. [illegible] день сюда летали журавли. Нигде не приходилось мне встречать таких доверчивых журавлей, как на Псковщине. Они расхаживали всего в шестидесяти метрах от домов. Это были молодые птицы. Задняя часть темени и затылок были у них еще только с чуть заметным красным оттенком. Так же, как и аисты, появившиеся у нас в первый год, это были еще не гнездящиеся особи, но уже будущая супружеская пара. Они были очень привязаны друг к другу, всюду следовали вместе, и действия их были четко согласованы. Когда одна из птиц собирала семена, нагнувшись к земле, вторая смотрела по сторонам, вытянув шею. К вечеру журавли, стоя неподалеку друг от друга, начинали перекликаться. Один крикнет, второй ответит: «кур-лы, кур-лы». Получалась красивая трубная песня. Исполняли ее птицы высоко подняв голову, вытянувшись в струнку, громко, тревожно и волнующе. Покричав так, они улетали куда-то на свое облюбованное болото.

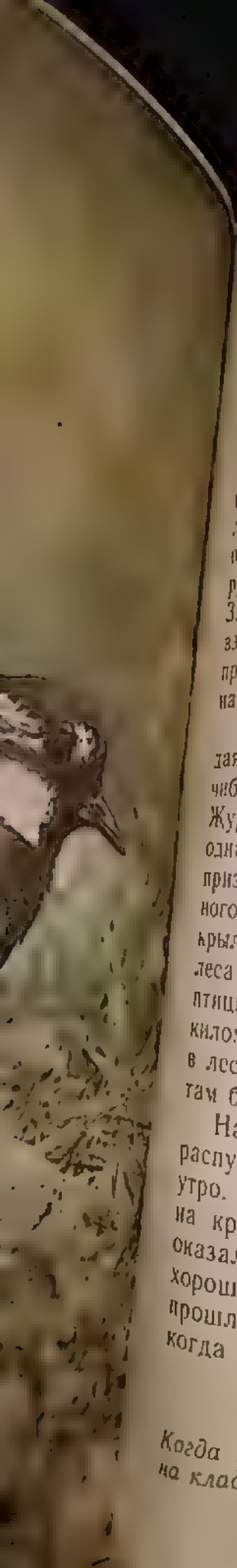
Хотя всходы овса поднялись высоко, журавлям удавалось найти еще не проросшее зерно, лежащее на поверхности. Для этого им приходилось теперь подходить совсем близко к деревне, где семена до сих пор не были собраны птицами. Когда я выходила на бугор, они не улетали, а только переставали

Устав сидеть на гнезде, самка принимается звать на смену самца.

есть. Правда, чтобы не слишком пугать птиц, я не удалялась от домов, к которым они совсем привыкли.

Летом журавли куда-то исчезли, во всяком случае, больше не попадались на глаза. А в августе они стали выходить по утрам на дальнее скошенное поле тимофеевки возле болота. Здесь для утренней переклички собиралось две пары. В тумане их прекрасные диковатые голоса разносились на всю округу, будя безотчетную тревогу. В начале сентября можно было услышать многоголосое, какое-то глуховатое курлыканье — это пролетала над деревней цепочка журавлей, около двадцати птиц. Они отправлялись на поиски полей, с которых скосили овес и где можно было вновь найти просыпанное зерно. Теперь в поисках кормных мест птицы кочевали не в одиночку, а стаей.

Почти каждый день в сентябре на большое моховое болото, где росла клюква, отправлялись за ягодами женщины из окрестных деревень. К середине месяца клюква была почти вся собрана людьми. А ведь это журавлиная ягода, как ее назы-



вают поляки. В северных районах она служит журавлям основным кормом и осенью, и весной. Но оказалось, что птицы не прогадали. В их распоряжении оставались поля. После того как заканчивается сев озимой ржи, человека здесь не встретишь. Я случайно попала на такое поле, расположенное далеко от деревень и окруженное лесом. Семена уже начали всходить. Дождей не было несколько дней, и любые следы рельефно выделялись на мягкой земле. Она вся была исхожена журавлями. Ну что ж, если птицам не досталось клюквы на болоте, они могут подкрепиться семенами ржи, просыпанными щедрой рукой тракториста. Сытный корм привлек на поле многих птиц. Здесь неторопливо расхаживали жирные вяхири, с обочины взлетело семь тетеревов. Пусть люди подобрали всю клюкву, предназначенную природой птицам, те прокормятся теперь и на полях!

На другой год на «наше» поле стала отрастать молодая тимофеевка. Щетка трав, хотя и невысокая с весны, чибисам пришлась не по вкусу. Здесь они больше не жили. Журавлям в таком месте тоже нечего было делать. Только однажды утром залетела сюда одинокая птица. Прежде чем приземлиться, она на низком планирующем полете без единого взмаха крыльев пересекла все поле. Резко затормозив крыльями, журавль опустился на землю и начал кричать. Из леса ему отвечало эхо, и казалось, что перекликаются две птицы. Издавая громкие призывные крики, журавль прошел километра два, пересекая одно поле за другим, а затем улетел в лес к бобровой запруде. Похоже, что у него в этом сезоне там было гнездо.

Наше поле теперь перешло во владение тетерева. В мае, распустив черный хвост, он самозабвенно бормотал каждое утро. Уж не наших ли курочек-рябушек он заманивал к себе на край леса? Для тетерева ровное поле с низкой травкой оказалось очень удобным. Здесь и его было видно, и он мог хорошо оглядеться, да и ноги не путались в длинных стеблях прошлогодней травы, как на лесных полянах. В конце мая, когда тимофеевка подросла и стала мешать петуху смотреть

Когда приблизилось время вылупления птенцов, чибис стал садиться на кладку очень осторожно.

Прошло больше двух месяцев с того времени, когда на поле весной прилетела пара чибисов, и вот теперь здесь разгуливают чибисята-подростки, подобные этому

вокруг и показывать себя, он переместился со своего постоянного места на только что распаханный участок с края. Отцвели уже одуванчики на лугах, и полысели их белые пушистые головки, а одинокий тетерев продолжал усердно токовать, поглядывая на нашу деревушку. Каждое утро в восемь часов он вылетал на поле, как на работу. Так продолжалось до конца мая. Июнь—июль тетерев не показывался, а третьего сентября солнечным утром, когда на траве появился легкий иней, косач опять бормотал возле поля, сидя теперь не на

поле весной
т чибисята-

постоян-
Отцвели
ушистые
ать, пог-
ь часов
лось до
ретьего
легкий
не ли

...ле, а на осине. В середине сентября, после того как поле было убрано и распахано, петух опять стал токовать на земле, на том самом месте, которое занимал весной. На фоне темной почвы он казался то белым, то черным пятном — в зависимости от того, поворачивался ли он к нам «лицом» или подпятым и распущенным веером хвостом. В золотые дни осени он чуфыкал, подскакивал и бормотал с утра до обеда. Было ясно, что теперь его сольный концерт не мог быть предназначен тетерке, которая в эту пору еще продолжает водить свой многочисленный выводок и вряд ли будет реагировать на призывы самца. Скорее всего эти песни и танцы выражали просто радость жизни в погожий день.

И на второй год тот же одинокий тетерев токовал на том же поле. Слышала ли его тетерка, нам неизвестно. Даже если самочка где-то и жила поблизости, то она уже давно должна была сидеть на кладке, а не разгуливать по пахоте. Правда, тетерев не выглядел [illegible] своим одиночеством. На поле он не только [illegible], но и отдыхал — купался в сухой земле и склевывал мелкие камешки.

Оказались мы свидетелями и печального случая. В начале осени, вскоре после того как открыли охоту, рано утром над деревней промчалась утка. Летела она очень быстро, но тяжело и низко. Птица опустилась на небольшое зеркальце воды расчищенного нами с ребятишками мочила в углу поля. Когда мы туда подошли, утка вылезла на берег, встала, широко раскрыв клюв, и зашипела. Оказалось, что она не могла больше лететь. Это был подранок. Она нашла силы, чтобы скрыться от охотника, но снова подняться в воздух не могла. К вечеру, когда мы пришли ее проведать, птица сидела все на том же месте, на берегу. Я покрошила хлеба, но утка не обратила на него внимания. Утром от нашей гостьи осталась лишь горстка перьев. А неподалеку появилась свежая кучка помета енотовидной собаки. Незадачливые сердобольные охотники, утешая себя за промах, считают, что не добытая ими птица остается живой. На самом же деле чаще всего она улетает с несколькими дробинками в теле и впереди ее ждет медленная и мучительная смерть...

Я не стала рассказывать об этом своим подопечным деревенским ребятишкам. Спрятав утиные перышки, я сказала детворе, что птица отдохнула и продолжила свой путь дальше.

Серый журавль, увидев людей, не улетает, а спешит отойти на край поля, к лесу.

Тетерев развлекает и себя, и нас, токуя посреди поля всю весну и осень.

Итак, на поле существует свой мир птиц. С его обитателями случались истории и грустные, и со счастливым концом. Там пел тетерев, прогуливались журавли, растили детей чибисы. По-видимому, поле привлекало птиц не меньше, чем травянистые лесные поляны.

ПЕРНАТЫЕ ШАКАЛЫ

Вся жизнь нашей деревни постоянно находилась под неусыпным контролем двух видов птиц — сороки и вороны. Пожа-

лей, никто из пернатых не проявляет такого повышенного интереса к человеку, как они. Даже воробьи кажутся более равнодушными к деревенским событиям. При этом все лето сороки и вороны существуют как бы за кадром и очень редко попадаются людям на глаза. Птенцов они выращивают в лесу. Сорока, правда, часто поселяется в нескольких сотнях метров от домов. Обычно ее массивное гнездо бывает хорошо упрятано в густых кустах, где люди не ходят.

В гнездовый сезон 1985 года сороки придвинулись поближе к деревне. Они устроили гнездо в кроне высокой черемухи на краю последнего огорода. Когда распустился лист, оно оказалось совсем скрытым от человеческих глаз. Но заклятые враги сорок — серые вороны прекрасно помнили об этом гнезде. Несколько раз они пытались похитить яйца или птенцов. Ворона как-то особенно грузно, как сильная хищная птица, опускалась на ближайшее к сороч[illegible]ерево. Хозяева прыгали по веткам совсем рядом с ней, бе[illegible]нно «кашляя» и не решаясь напасть. Ворона плотно при[illegible]ла перья. Ее поза выражала напряжение и готовность к отпору. И все-таки она улетала.

Однажды я заметила, что ворона возле леса на дороге орудует каким-то предметом. Она стучала им о землю и отщипывала кусочки. Дождавшись, когда птица улетит, я пошла посмотреть на это место. Там оставались пеньки перьев и клочки пуха с кожей. Воровка утащила все же сорочонка, но из «постороннего» гнезда, найденного в лесу.

Пока шло насиживание кладки и потом, когда птенцы были маленькими, «наши» сороки прилетали в деревню лишь рано утром и поздно вечером.

Июньские вечера необыкновенны. В десять часов солнце светит, но уже не греет, всюду тишина, но покоя не ощущаешь. Как будто что-то должно произойти в такой удивительный вечер. Белые ночи — это не ночь и не день, это какое-то чудо, волнующее чудо природы. Вот в такую пору в деревне появлялись сороки и вороны. Крадучись, они отправлялись проверять, не выбросили ли что-нибудь лакомое после ужина. Сорока подлетала к дому с той стороны, где не было

Массивное гнездо сороки становится невидимым, как только на дереве, где оно устроено, распустятся листья.

людей. Скрываясь за скатом крыши, она осторожно высовывала голову, чтобы посмотреть, что делается на другой стороне. Над коньком показывалась черная головка с бусинкой-глазом. Несколько минут птица наблюдала. Удостоверившись, что никто за ней не следит, она, прячась за деревьями, направлялась поискать что-нибудь съестное. У наших соседей сорока появлялась каждый вечер сразу после того, как все уходили в дом. Схватив со стола, где готовили корм для поросят, кусок вареной картошки, она спешила к своему гнезду.

Утром у этих птиц были другие заботы. Дождавшись, когда хозяйки подоят коров и поведут их привязывать пастись на лугу, сороки проверяли куриные гнезда. У нас эти воровки таскали яйца из хлева, залезая туда через разбитое окно. При этом мы ни разу не встречали птиц ни в хлеву, ни даже возле него. Но стоило завесить окна сеткой, как яйца пропадать перестали. От других «подозреваемых лиц» — кошек, собак и ежиков — сетка не могла бы спасти. Четвероногие могли проникнуть в хлев через щели под стеной.

Когда я сделала прикормочный столик для птиц в огороде, в первый же день его обнаружили воробьи. На второй день утром там, воровато озираясь, показалась сорока. А к вечеру туда забралась кошка. Тогда пришлось соорудить для сороки специальную кормушку. В землю был врыт тонкий столбик высотой около двух метров, а сверху на него прибита небольшая квадратная фанерка. Кошка на такую площадку теперь попасть не могла. Для сороки я выкладывала разные объедки со стола. Птица, конечно, сразу заметила кормушку, но не решалась на нее сесть два дня. За это время пищей завладели домовые воробьи. Наконец на столике появилась сорока. Я подошла к окну, чтобы рассмотреть ее получше. Этого было достаточно, чтобы осторожная посетительница тотчас меня заметила и стала очень боязливой, заподозрив подвох.

Только через несколько дней сквозь узкую щель плотно занавешенного окна я получила возможность наблюдать за сорокой беспрепятственно. Появление ее возле кормушки сопровождалось громкими криками скворцов, визгом ласточек, чириканьем воробьев, так что о нем можно было узнать, даже не наблюдая за кормушкой специально. Когда смотришь на эту птицу вблизи, поражаешься ее красоте. Белые брюшко и бока контрастно оттеняют черные с сине-зеленым блеском

В тесном изнутри гнезде-шаре сороке нелегко упрятать свой длинный хвост.

спину и голову. Длинный ступенчатый хвост особенно изящен, когда птица свешивает его, сидя на краю столика. Восхищению этим существом, по-моему, мешает одно обстоятельство — его обыденность. Я помню, как у меня трепетало сердце при виде саксаульной сойки в пустыне, с которой мне не приходилось встречаться никогда раньше. Я часами гонялась за этой птицей по раскаленным пескам, радовалась, найдя ее гнездо, переживала, обнаружив, что оно пустое. А сорока примелькалась — ведь она попадается на глаза каждый день, и чаще всего ее просто не замечаешь.

Самым большим лакомством для сорок были рыбьи потроха. Но не брезговали птицы и любой другой пищей: кусочками хлеба, вареной картошкой — всем, что оставалось от обеда. Очень забавно клевала сорока разваренную вермишель из супа. Она брала ее не кончиком клюва, а его основанием, повернув голову набок. При таком способе мягкие вермишелины не разваливались и попадали в клюв целиком. Наполнив подклювный мешок такой кашицей, сорока улетала к своему выводку.

В начале июня птенцы из гнезда у сорок уже вылетели, и родители увели их в ближайший лесочек. В конце июня сорочата окрепли, но лес еще не покидали. Они прятались там в кустах ивы и орали громко и суматошно, выпрашивая у родителей корм. А те очень бдительно охраняли их покой. Если вблизи показывалась ворона, сороки принимались стрекотать. Однажды я видела, как одна из сорок погналась за вороной, которая уже пересекала лес и не думая туда заглядывать. Хозяйка догнала не понравившуюся ей путницу уже над полем, резко поднялась вверх и стукнула ее в спину — чтобы неповадно было вороне гостье в следующий раз прогуливаться возле сорочат.

В начале июля, научившись хорошо летать, сорочата стали путешествовать по деревне вместе с родителями. Теперь взрослые птицы больше не прятались. Им уже не надо было бояться выдать место расположения своего гнезда или выводка. Короткохвостая молодежь спокойно восседала на крыше туалета, в то время как их родители рылись на помойке. А по утрам, когда на улице никого не было, все сорочье семейство расхаживало возле скамеек, отыскивая оброненные семечки.

Постепенно выводок сорок совсем одомашнился. Сорочата с подросшими длинными уже хвостами с шумом следовали за родителями, посещая дворы и огороды. Но эта идиллическая жизнь длилась недолго.

Однажды вечером на краю деревни раздались тревожные крики сорок. Я поспешила туда, уверенная, что увижу какого-нибудь хищного зверька. На высокой крыше большого сарая — льносушилки сидели четыре сорочонка и двое их родителей, а также несколько ворон. Все они со страхом смотрели на землю возле дороги под проводами. Там лежала мертвая молодая сорока. Птица была еще теплая. Кожа на брюшке у нее была желтая от жира, перья блестели, что свидетель-

Контрастная окраска оперения делает сороку заметной издалека.

ствовало о том, что она была хорошо упитана и здорова. Сколько я ни осматривала труп, никаких признаков болезни, которая могла бы послужить причиной ее гибели, я не нашла. Что произошло с птицей, мне так и не удалось узнать. Возможно, что ее убило током, когда она села на провод. Вероятно, замыкание может произойти и тогда, когда родители, сидящие на одном проводе, кормят птенца, устроившегося на другом проводе. Но главной бедой, сильно осложнившей сорокам жизнь, оказалось то обстоятельство, что их невзлюбили жители деревни, так как стали часто встречать возле грядок с поспевающей земляникой. Сосед наш рано утром вы-

стрелил по выводку у себя в огороде. Ни одной сороки он не убил, но испугал их изрядно. Вольготная и беззаботная жизнь у сорок кончилась. Их опять стало не видно и не слышно. Впрочем, надо сказать, что в весенне-летнюю пору и у сорок, и у ворон находится немало дел и в лесу. Остатки пищи со стола человека — еда не такая уж питательная, а в лесу можно разыскать деликатесы: яйца птиц, птенцов в гнездах, маленьких зайчат, да мало ли что еще.

В середине мая, пока не поднялась трава и не полностью распустились листья на деревьях, лес стоит прозрачный. Дроздам белобровику и певчему, которые начинают строить гнезда рано, приходится прятать их на молодых елочках или старых пеньках под нависающими ветвями соседних елей. Но эта маскировка не спасает от любителей полакомиться яйцами. За весну 1984 года я нашла более десятка гнезд дроздов, и все они рано или поздно оказывались разоренными. Кладки и птенцы уничтожались беспощадно как в тех гнездах, которые были хорошо видны, так и в тех, которые были незаметны.

Врагов у птиц немало. Шарит по гнездам куница. От нее не защищены даже те птицы, которые поселяются в дуплах, если диаметр входного отверстия позволяет изворотливой хищнице пролезть туда. Вероятно, добираются до многих гнезд и коты. Еще в глубокой древности человек приручил дикую кошку, для того чтобы она охраняла его жилище от грызунов. Но и до сегодняшнего дня эти животные, оказавшись безпризорными, склонны вновь дичать и находить себе пищу в лесу. Не раз, подходя со своей лайкой Чарой к нашей деревне, я замечала крадущегося по клеверищу рыжего кота. Увидев нас, он припадал к земле, так что из травы торчали только уши. Этот кот — беспризорник, но придерживается нашей деревни. Одну зиму, когда мы уехали, не закрыв подполье, он жил у нас в пустом доме. Но с приездом людей он начинал предпочитать деревне лес. Летом он чувствовал себя там в большей безопасности.

Чтобы выявить, кто разоряет гнезда птиц, орнитологи часто раскладывают в разных местах на земле или в искусственные гнезда яйца домашней птицы, например кур, иногда окрашивая их под цвет диких видов. Наблюдения, проведенные в Беловежской Пуще, показали, что гнезда, имитирующие глухариные, разоряли наземные хищники — енотовидная собака, куница,

Сорочонок покидает гнездо, почти не умея летать, но он может ловко лазать по веткам, хватаясь за них цепкими пальцами.

ласка, а также всеядный кабан. Известно, что очень многие гнезда становятся жертвами ворон. В Швеции и Англии проведены опыты для выяснения различных деталей поведения серой вороны при отыскивании ею искусственных гнезд. Оказалось, что серые хищницы, найдя кладку, одно-два яйца съедали на месте, а остальные прятали в траве или зарывали в песок, чтобы полакомиться ими через несколько дней.

Я попробовала применить такой способ. Собрав в лесу гнезда дроздов, опустевшие по вине хищников и брошенные их владельцами, я осторожно перенесла их в другое место,

Гнездо серая ворона предусмотрительно устраивает поближе к вершине дерева на ветках, которые не выдержат тяжести человека, если ему вздумается туда залезть.

укрепила так, как делают это птицы, и положила в них искусственные яйца. Они были вылеплены из пластилина, но размером, цветом и формой копировали дроздиные. Прежде всего я проверила, как к этим гнездам отнесется моя собака. Она всегда интересовалась жилыми гнездами птиц, тянулась к ним носом, а в тех случаях, когда я за ней не следила, норовила похитить кладку или задушить птенцов в гнездах, расположенных невысоко над землей. На мои же гнезда лайка не обратила внимание. И неудивительно: ведь они не пахли птицей и яйца в них были несъедобные, а четвероногие хищники при отыскивании съестного чаще всего руководствуются чутьем. Именно пользуясь только обонянием, Чара легко находила мне гнезда зарянок, расположенные в пустотах между корнями, прикрытые землей и листьями и совершенно незаметные для глаз.

И все-таки мои гнезда привлекли внимание любителей поживиться птичьими яйцами. Из 12 гнезд «дроздов», которые я разложила в лесу, разоренными оказалось 6. Они были либо накренены, хотя содержимое в них и сохранилось, либо подстилка в них была разворошена и яйца выброшены. В двух гнездах часть искусственных яиц пропала. Из 5 гнезд, имитирующих гнезда славок, с положенными в них пластилиновыми яичками соответствующего размера и окраски оказались растрепанными хищниками все пять, причем в одном тоже пропала часть яиц. Видно было, что похитители, не разбираясь, уносили яйца в сторонку, чтобы потом съесть или скормить детям. Разорялись в первую очередь гнезда хорошо заметные, но не ускользали от внимания и замаскированные постройки, положенные у основания ствола большой березы, на пеньке, в густых ветвях елочек.

Скорее всего, грабителями искусственных гнезд могли быть сороки или вороны. Во всяком случае, это были определенно пернатые, обладающие острым зрением, но слабым чутьем, поскольку зверей яйца из пластилина не привлекут.

Орнитологи, много лет проработавшие в заповеднике «Кивач», пришли к выводу, что здесь в гибели гнезд дрозда-белобровика в основном повинна серая ворона. В последние десять лет численность этой хищницы увеличилась, и в связи с этим гибель гнезд дроздов возросла более чем в два раза. В ответ на действия вороны дрозды меняют тактику гнездо-

Серая ворона выделяется среди птиц не красотой, а умом.

вания: у них появилось значительно больше гнезд, устроенных на земле. Особенно это относится к весеннему периоду, когда появляются первые гнезда.

Летом в лесу врановые интересуются не только птичьими кладками и птенцами. Сосед наш видел, как несколько сорок атаковали зайчонка. Тот сидел на дороге, а сороки держались поблизости. То одна, то другая из них подходила и пробовала клюнуть беззащитную жертву. Зайчонок подскакивал свечкой вверх, и птица отлетала, а затем приближалась снова. Когда человек спугнул разбойниц, зайчонок опрометью кинулся к кустам и забился под корни. В другой раз один из жителей нашей деревни видел, как на зайчонка напало несколько воронов. Бедняга в отчаянии забился в щель между камней и безропотно позволил взять себя в руки. Принесли его нам. Зайчонок жил в клетке несколько дней, пока не нашел случая, чтобы сбежать. Это был уже большой зверек, в половину

размера взрослого. Был он здоровый, самостоятельный и с аппетитом ел предлагаемый ему корм.

К осени у сорок и ворон дел в лесу становилось все меньше. И постепенно птицы начали снова, как и весной, стягиваться к домам. На глаза людям они старались не попадаться, но наблюдение за нашей жизнью вели постоянно. Когда кто-нибудь выходил на улицу, с березы раздавался приглушенный «кашель». Вообще врановые птицы очень любят комментировать различные события, происходящие и в лесу, и возле домов. Сороки не пропускали появления ни одного хищного зверька или птицы, чтобы не поднять стрекот над его головой. Однажды рано утром сорока заметила, как дорожку перебежал хорь. Она последовала за ним по пятам с тревожными криками. И даже когда зверек скрылся в высокой траве, она продолжала следить за ним и браниться. Стоило ястребу-перепелятнику спрятаться где-нибудь [illegible] веток, чтобы подкараулить пролетающего воробья, как к [illegible] привязывались со свойственной им назойливостью две или три сороки. Вертясь вокруг хищника с громким стрекотаньем, они не давали ему охотиться. Ястреб периодически принимался с криком гоняться за нахалками, но те уворачивались, а затем, вернувшись, принимались ругаться снова. Немного погодя на этот шум подоспевала и ворона и тоже принималась громко каркать. После этого ястребу ничего не оставалось, как покинуть свою засаду в кустах и ретироваться в лес.

Один из орнитологов, в течение нескольких лет изучавший жизнь сороки в юго-западном районе ГДР, пришел к заключению, что естественным регулятором численности этих птиц в природе является ястреб-тетеревятник. Его же близкий родственник — мелкий ястреб-перепелятник ни для сорок, ни для ворон угрозы не представляет, и тем не менее и те и другие не жалеют времени, чтобы выразить нелюбовь ко всему племени хищников, включая и перепелятника.

Подобным же образом сороки вели себя и по отношению к кошке. Я наблюдала в окно такую сцену: вечером под яблоней долго сидела совершенно неподвижно пушистая кошка наших соседей. Она спокойно дремала. Сороки ее заметили и застрекотали, опустившись рядом на забор. Кошка проскользнула под кусты смородины. Сороки, наскоро закусив на кормушке, последовали за крадущейся в траве хищницей. Стре-

кот их раздавался все дальше и дальше. Похоже, они в этот вечер испортили кошке охоту.

Позже у сорок появилось еще одно дело — «пасти» сов. К этому времени на полях размножились мышевидные грызуны. Возле деревни на стогах часто отдыхала после ночной охоты ушастая сова. Сороки, едва заметив ее, летели к этому серому малозаметному хищнику и поднимали бесконечный назойливый стрекот над головой дремлющей совы.

Привычка окрикивать хищника — в трудах орнитологов она обозначается термином, взятым из английского языка: «моббинг» — известна у многих птиц. Для некоторых из них, к числу которых принадлежат и сороки с воронами, это поведение очень характерно, и ему уделяется существенная часть времени и сил. Стремление окрикивать врага вызывается разными причинами или поводами. Оно служит не только для того, чтобы предупредить об опасности птенцов. Шум, поднимаемый вокруг хищника, отвлекает его внимание, затрудняет ему охоту, выдает место его нахождения другому, более сильному врагу, помогает обучить неопытную молодежь. Кроме всего прочего, есть и такое мнение — его придерживается, например, один из норвежских зоологов, — что окрикивание включает еще и функцию саморекламы, которая способствует поддержанию высокого ранга особи в стае. Птица как бы говорит своим сородичам: «Смотрите, какая я сильная, агрессивная и никого не боюсь».

Есть и еще один существенный мотив для моббинга у сорок и ворон — психическая атака, при которой выявляются больные и ослабевшие животные. Как-то в начале сентября мы с небольшой собакой, принадлежавшей моей приятельнице, шли по дороге между полями. Собака, убежавшая далеко вперед, стала приближаться к одинокому жилому дому, и тут к ней привязались две сороки. Птицы взволнованно стрекотали и садились прямо перед ее носом. Уж не подумали ли они, что бегущая по полю одинокая собака может добыть что-нибудь интересное для них или, наоборот, сама погибнет и станет их добычей? Во всяком случае, они вели себя с животным очень нагло. Подобную сцену я наблюдала в пригороде Ленинграда. Поздней осенью среди бела дня по полю бежал большой серый заяц, только за ним гнались на этот раз не сороки, а вороны. Они не налетали на него и не кле-

вали, а просто не давали ему покоя и возможности остановиться и залечь. Как только он садился, несколько ворон опускались рядом, окружали его и каркали прямо ему «в лицо». И он вынужден был продолжать свой панический бег. Вероятно, таким образом птицы-падальщики находят больных зверьков и ускоряют их конец.

Итак, далеко не просты эти врановые птицы. Со своей хитростью, смекалкой и сообразительностью они много могут добыть в лесу. Но чем ближе к зиме, тем труднее становится им без людей: птичья молодежь взрослеет, ловить ее становится все сложнее, зайчата подрастают. Вот и приходится им опять вспоминать о помойках возле домов, где хоть и не очень вкусно, но можно прокормиться. В конце сентября в деревню открыто, уже не таясь, начали слетаться вороны. В эту пору режут скот, и птицы могут раздобыть мясные кусочки, если удастся стащить их у собаки. Осмелели и сороки. На безлюдной улице (детей развезли по городам) можно было наблюдать типичную деревенскую сцену. Большая собака лежит возле дороги и гложет овечье копыто. Молодой пес не столько ест, сколько развлекается. Возле него почти рядом стоят две сороки и возбужденно смотрят на кость. Тем временем к одной из птиц, распластавшись по земле, подбирается котенок. Все так заняты друг другом, что на человека никто из них не обращает внимания. Они и не подозревают, наверное, что кормильцем всей этой компании является в конечном счете именно он, человек.

Так и живут бок о бок птицы и люди, часто не обращая внимания друг на друга, иногда ссорясь, иногда радуясь друг другу как члены одной большой семьи. Кто из них кому больше нужен — человек птицам или птицы человеку? Насколько нуждаются в нас птицы, судите сами. Но выживет ли человек, если на Земле не останется птиц?

СОДЕРЖАНИЕ

В СТРАНЕ БЕЛОГО АИСТА 3
ВСТРЕЧИ В ОГОРОДЕ 49
СКВОРЧИНЫЕ БУДНИ 74
ПОД ОДНОЙ КРЫШЕЙ С ЛАСТОЧКАМИ 100
ПЕВЦЫ КРАПИВНЫХ ЗАРОСЛЕЙ 128
НАЗОЙЛИВЫЕ СОСЕДИ 138
ПОЛЕ 152
ПЕРНАТЫЕ ШАКАЛЫ 169

Научно-популярное издание

Эмилия Николаевна Голованова

ПТИЦЫ ВОЗЛЕ ДОМА

Редактор А. А. Лущик
Художник Л. М. Глоцер
Художественный редактор Б. А. Денисовский
Технический редактор Л. М. Шишкова
Корректор А. В. Хюркес

ИБ № 1898

Сдано в набор 20.10.88. Подписано в печать 28.02.89. М-17543. Формат 70×108$^{1}/_{32}$. Бумага офсетная. Гарнитура литературная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 8,05. Усл. кр.-отт. 32,55. Уч.-изд. л. 10,41. Тираж 500 000 (2-й завод: 50 001-100 000) экз. Индекс ПЛ-183

Зак. 2701. Цена 1 р. 10 к. Гидрометеоиздат. 199226, Ленинград, ул. Беринга, 38.

Отпечатано в ордена Трудового Красного Знамени тип. издательства Куйбышевского обкома КПСС.

443080, г. Куйбышев, пр. К. Маркса, 201.

12

1 р. 10 к.

ПТИЦЫ ВОЗЛЕ ДОМА

Живописны и уютны деревни в отдаленных от больших дорог уголках Северо-Запада. Избы ставили здесь бревенчатые, добротные, люди в этих краях селились основательно, на века. И хотя пустеют сейчас такие места, очарование их сохраняется. Автору, Эмилии Николаевне Головановой, посчастливилось прожить в одной из маленьких деревенек на Псковщине несколько летних сезонов. Она предлагает читателю познакомиться с жизнью деревни — такой, какой она открывается глазам орнитолога, с миром птиц, который начинается за порогом дома. Пока остается в деревне хоть несколько постоянных жителей, пока держат они скот и домашнюю птицу, сохраняется в ней и свое население пернатых. Не избегают деревень и многие пернатые обитатели окружающих лесов и болот. И те, и другие живут своей независимой от воли человека жизнью, и тем не менее привязанность птиц к таким деревенькам обусловлена присутствием здесь людей.

ISBN 5-286-00102-5

Гидрометеоиздат 1990.

PHOTOS BY ANDREY G AKA DONUT190